

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ 6 ОКТЯБРЯ 1998

Итоги

ВМЕСТЕ С Newsweek®

Реваншисты, вперед!

Лидеры левых сил мечтают начать акцией 7 окрября свое триумфальное шествие к власти

Стр.12-20

№39(124)

Подписка на журнал **«Итоги»** принимается без ограничений по всей территории РФ. В розницу журнал распространяется в Москве и Московской обл., Санкт-Петербурге, Архангельске, Астрахани, Барнауле, Брянске, Владивостоке, Владимире, Волгограде, Вологде, Воронеже, Выборге, Екатеринбурге, Златоусте, Иванове, Ижевске, Иркутске, Казани, Калуге, Кинешме, Кирове, Костроме, Краснодаре, Красноярске, Мончегорске, Мурманске, Нерехте, Н.Новгороде, Н.Тагиле, Новгороде, Новокузнецке, Новосибирске, Обнинске, Омске, Оренбурге, Орле, Пензе, Петрозаводске, Перми, Пскове, Ростове, Ростове-на-Дону, Рыбинске, Рязани, Самаре, Саратове, Смоленске, Сочи, Ставрополе, Сыктывкаре, Тамбове, Твери, Томске, Туле, Тюмени, Ульяновске, Ухте, Хабаровске, Челябинске, Шуе, Элисте, Ярославле; в странах СНГ: **Азербайджане, Армении, Белоруссии, Грузии, Казахстане, Киргизии, Молдавии, Украине.** Журнал можно приобрести также в **Австрии, Великобритании, Венгрии, Германии, Италии, Испании, Польше, США, Финляндии, Швейцарии.**

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Верхом на протесте

Нынешняя стачка для Зюганова, все равно что референдум 93-го года для Ельцина. Коммунистам нужна поддержка народа

Александр Рыклин

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Накануне рассмотрения в парламенте законопроекта о Конституционном собрании, накануне очередных слушаний в комиссии по импичменту товарищ Зюганов обещает вывести на улицы 40 миллионов человек. Коммунистам сегодня жизненно необходим такой своеобразный «наказ от избирателей», чтобы запустить долгоиграющую пластинку импичмента и одновременно пересмотреть Основной закон с целью урезания полномочий президента. У Геннадия Андреевича на руках будет тот же козырь, какой был у Бориса Николаевича, когда тот подписывал указ № 1400 (О роспуске Верховного совета), — народное доверие. Ельцин получил желаемый результат «Да-да-нет-да» на референдуме весной 1993-го. Зюганов собирается получить его 7 октября. **Стр. 12-20**

Уже в который раз правительство пытается установить государственную монополию на алкоголь. Однако монополия на производство и реализацию спиртных напитков в нашей стране фактически существует. И поскольку уже принятые законы не выполняются и нелегальный водочный бизнес все равно процветает, возникает вопрос: кто и как может заставить выполнять новое решение? **Стр. 26**

В Присаянской тайге живут бывшие европейцы, люди с немецкими фамилиями, молящиеся по-польски, говорящие на украинско-белорусском наречии и хранящие свои неизвестно откуда взявшиеся традиции. **Стр. 44**

На обложке коллаж **А.Т.** и **Дарьи Делоне**, фото **Руслана Ямалова**

Загадки патриотов

Еще полгода назад словосочетание «положение русскоязычного населения в ближнем зарубежье» вызывало вполне понятный отклик и у левых, и у правых: наших бьют! Но оказалось, что этот условный рефлекс срабатывает только на сытый желудок. На днях сейм Латвии обсуждал весьма жесткий закон о государственном языке. Образование, все публичные мероприятия, служебная переписка, инструкции по технике безопасности и даже вызов «скорой помощи» — только на латышском. Русскоговорящих в Латвии 45 процентов. Поэтому неудивительно, что верховный комиссар ОБСЕ по делам меньшинств Макс ван дер Стул обратился к латвийским парламентариям с увещевательным письмом. Удивительно другое — в России это почти никого не взволновало. В условиях кризиса державно-патриотическая риторика исчезла из политического обихода.Но патриотизм никуда не делся. Он просто возник в неожиданном месте. Чуждая русскому духу западная реклама, о засилье которой давно говорили большевики, потихоньку исчезает с телевидения. Дело в том, что рекламные агентства покупали у телекомпаний эфирное время оптом и потом перепродавали его рекламодателям в розницу — такова обычная практика. Сейчас иностранные рекламодатели неуклонно уходят с рынка, и агентства распродают это некогда золотое время отечественным товаропроизводителям. Разумеется, по весьма умеренной цене, чтобы хоть что-то выручить. «Спартак-Кола» — наша «Кола»! Патриотизм — последнее прибежище рекламного агента, преследуемого финансовым кризисом.

Московский мэр Юрий Лужков и новоназначенный вице-премьер Вадим Густов, движимые патриотическим желанием сохранить целостность страны, предложили укрупнить российские регионы. Создать 20 — 25 региональных образований (по Густову) или 12 экономических конгломератов (по Лужкову). Недавно президент Ингушетии Руслан Аушев решительно выступил против этой идеи. «Мы никому не отдадим атрибуты своей независимости — гимн, флаг, конституцию», — сказал он. Кавказский патриотизм — это гораздо серьезнее, чем лубочные пляски Довганя на телеэкране. Тем временем на конкурсе в Дании русское пиво признано лучшим в мире. Авторитетнейшие дегустаторы выбрали его из 516 сортов, представленных пивоварами 59 стран. Бальзам на израненную душу патриота! Жаль только, что наше пиво называется по-заграничному — «Империал портер». Но если дословно перевести на русский, получится еще хуже — «Великодержавное темное».

Поиск национальной идеи уступил место более прозаичным заботам. Найти бы свой банковский вклад или хотя бы постное масло. Согласно недавнему опросу ВЦИОМ, 39 процентов убежденных пессимистов полагают, что товарный голод будет продолжаться более года. Зато 17 процентов непоколебимых оптимистов считают, что трудности закончатся через месяц-другой. Это не случайная цифра. Как показывают многолетние социологические исследования, единственное, что стабильно в России, — это процент людей, верящих, что скоро все само собой наладится. Тоже своего рода патриотизм. Безответственный, зато безобидный. ■

Денис Драгунский

Поцелуй вампира

Граф Дракула стал вампиром не по злой воле. Испанский невропатолог Хуан Гомес Алонсо наконец освободил графа от исторической ответственности. Доктор был поражен сходством поведения вампиров и людей, больных бешенством. Свои выводы он опубликовал в журнале Neurology. Изучив историческую литературу, Алонсо обнаружил, что появление на Балканах легенд о вампирах совпадает со вспышками эпидемий бешенства в тех местах. Доктору удалось объяснить поведение вампиров через симптомы этой болезни. Слабости Дракулы — боязнь чеснока и света — он приписывает сверхчувствительности, характерной для больных бешенством. Гиперсексуальность и привычка бодрствовать по ночам могут быть следствием воздействия болезни на участки мозга, регулирующие циклы сна и сексуальное поведение. Даже пресловутый укус вампира — это всего лишь рефлекс, свойственный людям с повышенной сексуальной активностью. Кстати, именно через укус и могла передаваться зараза, так как вирус бешенства находится в слюне больного. «Люди, больные бешенством, реагируют на воду, свет, запахи, зеркала судорогами лицевых и связочных мускулов. Именно из-за судорог появляются характерный оскал, хрипы и пена у рта», — заявил ученый. ■

В Швеции за водкой отвезут бесплатно

Существующая в Швеции государственная монополия на алкоголь предусматривает продажу напитков только в определенные часы и только в специализированных государственных торговых точках. В городе Орнсколдвик, что в 450 км к северу от Стокгольма, на всю его центральную часть существует лишь одна такая точка, да и ту недавно закрыли на ремонт. Чтобы не допустить «роста социальной напряженности», власти города тут же позаботились о страждущих приобщиться к высокоградусной продукции и организовали бесплатное автобусное сообщение с другим магазином, который расположен у городской черты. В течение двух месяцев до окончания ремонта ежедневно, кроме субботы и воскресенья, каждые полчаса автобусы будут совершать 4-километровые челночные рейсы от центра города к периферийной торговой точке, так что никакого недовольства у жителей возникнуть не должно.

В СВЯЗИ С РЕШЕНИЕМ ПРАВИТЕЛЬСТВА О ВВЕДЕНИИ МОНОПОЛИИ НА АЛКОГОЛЬ **В ОДНОМ ИЗ МОСКОВСКИХ МАГАЗИНОВ ИДЕТ ПРОВЕРКА ВОДОЧНОЙ ПРОДУКЦИИ**

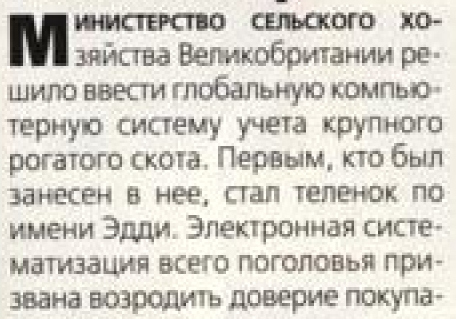
Британский принц русских кровей

На прошлой неделе в разгар кризиса и правительственной неразберихи, когда все заговорили о бегстве иностранных партнеров, в Москве открылся офис Российско-Британской торговой палаты. Впрочем, в далеком 1987 году такой офис уже один раз открывала Маргарет Тэтчер, но два с половиной года назад он закрылся — изменились условия. На этот раз на новое открытие приехал Его Королевское Высочество принц Майкл Кентский (слева). Он пожелал успехов палате и даже прочел поздравление по-русски, напомнив, что в нем течет и русская кровь. Говоря о российском кризисе, президент палаты сэр Норман Вудинг (справа) сказал, что его опыт подсказывает: удачлив в бизнесе тот, кто расчитывает на долгосрочное сотрудничество, а работать в тяжелые для России времена палате, основанной в 1916 году, приходилось уже не раз... ■

Мы знаем — Букер будет

В Московском доме ученых был оглашен список финалистов литературной премии Букера, присуждаемой за лучший роман года. В шорт-лист вошли по традиции шесть человек. Ими стали Александр Морозов («Чужие письма»), Михаил Пророков («БГА»), Ирина Полянская («Происхождение тени»), Алексей Слаповский («Анкета. Тайнопись открытым текстом»), Виктор Соснора («Дом дней»), Александра Чистякова («Не много ли для одной?»). Объявлен и короткий список претендентов на «Малого Букера», присуждаемого в этот раз за книгу, которая, по мнению жюри (его председатель Андрей Зорин на снимке справа), «представляет собой значительный вклад в жанр мемуарной и автобиографической прозы, посвященной литературной жизни России». Открывая церемонию объявления имен финалистов, председатель Российского комитета премии Букера сэр Майкл Кейн (слева) решительно опроверг появившиеся в последнее время упорные слухи о том, что нынешний русский Букер — последний. «Премия Букера, по крайней мере в будущем году, в России будет», — уверенно заявил он. А дальше? Что загадывать?

В Европе перестали покупать джинсы

Европейское отделение компании Levi Strauss объявило о намерении закрыть четыре предприятия по пошиву джинсовой одежды, расположенных в Бельгии и Франции. Будет ликвидировано порядка полутора тысяч рабочих мест. Кроме того, в целях сокращения оперативных расходов в европейских офисах компании будет уволено не менее ста менеджеров и управленцев. Прийти к такому решению компанию заставило прежде всего общее падение спроса на джинсовую одежду. Основную причину этого аналитики компании видят в уменьшении численности молодежи на европейском континенте — основного покупателя продукции Levi Strauss и подобных ей фирм. Меняется и общая структура потребительских расходов: вместо того чтобы приобретать модные обновки, молодежь все больше предпочитает тратиться на бытовую электронику, компьютерные игры, хобби и путешествия.

ТРИДЦАТИШЕСТИЛЕТНИЙ АВСТРАЛИЙСКИЙ МАРАФОНЕЦ ПЭТ ФАРМЕР НА ПРОТЯЖЕНИИ 24 ЧАСОВ НОСИЛСЯ ВВЕРХ-ВНИЗ ПО 87-ЭТАЖНОМУ СИДНЕЙСКОМУ НЕБОСКРЕБУ. ФАРМЕР ПРЕОДОЛЕЛ 101 934 СТУПЕНИ, ТО ЕСТЬ ПРАКТИЧЕСКИ ВЗОБРАЛСЯ НА ЭВЕРЕСТ И СПУСТИЛСЯ С НЕГО. МАРАФОНЕЦ РЕШИЛ ПОБИТЬ МИРОВОЙ РЕКОРД ПО ВОСХОЖДЕНИЯМ. ПО СЛОВАМ ФАРМЕРА, СУЩЕСТВУЮЩИЙ РЕКОРД БЫЛ УСТАНОВЛЕН НЕКИМ ЧИКАГЦЕМ, КОТОРОМУ, ВПРОЧЕМ, БЫЛО РАЗРЕШЕНО ПОСЛЕ КАЖДОГО ПОДЪЕМА СПУСКАТЬСЯ ВНИЗ НА ЛИФТЕ

Английских коров занесут в компьютер

Министерство сельского хозяйства Великобритании решило ввести глобальную компьютерную систему учета крупного рогатого скота. Первым, кто был занесен в нее, стал теленок по имени Эдди. Электронная систематизация всего поголовья призвана возродить доверие покупа-

теля к британской говядине, которое было сильно подорвано многочисленными случаями так называемого «коровьего бешенства». Отныне каждая особь будет иметь свое компьютерное досье, в котором будут регистрироваться все ее параметры, перемещения, вакцинации и т.д. Главная цель системы — контроль и предотвращение случаев эпидемических заболеваний. ■

Лето уже за горами

На европейской территории России в октябре происходит переход от тепла к холоду. В средней полосе, несмотря на холодное начало, с ночными отрицательными температурами, летящими снежинками и дневной температурой от 3 до 10° тепла, ожидается, что октябрь еще порадует погожими днями с температурой до 10 — 16°, однако по ночам не исключены заморозки. Во второй половине месяца прохладнее. В третьей декаде не только ночью, но и днем температура иногда может опускаться до 0, а землю запорошит снегом. Дольше сохранится теплая погода на Средней Волге. На Нижней Волге в начале месяца то же не обойдется без похолодания, днем +10 — 15°, ночью +3 — 8°. Но здесь температура может повыситься и до +20°. На Северном Кавказе лето не спешит уходить, днем +17 — 22°, в отдельные дни до +25 — 28°, но осень напомнит о себе дождями. На севере в первой половине месяца воздух еще может прогреваться до +3 — 8°, на северо-западе до +7 — 12°. Во второй половине пасмурнее, ветреннее, холоднее, чаще осадки. Днем на севере уже 0, -5°, ночью до -10°, на северо-западе днем 2 — 7° градусов тепла, ночью заморозки. ■

Лучше чаще да лучше

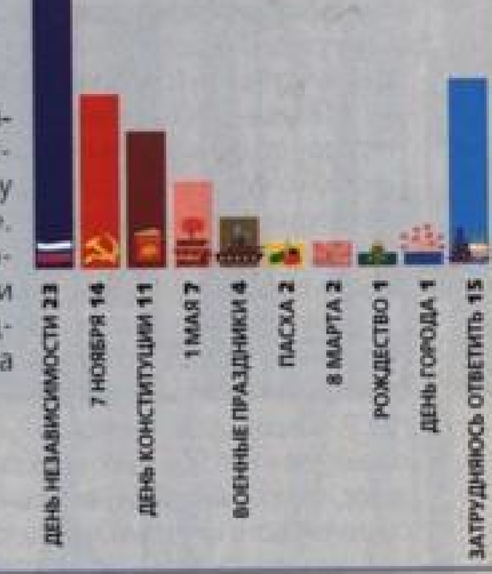
Немцы стали меньше заниматься сексом, причем сам процесс тоже стал короче — к таким выводам пришли специалисты немецкой компании «Дурекс», производящей презервативы, когда сравнили результаты опросов, проведенных в 1996 и 1997 годах. Выяснилось, что в среднем количество сексуальных контактов в 1997 году у мужчин и женщин Германии снизилось до 112 по сравнению со 129 в 96-м. Продолжительность в среднем также уменьшилась — 17,2 минуты против 18,9. По количеству сексуальных контактов на человека в год, как следует из данных обзора, лидирует Франция, ее среднегодовой показатель — 141 половой акт. Но для Франции это регресс, так как годом раньше этих самых контактов у французов было 151. Наименее сексуальными оказались жители Гонконга: их и без того невысокая активность — в среднем 77 контактов в 1996 году — в 97-м упала до 57. Что касается длительности контакта, то наиболее торопливы в этом деле тайцы: у них на все про все уходит 10,4 минуты. Американцы побили свой собственный рекорд 96-го — 25,3 минуты — и вышли на первое место по продолжительности акта — 28,1 минуты. ■

Жизнь — вечный праздник

Национальный институт социально-психологических исследований провел опрос на тему «Праздники в жизни москвичей». Из 800 опрошенных жителей столицы 21% считают, что в России отмечают слишком много праздников. Респонденты отвечали на вопрос:

КАКИЕ ПРАЗДНИКИ ВЫ СЧИТАЕТЕ ЛИШНИМИ?

(ОТВЕТЫ ДАНЫ В ПРОЦЕНТАХ)

По информации «Итогов», REUTER, ИЦ «Метео», ИТАР-ТАСС. ФОТО REUTER, AP, EPA, EAST NEWS/GAMMA, Р. Ямалова, В. Иванова, И. Гаврилова

«Я не из тех людей, чтобы доводить до мордобоя, я извиняюсь за это слово. И мордобой-то опять не они же бы, не их же! Если бы их бы там навесить – это бы с удовольствием! А те мордобой-то, в мордобое люди же бы участвовали: народ как всегда»

Виктор Черномырдин

«С таким человеком не только в разведку нельзя идти, вообще просто ночью нельзя идти».

Вадим Густов о Шохине

«Может быть, у нас вообще нет ни единого шанса, но по клятве Гиппократа мы обязаны бороться за эту страну до последнего патрона».

Валерия Новодворская

«Слишком долго, иногда безапелляционно, оперировали общественным мнением».

Егор Строев

«Мы раз и навсегда должны дать отпор этим окорочкам».

Александр Ткачев, депутат Госдумы, аграрий

«Я проработал всего год. Значит, только разворошил».

Аман Тулеев

«Вот я бы хотел обратиться к сюжетам девяносто первого года: продовольственный дефицит, да, он был реальным, магазины были пустые, полки были пустые, очереди огромные, но он происходил на фоне производства гигантского количества продукции».

«Я согласен с тем, что Россия не просто аграрно-индустриальная, а Россию Господь Бог создал великой аграрной, великой крестьянской страной».

Михаил Лапшин

«Я бы вообще не сужал Росселя и других товарищей до каких-то конкретных участков».

Юрий Петров, председатель Государственной инвестиционной корпорации

«Пусть он увидит, что Россия живая, что она богата субъектами».

Дмитрий Аяцков о Ельцине

«Но ведь бывают моменты, когда не знаешь, куда эти деньги деть. Иногда думаешь: на кой черт они у меня есть?!»

Владимир Ресин

«Еще раз Хачилаева приглашаю: приходи. И не только Хачилаева – многих, кто совершил многомиллиардные хищения в республике. Мы их тоже приглашаем. Мы еще покамест щадим некоторые фамилии».

Владимир Колесников, заместитель министра внутренних дел

«Я государственник и никогда ничего не позволял нашей области».

Эдуард Россель

«Мы не просто первые в космосе, мы никак не можем отстать, как ни пытаемся это сделать».

Юрий Батурин

Слушал и записывал **Вова Белозерцев**

Коммунист на английском лужке

Тише! Тише! Не спугните! Вы только послушайте, какое чудо! Неужели эта сладкоголосая птичка зовется коммунистом? Не может быть!

На прошлой неделе Геннадий Андреевич Зюганов фактически признал, что, во-первых, он социал-демократ, а во-вторых, что президентом Российской Федерации ему не бывать никогда. Не верите? А кто сказал: «Чем больше практичных, грамотных, умных людей сумеют объединить свои усилия, тем скорее отсечем радикалов от любого фланга и не дадим ефрейторам, которые мнят себя командующими, пройти и захватить власть явочным порядком»? А вот и не угадали, никакой это не Гайдар, а самый что ни на есть Зюганов. Что же с ним случилось? Объясняем.

Мэр Москвы Юрий Лужков съездил в Англию. Там он с удивлением обнаружил, что «наблюдается совпадение целей не только у московских властей и лейбористов, но и у 13 правящих партий в Европейском сообществе, а всего их 15». Единственное различие оказалось в том, что у них у всех есть левоцентристские коалиции, которые цели эти воплощают в жизнь, а у нас нет. Решил Юрий Михайлович такое положение исправить, о чем тут же англичанам и сообщил. «Будет, — говорит, — и у нас коалиция, будьте покойны. А там, глядишь, и я президентом буду».

А кому же, как не Зюганову, городскому голове в таких делах помогать. Ведь речь идет о «рыночных преобразованиях и создании среднего класса, постепенном развитии экономики без радикальных прыжков... социал-демократических ценностях... демократии и свободе общества». Да и название всему этому Лужков подходящее придумал — «рынок и социализм при распределении». Ох и запел тут наш мымринский (Орловской обл.) соловей — Геннадий Андреевич, — ох, и запел! И про то, что «выход из нынешней драматической ситуации в создании широкой левоцентристской коалиции», и про то, что мэр «всегда был на виду, имеет солидную поддержку не только в Москве».

Тут и подпевка подхватила. Михаил Лапшин предложил, что Аграрная партия станет «мостиком» между Лужковым и НПСР. «Народовласт» Николай Рыжков сказал, что в России «всего несколько человек, которые более-менее могут рассматриваться в качестве кандидатов на пост президента, в том числе Юрий Михайлович». В общем, полный «одобрямс».

Юрий Михайлович на доброе только добрым отвечает. Как вернулся в Москву, сразу заявил: «При разном политическом мышлении по крупным политическим и экономическим вопросам моя позиция схожа с позицией КПРФ».

Вот Тони Блэр, наверное, удивился. ■

Дмитрий Князь

Хуже не будет

Новому правительству «старых реформаторов» требуется министр культуры. Необходимые качества: мужчина, русский, занимавший высокие наменклатурные должности в советское время и имеющий партийный опыт идеологической работы, не замеченный в политических скандалах и связях с «молодыми реформаторами». Судя по всему, примерно такое объявление 24 сентября развесила там, где водятся кандидаты на министерские посты, Валентина Матвиенко — вице-премьер правительства, отвечающая теперь за социальные вопросы. Вместе с объявлениями о вакансиях на еще три места министров социальной сферы. Ельцин просил ее с этим не тянуть.

Тридцатого числа подходящего мужчину уже представляли президенту. Это был директор Российской государственной библиотеки Владимир Егоров. Его номенклатурная биография не хуже, чем у иных вице-премьеров нынешнего правительства. Заведовал отделом пропаганды ЦК ВЛКСМ, был главным редактором журнала «Молодой коммунист», потом работал в ЦК КПСС заместителем заведующего отделом культуры, идеологическим отделом, заведующим подотделом культуры и искусств. А в 1990 — 1991 годах был даже помощником Горбачева по вопросам культуры и религии. Так что проблемам культуры вроде бы не чужд. Не говоря о том, что до горбачевского призыва, с 1985-го по 1987-й, два года был ректором Литинститута (тогдашним студентам, правда, он ничем особенным не запомнился).

Последние два года Владимир Константинович Егоров служил директором Ленинской библиотеки. Его рекомендовали как отличного администратора, и действительно, во время его правления Ленинка не развалилась окончательно, хотя к этому все шло. Но и никаких победных улучшений за это время тоже не было. Ремонт Пашкова дома, который пережил всех последних директоров, пережил и Егорова. Самая большая в стране библиотека до сих пор не компьютеризирована (при том, что Егоров является академиком Международной академии информатизации). Рядовые читатели запомнили директора только тем, что заказ книг по телефону стал платным.

Наталья Дементьева, предыдущий министр, считала Ленинку самым тяжелым объектом в подведомственной ей культуре. Теперь директор библиотеки отодвинул министрессу в свои заместители. Как сказал «Итогам» чиновник Минкульта, «иллюзий на счет нового министра ни у кого нет, но в последнее время было так плохо, что хуже уже не будет». ■

Леонид Самоцветов

Налет на Милошевича

Югославский президент Слободан Милошевич стал главным врагом НАТО. **На прошлой неделе из штаб-квартиры альянса последовало заявление о том, что НАТО может применить силу для урегулирования конфликта в Косово, где албанское большинство добивается независимости от Югославии.** Речь идет в общей сложности о сотне самолетов, большую часть этой армады предоставят США, Франция, Великобритания и Германия.

Россия резко выступила против военного решения: спикер Госдумы Геннадий Селезнев заявил, что оно может привести «к самым серьезным последствиям». Дискуссия развернулась вокруг резолюции 1199 СБ ООН от 23 сентября сего года. По мнению ряда западных дипломатов, она позволяет начать акцию против сербских сил в Косово, если те не прекратят убивать мирное население, но официальный представитель МИД России Владимир Рахманин заявил, что резолюция «применения силы не санкционирует». Судя по всему, окончательное решение будет принято после представления доклада генсека ООН о ситуации в крае.

Чашу терпения мирового сообщества переполнили сообщения о массовых убийствах, учиненных сербскими войсками во время «зачисток» албанских деревень уже после принятия резолюции 1199. 28 сентября международные наблюдатели обнаружили тела 14 убитых албанских крестьян в местечке Горне Обринье, а затем еще 17 тел в Вучитерне. Всего же, по их данным, за семь месяцев косовского конфликта погибли уже 800 человек и более 300 тысяч албанцев стали беженцами.

Министр обороны Германии Фолькер Рюе подчеркнул, что нынешние военные приготовления — это предупреждение Милошевичу. «Принимая решение в отношении Сербии, НАТО будет судить по действиям президента Слободана Милошевича, а не по его словам», — подтвердил генсек НАТО Хавьер Солана. ■

Евгений Гольянов

ХАЙЛЕ-СЕЛАССИЕ НА СМОТРЕ ВОЙСК

ВЕХИ ВЕКА

Виват, растаманы!

Сергей Иванов

Дорогу к власти над Эфиопией Рас Тэфэри Мэконнину проторили достижения технического прогресса. В 1916 году его войска одержали верх над армией свергнутого императора Лиджи Ииясу только потому, что в соседнем французском Джибути была вовремя закуплена партия пулеметов, и в битве при Сегеле они легко рассеяли непобедимую доселе конницу из Уолло. Когда в 1917 году императрицей короновалась Зоудиту, объявившая Рас Тэфэри своим наследником, он осветил невиданным в Эфиопии электричеством целую улицу в Аддис-Абебе, по которой торжественная процессия ехала из дворца в собор св. Георгия.

Сделавшись регентом, Рас Тэфэри смог наконец удовлетворить свою неуемную жажду прогресса. В 1920 году он устроил типографию, потом основал газету, потом организовал лицей в столице и несколько школ в провинции, потом купил автомобиль, потом открыл госбанк. Он нанял французских инженеров строить первую железную дорогу и частенько заезжал к ним сам — поболтать по-французски. В 1923 году регент нанес визит в британскую колонию Аден и, к ужасу свиты, совершил полет на аэроплане. В том же году Эфиопия была принята в Лигу Наций и вышла на мировую арену. На следующий год Рас Тэфэри предпринял ознакомительную поездку по Европе, взяв с собой большую группу эфиопской знати: он хотел убедить косных феодалов в преимуществах западного образа жизни. Далеко не все они согласились с ним, но сам регент был в полном восторге. Домой он вернулся, везя группу бельгийских и шведских военных инструкторов — обучать эфиопскую армию. По возвращении Рас Тэфэри начал посылать молодежь учиться за границу и запретил рабство, чем вызвал сильное неудовольствие элиты.

В знак протеста губернатор провинции Сидамо дэджазмач («командующий войском у полога императорского шатра») Бальчу в 1928 году отказался перечислять центру налоги. Вызванный для объяснений в столицу, он прибыл под Аддис-Абебу в сопровождении десятитысячной армии. Рас Тэфэри пригласил своевольного правителя на банкет, а пока они пировали, посланцы регента просочились в лагерь Бальчу и стали раздавать воинам деньги. Вернувшись из столицы, губернатор нашел лагерь опустевшим и почел за благо сдаться регенту. В сентябре того же года обученная европейскими инструкторами гвардия Рас Тэфэри захватила дворец и разоружила гвардию императрицы Зоудиту.

Семьдесят лет назад, 7 октября 1928 года, в церкви Мэканэ-Сылласе в Аддис-Абебе Рас Тэфэри был коронован в качестве негуса. Против него тотчас взбунтовались северные племена галла-азебо, южная провинция Огаден, а главное — Рас Гугсы-Уоле, муж императрицы Зоудиту. Но в решающей битве при Зэбите на стороне Рас Тэфэри вновь оказался технический прогресс — судьбу сражения решили два самолета, посеявшие панику в войсках мятежников. После той победы Рас Тэфэри и принял коронационное имя, под которым его все знают, — Хайле-Селассие.

Этот император правил Абиссинией более полувека, успев стать не только эфиопским Петром I, но и эфиопским Николаем II: он был свергнут и, по-видимому, убит революционерами. Но самое парадоксальное то, что этот неутомимый западник и поклонник прогресса был обожествлен в Вест-Индии сектой «растафарианцев» (или «растаманов») в качестве символа африканской самобытности и черного протеста против белой цивилизации. ■

ДЕРЗАНИЯ

На воздушном шаре вокруг земного

Игорь Померанцев

В 1670 году Франческо Лана, иезуит, математик и один из пионеров европейского воздухоплавания, выразил готовность за солидное вознаграждение разработать проект летательного аппарата, с которого можно было бы сбрасывать на города противника снаряды и бомбы. Лана был беден и потому остро нуждался в спонсоре. Современные воздухоплаватели, к счастью, почти все — миллионеры: им не нужны кровожадные спонсоры. Из всех предшественников им, пожалуй, ближе всех по духу утка, овца и петушок, которых в 1783 году отправили из Версаля в небеса, чтобы продемонстрировать людям жизнестойкость животных. Утка и овца отлично справились с восьмикилометровым перелетом, но петушок едва выжил. Лишь потом ученые мужи пришли к выводу, что на здоровье петушка пагубно сказались не перепады атмосферного давления, а копыта овцы.

Сообщения агентств о полетах современных воздухоплавателей вопреки всем репортерско-информационным предписаниям похожи на стихи: «беспосадочный», «кругосветный», «воздушный». Какая все же окрыляющая лексика! Не знаю, может быть, через век-другой слово «компьютер» тоже кого-то окрылит. Но это будут совсем другие крылья. Воздушный шар, когда-то казавшийся добропорядочной публике воплощением прогресса, с колокольни уходящего XX века кажется чуть ли не явлением природы вроде птиц или облаков. Есть у воздушного шара еще одно свойство, роднящее его со стихией: им очень трудно управлять. Летать на шаре несравнимо труднее и сложнее, чем вести машину, самолет или косимческий корабль. Вот в чем смысл прогресса: упрощать, облегчать. И вот чему противятся современные воздухоплаватели и их болельщики.

В августе 1998 года в течение десяти дней длился полет бесстрашного миллионера Стива Фоссетта. Все ли учел Фоссетт? Знал ли он, что индийский ветер *Лу*, встречи с которым он не миновал, вызывает у чужаков летаргический сон и туманит память? Что некоторые австралийские ветра способствуют бессоннице или кошмарным снам? Видимо, не знал и потому вместе с воздушным шаром упал в Коралловое море, преодолев лишь две трети маршрута. Путешествие Фоссетта завершилось. Беспосадочный кругосветный полет продолжается. ■

КУЛЬТУРА

Вобла и террор

Зиновий Зиник

Были ли вы когда-нибудь свидетелем того, как при скоплении респектабельной публики раздирают на части засохший труп животного и при этом запах

распространяется на всю окрестность? Значит, вы не присутствовали при поедании русской воблы на английской лужайке. У каждого народа есть такой продукт в меню вроде воблы — некая кулинарная дрянь. Публично все над этим продуктом питания издеваются, но периодически каждый тайком, с ностальгической дрожью и жадностью этот продукт пожирает. Но у всякого подобного деликатеса — вроде рокфора, с тухлецой и червячком — всегда есть его близнец-двойник, рожденный обычно в годы испытаний. Потребление подобных продуктов — это причащение к героике прошлого, когда англичане, скажем, с тайным садизмом стоиков перепахали все лондонские парки с отманикюренными газонами и лужайками (включая Гайд-парк) под картофельные поля и все одной семьей, за одним столом, у одного костра, под коллективное пение делили краюху хлеба с кружкой эля.

«Мы будем бить Гитлера, пока у нас не кончатся пули, — говорил Черчилль в своем обращении к британскому народу. — А когда у нас кончатся пули, мы будем бить нацистов пивными бутылками».

В этой речи как-то автоматически подразумевается, что у британцев в критической ситуации могут кончиться пули, но не пиво. Пивом нередко запивают сандвичи, и с эпохи второй мировой хлеб часто намазывали тогдашним кулинарным изобретением под названием spam, солоноватым на вкус — нечто вроде колбасного фарша промышленного производства, куда через мясорубку загонялось все, от кишок до свиных копыт.

Этот ностальгический продукт, как и все подобные изыски эпохи тотального дефицита, можно употреблять необязательно с кулинарными целями: спам засыхает и твердеет не хуже цемента, так что его можно использовать в строительном деле.

Русский человек к пиву предпочитает воблу. Русской воблой можно не только топить печь в случае дефицита дров, но и использовать ее в качестве теплоизоляции: законопатить, скажем, щели в избе. Об этом я давно догадывался. Знал я и то, что вобла — это находка для шпиона, точнее — против шпиона. Потому что иностранец может идеально походить на русского человека во всем — в речи, манерах, внешности. Однако предложите такому вот идеальному «русскому мужичку» выпить пива, разделав при этом воблу. Маска шпиона будет сорвана в два счета.

Соленая вяленая рыба есть и у итальянцев, и у датчан, и у китайцев. Но все они пользуются ею в размоченном виде, в качестве добавки к рыбному супу. И только русские пожирают воблу всухую, так сказать, под пиво.

Вобла, впрочем, обладает еще и разрушительным действием. Это открытие имело место во время самого мирного из общественных мероприятий — королевской регаты в городке Хенли на реке Темзе. Это одно из главных светских мероприятий года в Англии, и сюда собираются со всей страны. Были тут и мы со своим пикником. Не в Хенли, а неподалеку, в поместье нашего старого друга лорда Робина. Наш пикник состоял собственно из пива с воблой. Ее прислали по случаю нарочным из Москвы. Четыре воблы, завернутые в газету «Известия». Мы долго бродили вдоль берега, выбирая местечко поукромнее. Нашли наконец кусты, но при этом с видом на реку. Устроились, разложили газету, открыли по бутылке пива. Приступили к разделке воблы.

Когда перед моим глазами, прямо в бреши меж кустов, возникло лицо капитана команды гребцов узкой длинной многовесельной лодки, моя жена Нина Петрова умело раздирала воблу на две половины. Серебром отливали широкие клочья чешуи, хребет светился в лучах солнца тусклым янтарным отблеском, аромат вяленой рыбы наполнял знойный воздух и щекотал мои ноздри.

Этот аромат и уловил нос лидера английских гребцов. Он застыл как парализованный на корме: его рука была вздернута вверх, все еще отмахивая ритм вздымающихся весел, но выпученные глаза уже остекленели. Следуя его обезумевшему взгляду, в нашу сторону повернулся кое-кто из гребцов. Их весла застопорились в воздухе, столкнулись с веслами других, и через мгновение с паническим воплем вся команда посыпалась в воду, а их многовесельное судно опрокинулось вверх дном, перегородив водные пути всем тем, кто следовал за ними. Слышались крики, треск, всплески, ругань. Мы быстро свернули газету с остатками воблы и тихонько ретировались.

Надеюсь, никто не утонул. Сообщений в газетах на этот счет не было. Но королевская регата в тот день была сорвана по «мистическим» (по словам очевидцев) обстоятельствам. ■

Верхом на протесте

Нынешняя стачка для Зюганова, все равно что референдум 93-го года для Ельцина. Коммунистам нужна поддержка народа

7 ОКТЯБРЯ **КОММУНИСТЫ ГРОЗЯТСЯ ВЫВЕСТИ НА УЛИЦЫ 40 МИЛЛИОНОВ ЧЕЛОВЕК.** ЛИДЕРЫ ФНПР НЕ ТАК АМБИЦИОЗНЫ — ОНИ ГОВОРЯТ О **9 МИЛЛИОНАХ**

Игорь Гаврилов

Александр Рыклин

ПЕРСПЕКТИВА

НАМЕЧЕННЫЕ НА НАЧАЛО ОКТЯБРЯ «ВСЕНАРОДНЫЕ АКЦИИ протеста» прямого отношения к экономическому кризису, разразившемуся в стране, не имеют. Задуманы они были гораздо раньше и прошли бы даже в том случае, если бы сегодня рубль был дороже доллара, а колбаса в магазинах стоила бы опять 2 р. 90 к. Разумеется, обвал экономики и политический хаос выгонят на улицы лишние сотни тысяч людей, но для ФНПР и КПРФ, которые являются вдохновителями и организаторами шествий и манифестаций, принципиального значения это не имеет.

Замысел мероприятия принадлежит профсоюзному начальству. КПРФ же надумала поддержать стачку только 19 августа. А до того оппозиционеры лишь грозили абстрактными акциями неповиновения, клеймили профсоюзное начальство, «стремящееся урезать политические требования трудящихся до выклянчивания жалких подачек», и требовали «очистить руководство ФНПР от соглашателей».

Коммунисты, конечно, говорили о «горячей осени» и о необходимости всеобщей стачки. Говорили еще в мае. На пятом съезде, 23 мая этого года, даже выдвинули лозунг «Ельцина — в отставку!» — они жаждали реванша.

К тому моменту, когда состоялся внеочередной форум, коммунисты потерпели существенное поражение. Вначале они уступили Кремлю и под надуманным предлогом — «Нельзя оставлять страну один на один с президентом и его указным правом» — согласились на ненавистную кандидатуру Сергея Кириенко, а к противостоянию шахтеров с властями коммунисты оказались и вовсе не готовы. Более того, шахтеры, перекрывшие железные дороги, наотрез отказались от услуг тех партийных активистов, которые пытались-таки прибрать пикетирующих под свое крыло.

Однако классовое чутье подсказывало: новые пикеты на дорогах, новые акции протеста не за горами. Правительственным эмиссарам удалось заговорить шахтерам зубы, но гипноз скоро пройдет. И на этот раз главная оппозиционная сила уже не могла себе позволить остаться в стороне.

Рабочая косточка

В общественном транспорте на Ленинском проспекте в Москве до сих пор объявляют: «Следующая остановка — ВЦСПС». Крупнейшая профсоюзная организация в мире давно приказала долго жить. Правда, ее правопреемница, ФНПР, вполне комфортно разместилась в просторном здании замысловатой архитектуры. Большинство помещений теперь сдаются под офисы. Поскольку практически вся недвижимость ВЦСПС перешла по наследству к ФНПР, надо думать, свои финансовые проблемы федерация решает легко. В этой ситуации регулярность поступлений копеечных взносов не должна сильно беспокоить профбоссов. В принципе они вообще могли бы обойтись без членов, но необходимость каким-то образом оправдывать свое существование диктует им соответствующее поведение. Поскольку выполнять свое изначальное предназначение, а именно осуществлять посредническую миссию между работниками и работодателями, они не в состоянии, им просто необходимо время от времени напоминать о своем существовании народу, а властям демонстрировать способность хоть иногда выводить людей на улицы.

За пару недель до планируемой акции протеста лидер ФНПР Михаил Шмаков развил бурную деятельность. Частота попадания этого общественного деятеля в новостные программы телеканалов напрямую зависит от того, как часто профсоюзы проводят акции протеста. Последний раз Шмаков мелькал на экранах телевизоров во время подготовки к майским манифестациям. Потом он на полгода ушел в тень. Но за этот отрезок времени произошло много разных событий, на которые Шмаков не счел нужным отзываться.

И вот теперь главный профсоюзный босс оказался в центре внимания и с восторгом купается в лучах славы. С ним встречается Примаков, обсуждает детали предстоящей акции Степашин, приезжает в гости Зюганов. О чем же беседуют государственные мужи? Примаков попросил обеспечить порядок 7 октября. Шмаков пообещал. Степашин пожелал обговорить детали обеспечения порядка. Шмаков обговорил. Зюганов попросил снять требования о

ЗЮГАНОВА ЧАСТО ВЫЗЫВАЮТ «НА БИС» — ОН ФИГУРА ПОПУЛЯРНАЯ. **ГЕННАДИЙ АНДРЕЕВИЧ** НИКОГДА НЕ ОТКАЗЫВАЕТСЯ, НО **ВСЯКИЙ РАЗ ЗАТЯГИВАЕТ ОДНУ И ТУ ЖЕ ПЕСНЮ**

досрочных выборах в Думу. Шмаков отказал.

Правда, Геннадий Андреевич не очень настаивал. И действительно — отбери он у Михаила Викторовича единственный собственный лозунг, что же у него останется? А коммунистам сегодня обижать профсоюзы не с руки — они теперь превратились в союзников: впервые в истории новой России ФНПР выдвинула требование отставки президента.

Надо сказать, что в промежутке между двумя «обострениями трудящихся» — весенним и осенним — федерация пребывала в состоянии спячки. Она, как, собственно, и КПРФ, прозевала «рельсовую войну». За все время противостояния властей с шахтерами со стороны тех, кто претендует на роль защитников интересов трудящихся масс, не прозвучало ни одного внятного заявления по этому поводу. Произошло это, во-первых, потому, что профсоюзники испугались ответственности (против организаторов пикетов на Транссибе возбудили несколько уголовных дел), а во-вторых, потому, что реально помочь шахтерам они все равно не могли — у руководства официальных профсоюзов нет никакой возможности влиять на власть. В Кремле и Белом доме давно уже считают ФНПР «ручной» организацией, неспособной повышать голос и всерьез чего-то требовать, поскольку ни о каком влиянии ФНПР на рабочее движение говорить не приходится. Предотвратить возможные эксцессы, если таковые вдруг возникнут во время акций протеста, Шмакову и подавно не по силам. У него для этого никаких рычагов нет. Следовательно, все предварительные переговоры властей с «руководством трудовых союзов» можно признать чистой показухой.

Реваншисты

Очевидно, что основные радетели за судьбы народа, которые возглавили октябрьские акции протеста, КПРФ и ФНПР, ставят перед собой разные задачи.

Коммунисты в отличие от своих профсоюзных собратьев являются мощной политической организацией и декларируют стремление не просто спасти страну от дальнейшего разграбления, но и взять власть в свои руки.

Еще летом главной мишенью был «антинародный режим». Он представлялся левым некой двухголовой гидрой, у которой одна огромная голова была с лицом Бориса Ельцина, а вторая, поменьше, — с лицом Сергея Кириенко. Против этого мерзкого чудища, «поработившего великую державу», и предстояло выступить в октябре народным массам во главе с партией, защищающей интересы этих самых народных масс. Но чудище почти самоуничтожилось: большая голова неожиданно откусила ту, что поменьше, в результате чего сама сморщилась, потеряла угрожающий вид и вместо свирепого рыка стала издавать жалкий скулеж.

Вроде бы задача наполовину решилась сама по себе (Ельцин все же пока сидит в Кремле, и говорить о полной победе рано). Но в результате воцарения в Белом доме Евгения Примакова со товарищи, казалось бы, должен был отпасть один из основных лозунгов осенних манифестаций: «Долой антинародное правительство». Коммунисты, которые боролись за смену курса последние годы, теперь получили почти все, чего хотели, и могли бы взяться за выполнение программы-максимум — добиваться отставки президента. Но поскольку любые действия КПРФ носят всегда исключительно демонстративный характер, то и октябрьская буза была задумана как очередное грандиозное рекламное шоу, призванное показать «товар лицом» и поддержать репутацию основной оппозиционной силы. Поэтому записывать правительство Примакова, в чью поддержку лидер КПРФ так горячо высказывался с думской трибуны, в друзья партии он не торопится.

Как поведал корреспонденту «Итогов» Геннадий Зюганов: «Мы еще не знаем, по большому счету, каким путем пойдет это правительство. Поэтому пока требование о смене курса снимать преждевременно». Еще категоричней высказался Валентин Купцов, второй в компартии человек, назвав новое правительство «буржуазным».

И все-таки в изменившейся политической обстановке на первый план выходит лозунг об отставке Бориса Ельцина. И не то чтобы левые очень хотят досрочной смены власти в Кремле. Они пока не готовы к предвыборной гонке, и тем более не горят желанием брать непосредственно на себя ответственность за спасение страны. А предвыборная коалиция коммунистов с московским мэром Лужковым только-только начинает вырисовываться.

Куда важнее для коммунистов вывести под радикальными лозунгами на улицы 40 миллионов человек, как обещает товарищ Зюганов, накануне рассмотрения в парламенте законопроекта о Конституционном собрании, накануне очередных слушаний в комиссии по импичменту. Геннадию Зюганову со товарищи сегодня жизненно необходима поддержка «широких народных масс», нужен такой своеобразный «наказ от избирателей», чтобы запустить долгоиграющую пластинку импичмента и одновременно пересмотреть Основной закон с целью урезания полномочий президента. У Геннадия Андреевича на руках будет тот же козырь, какой был у Бориса Николаевича, когда тот подписывал указ № 1400 (О роспуске Верховного совета), — народное доверие. Ельцин получил желаемый результат «Да-да-нет-да» на референдуме весной 1993-го. Зюганов собирается получить его 7 октября.

Сегодня в России есть единственная сила, которая действительно хочет, чтобы акции протеста вылились в широкомасштабное восстание. Это — левые радикалы и национал-большевики. В этом политическом спектакле Геннадия Зюганова для анпиловых, лимоновых и баркашовых ролей не находится. Они свое место под солнцем должны добывать в бою. Единственное, что может удержать их от необузданных действий в октябре, — это осознание того, что народ до точки пока не дошел и активной поддержки у населения они не получат. Но если все же радикалы решатся на бесчинства, то «системным» коммунистам воинственность бунтарей может дорого обойтись.

Пять лет назад Геннадий Зюганов предусмотрительно сбежал из осажденного Белого дома, не дожидаясь стрельбы, что позволило КПРФ принять участие в парламентских выборах и начать свое победное шествие по стране. Теперь судьба предоставила им шанс не просто развить успех, но и закрепить его. Коммунистам нужен мирный переход власти. ■

При участии **Дмитрия Пинскера**

Стояние на Оке

Протестующие и милиция одинаково руководствовались гиппократовским принципом «не навреди»

Евгений Пахомов

НАЧАЛО

Гаишник на въезде в Коломну был откровенно удивлен: «Перегораживать дорогу? У нас?!» Продрогший под мелким осенним дождем городок жил своей жизнью, о готовящейся акции протеста никто не знал. И только один из десятка прохожих, которых мы донимали расспросами, уверенно отвечал, что, мол, дорогу перекроют и что давно пора. Но и он был убежден, что пикетировать будут на железнодорожном мосту, а «пойдут все из центра, где памятник пушке». «Пушка» — памятник герям Отечественной войны в центре города, вокруг которого обычно собираются местные оппозиционеры, — стояла в полном одиночестве. Наш собеседник ошибся, перекрывать намеревались шоссе Рязань—Москва около моста через Оку.

Место мы в конце концов вычислили по скоплению больших милицейских чинов: полковник, подполковник, майор... Два автобуса с демонстрантами стояли в ожидании на площадке у ближайшей бензоколонки. Дождавшись условленного часа — ровно в полдень, — участники акции протеста стали выходить под моросящий дождь и объективы фото- и телекамер: тридцать шесть человек, преимущественно пенсионного возраста. Собравшиеся представители власти и журналисты явно ожидали большего. Похоже, собственная малочисленность смущала и демонстрантов. Тем не менее, развернув красные знамена, плакаты «Единство и солидарность — наша сила», «Требуем отставки президента Ельцина» и подняв над головами таблички «Бронницы» и «Жуковский», они двинулись к шоссе. Акция протеста началась.

Впрочем, тут же и закончилась. Демонстранты не сделали и двух десятков шагов, как к ним приблизился полковник милиции, убеждая не перекрывать трассу. Он проникновенно говорил, что задержки зарплаты бывают у всех, но это не повод нарушать общественный порядок: «В конце концов вам же хуже будет. Тут же и рязанскую капусту везут, дешевую, и другие отечественные продукты с полей в ваши же магазины». Аргумент насчет дешевых продуктов подействовал. Было решено дорогу не перегораживать, а провести митинг прямо на бензоколонке, к великому недоумению водителей, которых не переставали заправлять во время акции.

Идеологическую поддержку митингующим оказала небольшая группа депутатов Госдумы, приехавшая выступить перед собравшимися. Константин Савельев, представляющий «подмосковную региональную группу КПРФ», объяснил корреспонденту «Итогов», почему народу собралось так мало: «Вы знаете, какое давление оказывается на тех, кто хочет принять участие в акции? Собрались те, кто уже в возрасте и кому нечего терять».

— Мы представляем компартию, — заявил один из демонстрантов, отказавшись ответить на вопрос, кого представляют собравшиеся, какое-нибудь предприятие или город. Он даже не захотел назвать места своей работы, сказав только, что трудится в «научной оборонной организации».

— Почему вы требуете отставки сразу президента? Может быть, стоит бороться за свои права на местах, например начать с главы администрации?

— Они не решают ничего. Проблема страны — это президент!

— А почему молодых ученых здесь нет?

— У меня два сына, — включилась в беседу пожилая женщина, которую представили как «ветерана труда», — я им говорю одно, а они мне — другое. Ельцин внес раскол в народ! Его нужно в отставку.

Тем временем выступающие заученно произносили слова об антинародном режиме, о бедствиях страны, «посаженной магнатами на телеиглу продажной прессы», о том, что пилоту НАТО удается «налетать» за год более трехсот часов, а российскому военному летчику — от силы семнадцать... Проезжающие мимо «дальнобойщики» с удивлением разглядывали странный митинг пенсионеров вокруг уединенной бензоколонки.

На общем фоне выделялся решительным тоном прирожденного «горлана-главаря» активист независимого профсоюза «Защита» с Коломенского тепловозостроительного завода Вадим Васильев: «Мы уже сейчас готовы перекрыть и авто-, и железную дорогу. Пусть эта Москва задохнется!» Именно «Москва», как пояснил он позднее корреспонденту «Итогов», причина всех неурядиц: «Мы не боремся против местной администрации, потому что при СССР она нормально работала. Посмотрите, там ведь все те же. Значит, все дело в президенте. По словам г-на Васильева, на заводе почти восемь тысяч человек отправлены в неоплачиваемый отпуск, а протестовать они не пришли, потому что «осенью каждый день на счету — люди живут приусадебными хозяйствами. И, к сожалению, многие не интересуются политикой». А дорогу не стали перекрывать, как выразился коллега Васильева по профсоюзу «Защита», чтобы избежать жертв: «А вдруг сбили бы кого-нибудь? Знаете, есть такой принцип: «Не навреди!»

Акция закончилась полной идиллией. Из милицейского «газика» явился многолитровый армейский термос с чаем. «Угощайтесь», — пригласил капитан. Продрогшие демонстранты, журналисты и даже сотрудники бензоколонки выстроились в очередь за горячим напитком. Одна дама, та, что говорила про продажную прессу, попыталась было оттеснить ее представителей от сахара, но милиционер, щедрая душа, протянул нам пачку, приговаривая: «Ничего-ничего. Всем хватит». Он был откровенно счастлив, что на сей раз все закончилось тихо и мирно. ■

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Бессмысленный, не беспощадный

Люди выходят на улицу не столько для того, чтобы добиться улучшения жизненных условий, сколько для того, чтобы их услышали

Маша Гессен

ПОТЕНЦИАЛ

У ГОНЧАРОВА НИКОЛАЯ ЯКОВЛЕВИЧА, 52 ЛЕТ, ПОЛКОВНИКА запаса, 8 июня умерла жена. В связи с этим он требует отставки президента. Точнее, так. Николай Яковлевич стал 30 сентября в пикет на 47-м километре Калужского шоссе потому, что, как он утверждает, «наш район, Домодедовский, — это проекция нашей страны. Даже реанимационного автомобиля не нашлось в районе, чтобы отвезти в госпиталь, где ее могли бы спасти. Отняли у меня жену. А за неделю до смерти меня заставили ее везти на комиссию ВТЭК. Там живая очередь восемь часов — это для инвалида, перенесшего операцию на сердце по замене митрального клапана! Там 28 человек штат, но они ни к одному больному на дом не могут прийти. А инспектор ВТЭК заставил ее раздеться, показать шрам, а потом говорит: «Может, вы работать пойдете?» Да я, если б я еще был в армии, я бы взял гарнизон и пошел бы на площадь к нему». — «К кому, Николай Яковлевич?» — «Как к кому, к президенту».

Среди немногочисленных товарищей Николая Яковлевича по пикету были, как выразился один из организаторов, «представители самых разных профессий — учителя, летчики, слесарь с завода». У тех, кто согласился побеседовать с обозревателем «Итогов» (при условии «объективности» — иначе «ждите коллективной телеги»), истории были самые разные. Кому-то на заводе не платят зарплату. Кого-то сократили в нарушение всех законов, а теперь еще угрожают расправой за поданный в суд иск. Один представился директором ТОО и сказал, что пришел по убеждениям. Требование у всех одно: отставка президента. Не директора завода (завод, между прочим, дал автобус для пикета), не директора компании, которая сократила штат, не председателя ВТЭК и не главы местной администрации, а именно президента Российской Федерации. Потому что, как выразилась одна из участниц пикета, «рыба гниет с головы». Но если гниль зашла так далеко, что людям и в Домодедовском районе жить невмоготу, то неужели будет лучше, если отрубить голову? На этот вопрос участникам пикета ответить трудно. Да и не для того они вышли на улицу, чтобы отвечать на вопросы.

Люди выходят на улицу не только и не столько для того, чтобы добиться улучшения своих жизненных условий, сколько для того, чтобы их услышали. То есть чтобы выразить свое возмущение. И тут, по мнению профессора Леонида Гордона, заместителя руководителя Центра сравнительных социально-политических и экономических исследований, специалиста по рабочему движению, решающее значение имеют не сами по себе жизненные трудности, а степень их возмутительности. «Ошибочно думать, что чем хуже люди живут, тем больше протеста, — утверждает г-н Гордон. — Утрата двух копеек, отобранных силой, вызывает гораздо более сильное чувство, чем случайная потеря двух рублей. Особенно высоким конфликтогенным потенциалом обладают невыплаты зарплаты».

Если сравнить, сколько люди потеряли, например, в результате инфляции и сколько им недодали заработной платы, проблема неплатежей покажется незначительной. В 1995 году реальная покупательная способность человека со средним заработком упала на 28 процентов, а заработной платы недодали меньше пяти процентов от общего фонда. За прошлый год в среднем по стране невыплаты составили меньше одного процента. Однако инфляция воспринимается как стихийное бедствие, с которым приходится мириться, а задержка зарплаты — как грабеж. За исключением таких отраслей, как угледобыча и народное образование, где неплатежи действительно приняли катастрофический характер, обычно происходит следующее: не платят, скажем, месяц, потом выдают половину задолженности и три четверти зарплаты за текущий месяц, и так весь год, а в ноябре–декабре гасят большую часть задолженности, но не всю. Таким образом, у человека создается ощущение, что его перманентно грабят — понемногу, но нагло.

Это сознание безнаказанно совершаемой вопиющей несправедливости накладывается на усиливающееся убеждение, что жить стало хуже. Опять-таки, по мнению профессора Гордона, это ощущение соответствует действительности лишь частично. С одной стороны, реальный средний доход упал, но, с другой стороны, быт стал несравнимо комфортнее. За последние семь лет только в открытой продаже жители России приобрели около 40 миллионов телевизоров, больше 30 миллионов радиоприемников, 30 миллионов стиральных машин и 20 миллионов холодильников. При том, что в стране 45 миллионов, как выражаются социологи, «домохозяйств», получается, что практически в каждом до-

АНАЛОГИИ

Опять октябрь

Воспоминания о грядущем 93-м годе

После появления во главе государства Примакова, Маслюкова, Геращенко и прочих ветеранов политически озабоченный сосед сменил традиционное приветствие: «А, пресса! Ну, что новенького?» Теперь спрашивает: «Ну, что еще старенького?»

Заголовки, подзаголовки, рубрики. «Президент считает торг неуместным». «Руководство парламента: политика правительства полностью себя исчерпала». «Работники ВПК используют заводские гудки для выбивания денег... Над предприятиями взовьются красные флаги». «Виктор Геращенко собирается остаться на посту при любой власти». «Кризис», «противостояние», «тупик». Егор Гайдар вынужден констатировать: «Экономическая ситуация не легче, чем политическая. В результате летних действий правительства заложены диспропорции в финансовой системе. Я считаю, что главная цель правительства — противодействие сползанию в гиперинфляцию, правда, в сложившейся политической ситуации это непросто». Что вы говорите? Надоело уже все это за полтора месяца? Позвольте, почему же за полтора месяца? Цитатки-то, между прочим, из газет сентября-октября 93-го.

Особенно четко параллели между нынешним кризисом и событиями пятилетней давности просматривались во время недавней «битвы за премьера». Накануне третьего голосования по кандидатуре председателя правительства казалось: еще чуть-чуть и очередного указа «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» не избежать. С той лишь разницей, что на этот раз президент действовал бы в соответствии с Основным законом, а не вопреки ему. (Не потому, что изменился Ельцин, а потому, что изменилась Конституция.)

Еще месяц назад и депутаты, и журналисты на полном серьезе обсуждали, на чьей стороне теперь выступят армия и милиция; отрубит ли и в этот раз московский городской голова депутатам свет и воду; откуда могут стрелять танки по бывшему зданию Госплана, которое расположено «значительно хуже», чем Белый дом. Альберт Макашов призывал коллег по палате еще раз проанализировать ошибки ГКЧП и Верховного Совета, «чтобы избежать их при нынешнем противостоянии».

Противостояния на сей раз не случилось. В сентябре-октябре 1993 года столкновение Верховного Совета с президентом и правительством напоминало битву титанов. Спустя ровно пять лет, едва натолкнувшись на сопротивление Думы, Кремль скоропостижно «отпраздновал труса».

Пять лет назад тогдашний министр обороны Павел Грачев предупреждал бунтовщиков: «Армию не надо злить. Оставьте армию в покое. Если армию спровоцируют, она все сметет». Сегодня «голодной, разутой-раздетой, доведенной до отчаяния армией» пугает Кремль большевик-радикал Виктор Илюхин. Тогда столичная мэрия была штабом защитников «завоеваний демократии», сегодня Юрий Лужков, похоже, сам готов при первом же удобном случае выдернуть из-под Бориса Николаевича стул. В 93-м большинство региональных лидеров успокаивали себя тем, что «противостояние двух ветвей власти вряд ли выплеснется за пределы Москвы», всячески старались остаться в стороне от конфликта, отговариваясь «уборкой урожая» и «закладкой овощей на зиму». Сегодня же некоторые из губернаторов (например Александр Лебедь) готовы лично возглавить колонны участников Всероссийской акции протеста, основной лозунг которой, между прочим, «Президента — в отставку». И самое главное: на смену решительному «персональному» Ельцину образца 93-го года, пришел раздираемый внутренними интригами «коллективный Ельцин-98».

Правда, и вожди оппозиции уже не те. Геннадий Зюганов в дорогом костюме, с мобильным телефоном в руке, неспешно вылезающий из «Ауди» перед «антибуржуазным» митингом, мало походит на «камуфлированного» Руцкого с автоматом. Да и призывает он не на штурм мэрии и Останкино, а на «непримиримую борьбу с антинародным режимом», что более масштабно, но менее конкретно. Альберт Макашов построить «крепких молодых людей, готовых послужить делу Революции» еще сможет, а вот возглавить их поход, например на телецентр, уже вряд ли.

Приучать толпу к виду крови оппозиционеры в 93-м начинали заранее. На первомайскую демонстрацию в Москве тогда вышли граждане преимущественно пенсионного возраста. Когда же колонна «солидаризировавшихся трудящихся» в районе Гагаринской площади уперлась в пикет ОМОНа, бабушки и дедушки с красными бантами состав- ▶

ме появился новый телевизор, в каждом втором — новый холодильник. Кроме того, резко ускорились темпы «автомобилизации» и «телефонизации».

Однако, даже если дом стал уютнее, в общем жизнь кажется все хуже. По мнению Леонида Гордона, это потому, что людям слишком тяжело приспосабливаться к новой системе ценностей. Социолог Ольга Здравомыслова, в мае–июне этого года проводившая в Калуге исследование под названием «Вовлечение граждан в решение проблем местного общества», обнаружила, что, помимо ухудшения материального положения, опрашиваемые были более всего обеспокоены изменениями в отношениях между людьми: «бросается в глаза, что люди стали друг другу меньше доверять, меньше помогать». Добавьте к этому неплатежи, и станет понятно, почему, как говорит профессор Гордон, «нарастание протеста и желания не соглашаться идет уже полтора-два года».

По мнению г-на Гордона, этот процесс достиг апогея летом нынешнего года, когда шла так называемая рельсовая война. Впрочем, председатель Московской хельсинкской группы и специалист по рабочим движениям Людмила Алексеева полагает, что первые выходы шахтеров на рельсы были вполне рациональным и продуманным действием. Года два назад шахтеры Анжеро-Судженска, после того как длительная забастовка и отказ покинуть шахты не привели ни к какому результату, вышли на рельсы — и через несколько часов им прямо там выдали зарплату. Однако, как считает Леонид Гордон, к лету этого года все изменилось и выход на рельсы стал уже иррациональным протестом. «Очень часто они продолжали стоять тогда, когда это уже не было нужно, когда им уже пообещали все, чего они требовали». Примерно тогда же сменился лозунг: вместо «отдайте наши деньги» зазвучало «президента в отставку». И как самый абсурдный признак этого нового этапа — появление шахтеров на Горбатом мосту. Собственно, нет ничего удивительного ни в нарастании возмущения, ни в бессмысленности форм, которые оно принимает. Но почему требуют отставки президента? Ведь даже в тех случаях, когда шахтеры или учителя брали в заложники директора шахты или заведующего РОНО, они своих пленников не били — зачастую даже кормили. Объясняется это тем, что акции эти направлены не против своего начальства, а против мифологизированного центрального. Когда я спрашиваю Николая Яковлевича Гончарова о местной администрации, он начинает жаловаться на «черных», которые всю Москву заполонили, а теперь и сюда добрались и нагло пользуются благами Домодедовского района. Ольга Здравомыслова объясняет это так: «Зло — это то, что не я, это то, что спущено сверху, потому что мы сами-то люди нормальные. И даже наш директор, Иван Иванович, — он, может, и дурной, но он Иван Иванович, у него дети есть. Он, может, и враг, но не настоящий». А настоящий враг в Москве.

По мнению директора Всероссийского центра изучения общественного мнения Юрия Левады, есть и вполне рациональные причины того, что население винит в своих бедах главным образом центральные власти. Хозяин может высасывать последние соки из умирающего производства, но «он сталкивается с тем, что раньше называлось трудовым коллективом, трудящимися. Он их подкармливает, и, кроме него, их не подкармливает никто, так что вместо классовой борьбы происходит сближение трудового коллектива и хозяев, хотя бы на уровне отдельного производства или отдельной шахты».

Кроме того, выступать против реального человека, от которого ты реально зависишь, просто страшно. «Гигантский страх живет в подсознании советского человека, — говорит Леонид Гордон. — То, что высшую власть теперь можно ругать, он усвоил. А что нельзя ругать власть местную — это у него в крови».

Но ругая или восхваляя, наш соотечественник имеет лишь весьма смутное представление о том, что реально может и чего не может власть, даже высшая. Одна из участниц пикета на Калужском шоссе предложила свое видение политической и экономической действительности: «Вы напечатайте про ельцинский парадокс. Раньше в стране был один банк, и деньги были, а теперь их сто, а денег нет». Она уверена, что президент может при желании закрыть лишние банки, отнять у них деньги и отдать народу. Впрочем, похожие мотивы звучат и в новостных программах, которые смотрит и эта женщина, и вся страна. «Им по телевизору показывают эту власть, которая черт знает что делает, — говорит Ольга Здравомыслова. — Деньги у граждан отбирает, приватизацию проводит, ваучеры раздает и всех обманывает».

Тут проявляется еще одна черта протестантов: в глубине души они все-таки верят, что бывает власть более добрая и справедливая. Ольга Здравомыслова рассказывает про женщину, с которой столкнулась, когда проводила исследования в Чебоксарах. «Она жаловалась на то, какая у нее плохая жизнь. А потом говорит: «Я смотрю телевизор. Вроде нормальные люди. Неужели они хотят, чтобы мы все умерли? Нет, наверное, что-то сделают, поправят».

Наверное, пока есть вера в то, что «они» что-то поправят, бессмысленный протест не превратится в беспощадный бунт. По мнению Леонида Гордона, пока вероятность его весьма мала — меньше, чем во время «рельсовой войны». Но призывы политических и профсоюзных деятелей в сочетании с непрекращающимися задержками зарплаты — это, говорит он, «курение на бензозаправке. Может, ничего не случится. Но взрыв, как бы мала ни была его вероятность, слишком опасная штука». ■

ПЕРВОМАЙСКАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ 1993 ГОДА СТАЛА ГЕНЕРАЛЬНОЙ РЕПЕТИЦИЕЙ «БЕССМЫСЛЕННОГО И БЕСПОЩАДНОГО» ОКТЯБРЯ

ДМИТРИЙ БОРКО

▶ пляли в ней уже явное меньшинство. Их сменили непонятно откуда появившиеся мускулистые юноши с заточками и явно «не местными» булыжниками. Но, как оказалось, это была лишь «проба пера». С середины сентября «накачивать» боевой дух сторонников Верховного Совета стали уже ежедневно. Кровавые стычки с милицией у метро «Баррикадная», попытки захвата пункта экстренной связи штаба Госкомитета по чрезвычайным ситуациям отрядом генерала Макашова и арсенала штаба ОВС СНГ отрядом Станислава Терехова остались фактически безнаказанными. Возможно, поэтому 3 октября толпа «геройствовала» с таким размахом. Хотя оппозиционные вожди до сих пор уверены, что и в мае, и в октябре 93-го «народ просто спровоцировали».

Прошло пять лет. Серию акций, приуроченных к Дню Советской Конституции, оппозиция опять начала в сентябре. Правда, первое же «мероприятие» — блокирование основных магистралей, ведущих в российскую столицу, — могло вызвать лишь улыбку и пространно-банальные рассуждения про повторение трагической истории в виде фарса.

Вот только почему-то из головы никак не выходят публичные предупреждения «руководителей протеста» о возможных провокациях со стороны властей.

Как говорит сосед: «Что еще старенького?»

Дмитрий Хитаров

Режим усиленной беспечности

Массовые акции протеста «силовики» будут наблюдать по телевизору из Греции

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА, СОГЛАСНО КОТОРОМУ ИЗ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК В БЛИЖАЙШИЕ ТРИ МЕСЯЦА ДОЛЖНО БЫТЬ УВОЛЕНО 54 ТЫСЯЧИ ЧЕЛОВЕК, ВОЕННОСЛУЖАЩИХ **СОФРИНСКОЙ ОПЕРАТИВНОЙ БРИГАДЫ** (НА ФОТО) **СКОРЕЕ ВСЕГО НЕ КОСНЕТСЯ.** ПО СЛОВАМ НАЧАЛЬНИКА ПРЕСС-БЮРО ВВ ПОЛКОВНИКА ВАСИЛИЯ ПАНЧЕНКОВА, СОКРАЩЕНИЕ ЗАТРОНЕТ ПРЕЖДЕ ВСЕГО КОНВОЙНЫЕ И ОХРАННЫЕ ЧАСТИ. НО, КАК БЫ ТО НИ БЫЛО, УВЕРЕННОСТИ В ЗАВТРАШНЕМ ДНЕ ТЕМ, КТО ПРИЗВАН ЗАЩИЩАТЬ КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПОРЯДОК, УКАЗ НЕ ПРИБАВИЛ

Александр Гольц

БЕЗ ЩИТОВ

«У НАС НЕ ПРИНЯТО ПРИКАЗЫ ОБСУЖДАТЬ», — ПЕЛИ СОЛдаты Софринской оперативной бригады внутренних войск МВД. 27 сентября это соединение праздновало свое 10-летие. Торжество почтил своим присутствием министр внутренних дел, который за несколько дней до того побывал и в дислоцированной в Подмосковье оперативной дивизии внутренних войск (бывшей дивизии имени Дзержинского). Хоть этого никто не говорит вслух, выглядят эти визиты как инспекция накануне октябрьских массовых акций протеста. Не случайно, обращаясь к софринцам, Сергей Степашин произнес такую фразу: «Внутренние войска вступают в дело там, где не договариваются политики».

Бравый вид, отличная выучка, которые спецназовцы продемонстрировали на показательных выступлениях, видимо, убедили министра: случись 7 октября нечто непредвиденное, у него есть резерв, на который можно положиться. Что касается основных сил, то МВД вроде бы необходимые подготовительные мероприятия провело: с 30 сентября по 8 октября все сотрудники милиции и внутренних войск в стране переведены на усиленный режим несения службы, отменены выходные, отгулы и отпуска. Только в Москве общественный порядок будут обеспечивать 11 тысяч милиционеров и 6 тысяч солдат внутренних войск. Офицеры элитных частей МВД полностью получили жалованье. Создан оперативный штаб, который возглавил заместитель министра генерал-полковник Петр Латышев.

И все же складывается впечатление, что милицейские начальники настроены уж слишком оптимистично. Повторение событий 1993 года «полностью исключено», заявляет Сергей Степашин. И уверенность эта, похоже, зиждется исключительно на обещаниях организаторов манифестаций: «У меня прошли встречи со всеми руководителями акций массового протеста».

Дабы не провоцировать демонстрантов, милиционерам приказано действовать без щитов, касок и того, что на милицейском жаргоне именуется спецсредствами. «Никакой «Черемухи» не будет», — заверил журналистов глава МВД.

Последние из серии успокоительных заявлений Сергей Степашин делал 30 сентября в Софии, из которой он прямиком направился в Грецию для участия в конференции министров внутренних дел стран, входящих в зону Черноморского экономического сотрудничества. Видимо, это такая форма несения службы в усиленном режиме (только в понедельник, 5 октября, глава МВД намерен доложить президенту о ситуации в стране).

В тот же самый день, 30 сентября, коммунисты, честному слову которых министр, видимо, свято верит — иначе чего бы ему в такое время уезжать из страны, попытались спровоцировать ученых Подмосковья на перекрытие шоссейных дорог. Правда, у демонстрантов явно не хватало сил, чтобы осуществить планы партии, и они сочли за благо прислушаться к уговорам милицейских начальников. Своими действиями коммунисты еще раз продемонстрировали то, что было известно и раньше, — когда это выгодно, они забывают о любых обещаниях. А ведь, судя по всему, 7 октября в распоряжении товарища Зюганова окажется не кучка замерзших пенсионеров, а десятки тысяч людей.

Какой бы мизерной ни была вероятность беспорядков, власти должны быть к ним готовы. А вот готовность как раз и вызывает большие сомнения. Во-первых, обеспечивать безопасность во время акций протеста МВД придется в одиночку. Минобороны ясно дало понять, что во внутриполитическом конфликте армия не желает принимать участия ни с той, ни с другой стороны. Офицеры Московского гарнизона, с которыми беседовал корреспондент «Итогов», исключают возможность привлечения армии к обеспечению безопасности в столице. А главная военная прокуратура строго предупредила военнослужащих об ответственности, которую понесут те, кто примут участие в демонстрациях. Показательно, что министр обороны Игорь Сергеев, находящийся в отпуске, сразу по выходе из него 5 октября, должен отправиться с визитом в ту же Грецию, откуда вернется только 9 октября. Так что, если критическая ситуация возникнет, взять на себя ответственность будет просто некому.

Во-вторых, полной уверенности в том, что внутренние войска способны противостоять провокаторам, тоже нет. В то самое время, когда софринцы демонстрировали министру освобождение заложников и отражение атаки на конвой с беженцами, их товарищ умер от воспаления легких. Умер по дороге в больницу, когда его везли с картофельного поля, где он вместе с другими солдатами собирал урожай. Ну как не вспомнить осень 1993-го, когда командиры объясняли свою медлительность тем, что приказ Верховного главнокомандующего застал войска на сельхозработах.

Указ президента о реформировании внутренних войск, подписанный аккурат под октябрьские демонстрации, тоже боеспособности ВВ не повысил. Во внутренних войсках, конечно, как и в любых других, не принято обсуждать приказы. Но не надо забывать, что в 1993-м некоторые приказы военные просто не торопились выполнять.

Как нам обуть Россию

Евгений Примаков открестился от программы Юрия Маслюкова. На время

Дмитрий Пинскер

ГОСПЛАН

ПРЕМЬЕР УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО ИНОСТРАННАЯ ВАЛЮТА В РОССИИ ПО-ПРЕЖНЕМУ БУДЕТ СВОБОДНО ПРОДАВАТЬСЯ И ПОКУПАТЬСЯ. ОДНАКО В ПРОГРАММЕ ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА, РАЗРАБОТАННОЙ В КАБИНЕТЕ МИНИСТРОВ, ЯВНО ПРОСМАТРИВАЕТСЯ КУРС НА ОТКАЗ ОТ КОНВЕРТИРУЕМОСТИ РУБЛЯ

НЕСКОЛЬКО ЛЕТ НАЗАД ОДНОЙ ИЗ ДОстопримечательностей Белого дома был кабинет вице-премьера Александра Заверюхи на четвертом этаже. Друг села и автор лозунга «государство должно кормить своих крестьян» любил украшать свое рабочее место снопами пшеницы с дарственными надписями от колхозников Оренбуржья и совхозников Кубани. Весной 1997 года с увольнением Александра Харлампиевича «Краснопресненский филиал сельхозпавильона ВДНХ» закрылся. А спустя полтора года, в том же здании, только этажом выше, в покоях первого зампреда правительства Юрия Маслюкова, открылся розарий.

В прошлую среду на пятом этаже Дома правительства само собой установилось одностороннее движение. По направлению к вице-премьерскому крылу нескончаемым потоком двигались странные субъекты преклонного возраста в мятых костюмах фабрики «Большевичка». Двигались они медленно, боясь оступиться, поскольку каждый нес перед собой огромный букет роз. Добравшись до заветной двери, посетители вставали в очередь. В ожидании аудиенции они изредка перебрасывались короткими репликами, а больше с завистью наблюдали за прогуливавшимся у них на виду Дмитрием Львовым: академик теперь при деле, в почете, — советчик вице-премьера. Впрочем, странные посетители всем своим видом старались продемонстрировать, что появились они в Белом доме не корысти ради, а токмо с одной-единственной целью: поздравить уважаемого Юрия Дмитриевича с днем рождения, пожелать крепкого здоровья, долгих лет и новых успехов на новом ответственном посту.

В свой шестьдесят первый день рождения Юрий Маслюков сделал себе самый дорогой подарок: опус «Программа первоочередных мер по выводу экономики из финансово-банковского кризиса» (идея академиков-экономистов РАН, сценарий Сергея Глазьева, продюсер — Юрий Маслюков) прошел незначительную редактуру в Министерстве экономики, правку в Министерстве финансов, согласование в Администрации президента и лег на стол премьер-министра. На четверг было намечено рассмотрение программы президиумом, ее одобрение и последующее вынесение на заседание правительства 8 октября для утверждения. Но, как всегда, праздник испортили журналисты: поскольку на документе значился странный — и чрезвычайно заманчивый — гриф «Конфиденциально, лично в руки», сам документ, а также его многочисленные предварительные версии немедленно попали в прессу.

Второе пришествие

Несмотря на декларативность правительственной антикризисной программы (механизмы реализации предлагаемых мер пока, похоже, не ясны самим составителям), впечатление она оставляет самое безрадостное. Сбываются худшие опасения либералов — нас ждет постепенное огосударствление экономики и гиперинфляция.

Главная особенность документа — отсутствие плодотворной бюджетной идеи в части доходов при щедрой раздаче денег всем и вся. Здесь и указание Центробанку выделить средства Минфину на погашение рублевых гособлигаций, и «оказание разовой финансовой помощи региональным бюджетам — не менее 100 млрд. рублей», и регулярная индексация зарплат и пенсий. Когда налоги собираются плохо, а рынок внешних и внутренних заимствований отсутствует, остается единственный

способ выполнить все эти благие пожелания — напечатать рубли.

Еще одна особенность документа: ясно просматриваемый курс на отказ от конвертируемости российского рубля. И хотя Евгений Примаков и заявил журналистам в прошлый четверг, что «иностранная валюта в России по-прежнему будет свободно продаваться и покупаться», ЦБ уже обнародовал перечень административных мер по регулированию валютного рынка (два курса: заниженный — для экспортеров и «рыночный» — для всех остальных). Несмотря на уверения премьера, будто «все разговоры о том, что государство станет монополистом в том, что касается притока валюты в страну, не стоят и выеденного яйца», правительство, как следует из проекта программы, тем не менее собирается отдать Центробанку эксклюзивное право на ввоз в страну долларов, марок и прочих фунтов — дефицит импортных денег в меняльных конторах гарантирован. Граждане смогут получить нероссийскую наличность, только сняв ее с валютного счета (у кого он есть). А вот покупать у граждан валюту банки смогут без ограничений, и, как нетрудно догадаться, по грабительскому курсу. Вывоз за границу сумм свыше 500 долларов допускается лишь в безналичной форме.

Коммерческим банкам предстоит перевод корсчетов из иностранных банков в ЦБ. При сохранении прежних объемов внешнеторговых операций об этом можно было бы сожалеть — Центробанк технически не способен обеспечивать все расчеты по ним. Но теперь, в свете прочих мер, предлагаемых командой Маслюкова, эта задача упрощается: импорт станет невыгодным. Запрет на предоплату убьет мелких и средних импортеров.

Экспортерам предстоит требовать с контрагентов стопроцентную предоплату или аккредитив, в противном случае товар не пересечет границу. Государство намерено бороться с занижением цен внешнеторговых контрактов, соотнося их с ценами товаров на мировых биржах на дату поставки. Разница будет изыматься в бюджет.

Наконец, нас ожидает возрождение института спецэкспортеров и специмпортеров. Правда, в программе это стыдливо называется «допуском предприятий к экспорту и импорту сырьевых товаров по результатам конкурсов». Но слова сути дела не меняют, поскольку ограничения на участие в этих самых конкурсах будут накладываться на «организации с недостаточным размером уставного капитала, недостаточным опытом работы на рынке (менее трех лет) и по другим критериям».

Достаточно внятно в программе говорится о национализации, скрывающейся под псевдонимом «ускоренная санация с переоформлением прав на имущество в счет погашения долга». Государство, пользуясь правом сильного, оттесняет всех остальных кредиторов предприятия, забирая

МАГАЗИНЫ В НЕДАЛЕКОМ БУДУЩЕМ ВНОВЬ СТАНУТ ПРИГОДНЫ ДЛЯ БОУЛИНГА. МЕРЫ ПРИМАКОВА—МАСЛЮКОВА «ПО ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ ВЫВОЗА КАПИТАЛА ЗА РУБЕЖ ПОД ВИДОМ ВНЕШНЕТОРГОВЫХ СДЕЛОК» ОЧЕНЬ СКОРО ЗАСТАВЯТ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН ВСПОМНИТЬ, ЧТО ТАКОЕ ДЕФИЦИТ

его активы (имущество) в счет погашения задолженности. Надо ли говорить, что эта внесудебная «санация» подрывает основы права собственности? По действующему закону о банкротстве государство получило бы «по копейке на рубль» наравне со всеми другими кредиторами.

Реальных налоговых послаблений предприятиям ждать не приходится. Предполагается только снизить НДС до 15%. Налог на прибыль останется, но ставка будет единой — 30%. Правда, обещают освободить от налога прибыль, «инвестируемую на развитие реального производства», но невнятность формулировок допускает любые толкования. Неясно, к примеру, будет ли считаться инвестированием только приобретение основных средств или также увеличение оборотных.

В бочку налогового дегтя правительство хочет капнуть меда: ввести единый социальный налог в 32% вместо существующих отчислений во внебюджетные фонды, достигающих 39,5%, снять ограничения на реализацию продукции ниже себестоимости. Гражданам налоговые новшества сулят еще меньше хорошего, чем предприятиям. Снижение подоходного налога будет незначительным и вряд ли компенсирует потери от инфляции. Очевидно, что население дружно просаботирует налог на имущество — 1% от его рыночной стоимости, поскольку мало кто из владельцев, скажем, приватизированных квартир сможет его выплачивать.

На голубом глазу

«Россия рассчитывает получить обещанный ей транш МВФ в размере 4,3 млрд. долларов, — заявил Евгений Примаков в прошлый четверг. — Если фонд не предоставит России очередной транш, Москва вынуждена будет принять непопулярные меры». Можно предположить, что речь идет о непопулярной среди западных финансистов и горячо любимой академиками РАН контролируемой эмиссии.

«МВФ не имеет четкого представления о новой экономической программе российского правительства, однако российские власти сказали, что постараются сформулировать свое видение в этой области, с тем чтобы миссия могла вернуться в октябре для продолжения переговоров», — с таким заявлением в эфире «Эха Москвы» выступил еще в прошлый понедельник глава московского представительства фонда Мартин Гилман.

Западные финансисты рассчитывали ознакомиться с основными положениями программы российского правительства во время ежегодной сессии акционеров МВФ и Мирового банка, которая открылась на этой неделе в Вашингтоне. Министру финансов Михаилу Задорнову, министру экономики Андрею Шаповальянцу и председателю Центробанка Виктору Геращенко придется, судя по всему, убеждать кредиторов, что программа Маслюкова не есть программа всего правительства, что кабинет министров будет продолжать реформы, надо лишь помочь с деньгами. Однако ничего, кроме честного слова премьер-министра, чиновники в доказательство привести не смогут. «Бумаги, просочившиеся в прессу, — лишь наработки одного из заместителей премьера, которые отнюдь не обязательно войдут в правительственную программу», — заявил Евгений Примаков в прошлый четверг.

И хочется верить словам Примакова, да не получается: в Белом доме после отставки Александра Шохина остался одинединственный центр, где генерируются экономические прожекты, — кабинет Юрия Маслюкова. И едва ли первый зампред готовит две программы: одну, консервативную, «просочившуюся в прессу», а вторую ультралиберальную, хранящуюся в глубокой тайне. Однако, как следует из другого заявления премьера, сделанного в тот же день, правительство в прошлый четверг обсудило систему мер по выходу из кризиса. И перечисляя эти меры, Евгений Максимович довольно точно воспроизвел по памяти оглавление программы Юрия Дмитриевича.

В Кремле тем временем утверждают, что глава государства не позволит правительству реализовать все вышеперечисленное. «Гарант Конституции не позволит нарушать права граждан» — распространенный тезис за Кремлевской стеной. В окружении президента программу характеризуют как сырой документ, над которым надо еще долго работать, в первую очередь для того, чтобы устранить положения, противоречащие Конституции и федеральным законам.

Но если в Кремле все-таки хотят получить бумагу с принципиально иным содержанием, надо либо автора сменить, либо, как выразился один из высокопоставленных чиновников администрации, «что-то поменять в голове у Маслюкова». ■

При участии **Ирины Андреевой**

Буревестник монетаризма

Юрий Маслюков как экономическая примета

КРЕПКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ БИОГРАФИЯ Ю.Д.МАСЛЮКОВА

1937 — РОДИЛСЯ В ЛЕНИНАБАДЕ ТАДЖИКСКОЙ ССР
1962 — ОКОНЧИЛ ЛЕНИНГРАДСКИЙ МЕХАНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
1962—1970 — ПРОШЕЛ ПУТЬ ОТ ИНЖЕНЕРА ДО ГЛАВНОГО ИНЖЕНЕРА ИЖЕВСКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МИНОБОРОНПРОМА СССР
1966 — ВСТУПИЛ В КПСС
1970—1974 — ГЛАВНЫЙ ИНЖЕНЕР ИЖЕВСКОГО МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОГО ЗАВОДА МИНОБОРОНПРОМА
1974—1979 — НАЧАЛЬНИК ГЛАВНОГО ТЕХНИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ МИНОБОРОНПРОМА СССР
1979—1982 — ЗАМЕСТИТЕЛЬ МИНИСТРА ОБОРОННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР
1982—1985 — ПЕРВЫЙ ЗАМПРЕД ГОСПЛАНА
1985—1988 — ЗАМПРЕД СОВМИНА СССР
1986 — ЧЛЕН ЦК КПСС
1988 — КАНДИДАТ В ЧЛЕНЫ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС
1989 — ЧЛЕН ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС
1988—1991 — ПЕРВЫЙ ЗАМПРЕД СОВМИНА, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОСПЛАНА
1990—1991 — ДЕПУТАТ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
1991 — ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА СССР, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННОЙ КОМИССИИ СССР
1995 — ИЗБРАН ДЕПУТАТОМ ГОСДУМЫ ПО ФЕДЕРАЛЬНОМУ СПИСКУ КПРФ
ЯНВАРЬ 1996 — ИЗБРАН ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ КОМИТЕТА ГОСДУМЫ ПО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ
ИЮЛЬ 1998 — МИНИСТР ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ТОРГОВЛИ РФ
СЕНТЯБРЬ 1998 — ПЕРВЫЙ ВИЦЕ-ПРЕМЬЕР ПРАВИТЕЛЬСТВА РФ

Роман Скубишевский

ВОЖДИ

Основные направления своего дальнейшего развития народное хозяйство страны узнало на прошлой неделе от товарища Маслюкова, выступившего главным докладчиком на заседании Совмина. Направления эти оказались до боли знакомыми. Но не по материалам съездов пар-

БЕСПАРТИЙНЫЙ ПРЕМЬЕР **ЕВГЕНИЙ ПРИМАКОВ** (СПРАВА) **И** КОММУНИСТ ВИЦЕ-ПРЕМЬЕР **ЮРИЙ МАСЛЮКОВ** (СЛЕВА) **ВЫШЛИ** ИЗ ОДНОЙ СРЕДЫ – СОВЕТСКОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ И ПОТОМУ **ПОНИМАЮТ ДРУГ ДРУГА С ПОЛУСЛОВА**

тии, к которой принадлежит товарищ Маслюков. Нет, пугало коммунизма с его мобилизационной экономикой, продразверсткой и трудповинностью нам предъявлено не было. Академики РАН доработать свои оригинальные идеи о чудодейственной силе печатного станка к заседанию правительства тоже не успели.

Слова для своего доклада первый вице-премьер позаимствовал из другой песни. «Картотека», «квоты», «спецэкспортеры», «специмпортеры», «уполномоченные банки» — эти термины, которыми изобилует доклад, активно использовались отнюдь не большевиками, а полуреформаторским кабинетом Виктора Черномырдина образца 1993—1994 годов. То правительство также обещало проводить социально ориентированную политику — «реформы не за счет людей, а для людей». Закончилось все это обесценением сбережений рядовых граждан, «черным вторником» и переходом к жесткой финансовой политике — к проклятому монетаризму. Совпадений во фразеологии и кадровом составе тогдашнего правительства и кабинета министров Евгения Примакова больше чем достаточно. И тогда, и сейчас Центробанк возглавляет Виктор Геращенко. И тогда, и сейчас премьерствует «политический тяжеловес», готовый к экономическим компромиссам. Поначалу еще одним сходством было присутствие на посту вице-премьера и главного переговорщика с международными финорганизациями Александра Шохина. Но этот человек вовремя разглядел грабли. Что касается Юрия Маслюкова, то по своей роли в Белом доме он очень похож на Олега Сосковца. Тот же первый вице-премьер, отвечающий за промышленность.

Но если Юрий Маслюков действительно такой же безыдейный отраслевой лоббист, каким был Олег Сосковец, то вполне возможно, что после финансового краха, к которому приведет контролируемая направо и налево эмиссия, стране удастся перейти к стабилизации, как в 1995 году, без очередного правительственного кризиса.

Рыночность

В пользу такого сценария говорит прежде всего схожесть профессионального опыта Маслюкова и Сосковца. Оба они шли наверх не по партийной, а по хозяйственной линии. Больших достижений в советский период, типа руководства какой-нибудь коммунистической стройкой века, за Маслюковым не числится. Еще на должности зампреда Госплана он запомнился попыткой продвинуть некий проект в области машиностроения, против которого восстали даже привыкшие к самым бессмысленным и амбициозным идеям специалисты Госплана. «Построить завод, который предлагал Маслюков, означало просто закопать деньги», — рассказывает один из бывших сотрудников этого учреждения, который вместе с коллегами сумел воспрепятствовать утверждению проекта. Госплановская карьера Маслюкова закончилась после того, как он заявил Горбачеву о неверии в «соглашательскую программу реформ».

Те, кто считают Маслюкова человеком, вполне адекватным новым экономическим реалиям, напирают на его небезуспешную коммерческую деятельность в период с 1991 по 1995 год, то есть после ухода из Госплана и до избрания в Госдуму. «Новая газета», в частности, опубликовала внушительный список компаний, совладельцем которых, по ее сведениям, является Маслюков: ТОО «Стиф», АООТ «Финтраст», АОЗТ «Институт оборонных исследований», АООТ «Бизнес-центр военно-промышленного комплекса», ЗАО «Югтрастинвест». Результаты предпринимательской деятельности будущего вице-премьера впечатляют — по данным газеты, Маслюков вместе с сыном владеет одиннадцатью автомобилями: «Фольксваген», «Ауди», «Ниссан», «Мицубиси», два «Вольво» и пять ВАЗов. Но на самом деле наличие такого автопарка ни о чем по большому счету не говорит. Ну, «Фольксваген», ну, «Югтрастинвест» — не то это богатство и не те это предприятия, чтобы по ним можно было судить о том, какую экономическую политику человек станет проводить в масштабах страны. Не мешает же Маслюкову его статус акционера говорить о необходимости передачи государству крупных пакетов акций предприятий-должников. А обладание несколькими иномарками не делает его противником девальвации, ведущей к сокращению импорта. Подтвержденной делами репутации бизнесмена, экономиста или политика у Маслюкова нет. Что-то такое говорил Горбачеву про «соглашательскую политику», но без свидетелей, какому-то машиностроительному проекту содействовал, но не довел его до реализации, к Сергею Кириенко в министры торговли и промышленности пошел, но не дошел.

Гибкость

Сразу после назначения Маслюкова первым вице-премьером заговорили о том, что он целиком разделяет экономические взгляды группы академиков, возглавляемой Леонидом Абалкиным. Академики чуть ли не первыми посетили кабинет новоиспеченного вице-премьера в Белом доме и после встречи сказали, что Юрий Дмитриевич в основном согласился с разработанной ими концепцией. Концепция, как известно, проэмиссионная, основанная на предположении, что если зайцу предъявить меню, где вторым блюдом значится заячье рагу, то он сам прыгнет в котел. Есть, однако, основания полагать, что Маслюков, выслушав академиков и согласившись с ними, отнюдь не собирается отстаивать их экономическую программу. Так же, как и любую другую. Как стало известно «Итогам», после академиков у Маслюкова побывал Андрей Шаповальянц — в тот момент замминистра, а с 25 сентября министр экономики. Шаповальянц принес Маслюкову свою программу, подготовленную еще при либеральном правительстве. В бумагах Шаповальянца ставилась, конечно, и задача подъема промышленности, но в духе Минэкономики Евгения Ясина и Якова Уринсона — ничего похожего на остроумные предложения академиков РАН там не было. Так вот, Юрий Дмитриевич одобрил и эту программу, попросив внести сугубо косметическую правку. Все, как в анекдоте про попа, признавшего правоту за обоими пришедшими к нему на суд мужиками, а на резонное замечание попадьи: должен же один из двух быть неправ, ответившего: «И ты права, душа моя».

ГЕННАДИЙ ЗЮГАНОВ (СЛЕВА) **МОЖЕТ БЫТЬ ДОВОЛЕН ПЕРВЫМИ ШАГАМИ В ПРАВИТЕЛЬСТВЕ ЮРИЯ МАСЛЮКОВА.** ВНИЗУ: **ВЧЕРАШНИЙ ДЕНЬ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ— АНАТОЛИЙ ЛУКЬЯНОВ** (СЛЕВА), **НИКОЛАЙ РЫЖКОВ** (СПРАВА) **И ЮРИЙ МАСЛЮКОВ.** ПОХОЖЕ, ЭТОТ ВЧЕРАШНИЙ ДЕНЬ СТАЛ СЕГОДНЯШНИМ

Кстати, была у Маслюкова и еще одна программа — надо понимать, собственная. В правительство Кириенко он шел на пост главы Минпромторга с концепцией, в которой говорилось о необходимости усиления роли государства на микроэкономическом уровне. Маслюков предлагал увеличить госпакеты акций предприятий и активно рулить ими. Однако в его докладе на прошлой неделе об этом не было сказано ни слова. Все это весьма симптоматично. Когда куратор экономики одновременно дает ход двум взаимоисключающим программам, отказываясь при этом от собственной, это свидетельствует не только и не столько о его некомпетентности или гибкости, а о том, что его интересы лежат совсем в другой области. Пусть экономисты спорят о денежно-кредитной стратегии, пусть Задорнов с Геращенко печатают деньги и одновременно пытаются договориться с МВФ. Получится — хорошо, нет — их же и отправят в отставку. А Маслюков, как и Сосковец в октябре 1994 года, останется. Мешать неизбежной финансовой стабилизации не станет, за исключением тех случаев, когда она будет задевать интересы опекаемой отрасли. У Сосковца такой отраслью была металлургия, и даже финансовый стабилизатор Чубайс, отменивший ради пополнения бюджета многие налоговые льготы, не смог, пока кабинет напротив занимал Сосковец, обязать алюминщиков платить НДС при толлинговых операциях. Маслюков будет оберегать ВПК — вторую по значению экспортоориентированную отрасль промышленности после металлургии. «Оборонку» он называет «воплощением мечты русского народа о всеобъемлющей защите Родины от внешних посягательств». Характерно, что когда Маслюков собрался в правительство Сергея Кириенко, он написал письмо Центральному комитету КПРФ, в котором сообщил, что обусловил свое вхождение в Белый дом передачей ему в ведение как главе Минпромторга вопросов «внешнеторговой и промышленной политики, а также военно-технического сотрудничества с зарубежными странами» — и ни слова о корректировке экономического курса, за которую ратуют коммунисты.

Маслюков боролся тогда не за индексацию зарплат трудящихся, а за передачу в оперативное управление Минпромторга госпакетов акций подведомственных министерству акционерных предприятий (в первую очередь ВПК), закрепление за министерством функции уполномоченного органа по формированию и реализации госзаказа (в том числе оборонного), за право предлагать кандидатуры для назначения на должности руководителей «Росвооружения», «Промэкспорта» и «Российских технологий». То есть Маслюкову нужен не прошлогодний снег, который ему предлагают академики РАН, а вполне реальные полномочия для решения вполне денежных вопросов, касающихся производства и экспорта вооружений. В некотором смысле не так даже важно, зачем ему это надо, — важно, что Маслюков не будет всерьез вмешиваться в общую экономическую политику, не будет навязывать стране политэкономию социализма. С ним можно договориться. Поэтому представители российских финансовых структур, связанных с ВПК, приветствовали замену Уринсона на посту куратора «оборонки» Маслюковым. А директорат военно-промышленных предприятий кинулся в объятия Маслюкова, как только он был назначен главой Минпромторга. Руководителям заводов вообще деваться некуда: кто держит в руках госпакеты их предприятий — тот и отец родной. Пока их курировал Уринсон — они поддерживали Уринсона. Наиболее преданные Якову Моисеевичу руководители теперь могут лишиться своих постов. А остальные уже выстроились в очередь к маслюковскому кабинету. Им от вице-премьера нужны налоговые льготы и дешевые госкредиты, а предложить ему они могут политическую и финансовую поддержку за счет своей экспортной выручки. Чиновник, который сумел опереться на экспортеров, может рассчитывать на относительное политическое долголетие. Раньше это были Виктор Черномырдин и Олег Сосковец, теперь Юрий Маслюков и Владимир Булгак (последний стал новым куратором ТЭКа). Единственное, что не нужно сейчас делать Маслюкову, — выступать по вопросам денежно-кредитной политики. Неблагодарное это дело. ■

«Горький» опыт

Уже в который раз правительство пытается установить государственную монополию на алкоголь

Ирина Розенберг

ПО КРУГУ

Российский водочный рынок чуть ли не самый крупный в мире. Согласно оценкам Минэкономики, Россия ежегодно выпивает примерно 240—250 млн. декалитров водки. Причем эти расчеты исходят из объемов, которые производились отечественными предприятиями в доперестроечные времена. Если же учесть, что тогда жители России, особенно небольших городов и деревень, варили самогон в товарных количествах, то можно предположить, что уровень потребления этого напитка у нас гораздо выше. Например, исследовательская компания Business Analytica Europe Ltd. оценивает нынешнюю емкость рынка крепкого алкоголя в нашей стране примерно в 400 млн. декалитров, из которых 99% приходится на водку.

Однако при столь высоких объемах потребления, доля водочных денег в бюджете составляет в последние годы всего 2—5% (для сравнения: в советские времена водка приносила до 30% доходов государству). Дело в том, что с каждым годом на водочном рынке страны растет доля нелегального товара (неучтенная водка, выпускаемая подпольными цехами или легальными заводами, которые отражают в своей отчетности не весь изготовленный продукт).

По словам генерального директора АО «Росалко» (оно объединяет около 200 крупных российских ликероводочных заводов) Валерия Бренера, в этом году в стране будет произведено менее 100 млн. декалитров водки. То есть столько будет произведено легально. Доля товара из дальнего зарубежья крайне незначительна, поскольку если ввозить водку по всем правилам, то она будет в несколько раз дороже российской. Так что, по оценкам специалистов, если сравнить эти данные с объемом потребления, получится, что на долю теневой продукции приходится 60—70%.

Раззудись плечо

О водке вспоминало каждое постперестроечное правительство. Государственный контроль над производством и продажей водки пыталась осуществлять команда Виктора Черномырдина, при которой был принят закон «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта и алкогольной продукции». Премьерство Сергея Кириенко ознаменовалось президентским указом о создании федерального государственного унитарного предприятия «Росспиртпром» с вхождением в него всех ликероводочных и спиртовых заводов. Затем уже в бытность и.о. премьера Черномырдин провозгласил монополию на алкоголь одним из пунктов своей программы по выходу из кризиса.

Новое правительство во главе с Евгением Примаковым тоже заявило о намерении ввести с октября монополию на крепкий (свыше 28 градусов) алкоголь, особо подчеркнув, что в первую очередь речь идет о монополии на производство и реализацию пищевого спирта и оборот ликероводочной продукции. Соответствующее постановление обсуждалось на заседании правительства 29 сентября.

Официально Евгений Примаков заявил, что национализации не будет. Но, как отметил в беседе с «Итогами» представитель одной из компаний, в умах членов правительства «идея национализации бродит». Хотя на национализацию у государства денег нет — ведь собственность надо выкупать у их нынешних владельцев (вариант 17-го года, когда предприятия попросту конфисковывались, рассматривать не будем).

Среди других предложений, по словам представителя одной из алкогольных компаний, — создание централизованной оптовой базы, а также целой армии проверяющих инспекторов численностью до 250 тысяч человек, призванных контролировать производство спирта и торговлю алкоголем. Как выразился руководитель одного из водочных предприятий, «такое впечатление, что правительство готовится к войне, предлагая набрать штат налоговых инспекторов, которые должны будут контролировать производство спирта и торговлю алкоголем, и чуть ли не разрешить им стрелять в тех, кто не станет подчиняться закону».

Депутат Государственной думы, член Комитета по экономической политике Владимир Баюнов считает, что подготовленный правительством документ противоречит Конституции РФ и Гражданскому кодексу. «По предлагаемому правительством постановлению работать невозможно», — заключил он, отметив, что оно предлагает слишком много радикальных мер. По его словам, премьер поручил команде вице-премьера по сельскому хозяйству Геннадию Кулику доработать проект. Будет дорабатываться он и в Комитете по экономической политике Госдумы.

«Правительство должно понять, что радикальные административные меры имеют обратный эффект, — подчеркнул генеральный директор «Росалко» Валерий Бренер. — Например, налоговые полицейские и оптовые базы через пару месяцев своего существования сами же и «легализуют» подпольный алкоголь». Едва ли поможет и введение единых цен на алкоголь — это мы уже проходили в 1996 году, когда в целях борьбы с демпингом были установлены минимальные цены на водку. Подсчитали себестоимость легального товара и решили, что водка должна стоить не дешевле примерно 12,5 тысячи (тогда) за бутылку. Ничего не получилось.

Встречный план

Напуганные сгущающимися над отраслью тучами, на прошлой неделе АО «Росалко», внешнеторговое АО «Союзплодимпорт», Всероссийская ассоциация приватизируемых и частных предприятий, крупные оптовики, руководители заводов собрались в Москве на совещание, с тем чтобы подготовить и направить в адрес правительства свои собственные предложения.

Все собравшиеся были единодушны в том, что на алкогольном рынке пора навести порядок, а именно: убрать с рынка нелегальную продукцию, которая мешает развитию легального производства и способствует уменьшению сбора налогов. Однако участники призвали правительство не увязывать слово «монополия» с понятием «собственность», а всего лишь рассматривать монополию как механизм регулирования рынка. «Все должно быть частным, но государство должно контролировать», — подчеркнул Артур Перепелкин из российской торговой компании «Альфа спиритс групп».

Фирмы-импортеры особо подчеркнули, что алкоголю, не производимому в России, нужно придать особый статус. «Фирмы, работающие на рынке вин, коньяков, ликёров, — из наиболее законопослушных, — сказал Сергей Авдеев из компании «Галерея вин». — Импортные напитки — не конкуренты отечественным, и не стоит распространять государственную монополию на импорт. Сегодня в Москве можно купить все то же самое, что продается в любом европейском городе. А государство все равно не сможет заниматься импортным алкоголем на профессиональном уровне, и товар попросту исчезнет».

В целом взгляды участников совещания на то, что реально может нормализовать работу российского алкогольного рынка, совпадают. Большинство производителей считают, что монополия необходима только на все виды спирта, включая гидролизные. При этом, по их убеждению, примерно 10% собранного акциза государство должно отдавать обратно спиртовым заводом на реконструкцию

МАРКЕТИНГОВЫЕ КОМПАНИИ ОЦЕНИВАЮТ ЕМКОСТЬ АЛКОГОЛЬНОГО РОССИЙСКОГО РЫНКА В 400 МЛН. ДЕКАЛИТРОВ, ИЗ КОТОРЫХ 99% ПРИХОДИТСЯ НА ВОДКУ

НАЛОГОВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ ВО ВРЕМЯ ОПЕРАЦИИ ПО ЛИКВИДАЦИИ ПОДПОЛЬНОГО ВОДОЧНОГО ЗАВОДА В МОСКВЕ

(сегодня их оборудование отстает от мировых стандартов на 40—50 лет).

«Государство должно строго контролировать, сколько спирта произведено и сколько расходуется. Тогда, — подчеркивают генеральные директора «Союзплодимпорта» Алексей Олийник и «Росалко» Валерий Бренер, — подпольщики не смогут производить водку». По их замыслу, нужно создать государственную организацию, которая будет покупать спирт у заводов, а затем продавать его производителям напитков. Во всех странах, говорит Валерий Бренер, этим занимается специальный департамент при Минфине. У нас этим может заниматься, скажем, «Росспиртпром». Однако формирование государственного федерального унитарного предприятия «Росспиртпром», пока не завершено.

Не исключено, что по вопросу централизованной скупки спирта государством мнение производителей совпадает с планами правительства. Во всяком случае, в одном из телеинтервью Сергей Глазьев, активно участвующий в разработке правительственной программы выхода из кризиса, отметил, что предприятия в частном порядке смогут производить спирт, но продавать его смогут только государству. Правда, возникает вопрос, где государственная организация найдет деньги на покупку спирта и по каким ценам она будет его закупать: по рыночным или по произвольно установленным ею же самой?

И еще. «Контролировать спиртовые заводы, с тем чтобы они не производили неучтенный спирт, легко, — считает Алексей Олийник. — В стране всего около 150 спиртовых заводов» (заметим, что имеющих лицензию производителей алкогольной продукции около 2,5 тыс.). Допустим. Но тогда, как справедливо заметил президент Всероссийской ассоциации приватизируемых и частных предприятий Григорий Томчин, необходимо закрыть границу с Украиной, Белоруссией, Казахстаном, откуда в основном и поступает дешевый спирт.

По мнению представителей «Росалко» и «Союзплодимпорта», еще одна из необходимых мер — упростить схему сбора налогов, а именно: сохранить акциз только на спирт (сегодня акциз берется и со спирта, и с готовой продукции). Помимо упрощения системы налогообложения, аргументом в пользу отмены акциза с водки служит еще и такое соображение. По мнению Валерия Бренера, 70% населения способны потратить на бутылку водки от 0,5 до 1 доллара. И если не насытить рынок дешевой водкой, народ все равно найдет ей адекватную замену — самогон, либо все тот же подпольный продукт, либо, наконец, денатурат. Освобождение водки от акциза должно способствовать ликвидации подпольщиков, цены которых станут неконкурентоспособными. «Нужно хотя бы освободить от акциза одну-две марки водки», — говорит г-н Бренер.

Свой взгляд на проблему имеется у представителей «Альфа спиритс групп», предлагающих основной акциз переложить с водки на спирт, а на региональную оптовую торговлю. Пусть распространением алкоголя занимаются аккредитованные в регионах оптовые компании, хотя бы и частные. Представители «Альфа спиритс групп» считают, что сохранение спиртового акциза заставит подпольных производителей еще старательнее выискивать источники подпольного сырья.

Есть и еще один аргумент в пользу введения налога с оптовых продаж. Сегодня в каждом регионе хозяином водочного рынка является губернатор. Поскольку существует акциз на производство водки в местный бюджет, губернаторам важно, чтобы на их предприятиях объемы производства были как можно больше. Поэтому они изо всех сил стараются не пропускать на свои рынки водку из других регионов.

Так или иначе, но опыт сбора налогов с оптовых продаж уже имеется в некоторых регионах (просто эти виды налогов называются по-другому). Например, в Москве с этого года введена региональная идентификационная штрихкодовая марка (она стоит продавцу 30 копеек за штуку), призванная защитить потребителя от фальшивой водки. Однако московский рынок это не спасло. Как утверждают представители заводов, левую продукцию сегодня легче продать, чем легально произведенную.

Для дополнительной защиты производители теперь предлагают разрешить продажу только тех напитков, на бутылках которых имеется специальный штрихкод. Штрихкод должен наноситься на бутылку заводским способом. Продаваться же спиртное может только в магазинах, оборудованных специальными аппаратами для считывания штрихкода. Хотя, признают производители, меры эти недешевые: комплект оборудования для считывания штрихкода обойдется в 7—10 тыс. долл.

Монополька двойной крепости

Итак, правительство продолжает разрабатывать механизмы госмонополии на алкоголь. Однако монополия на производство и реализацию спирта и ликероводочной продукции в нашей стране фактически уже существует. Кроме закона «О государственном регулировании ...», за последние несколько лет было принято около семидесяти указов и постановлений разного рода, регулирующих алкогольный рынок. Контрольные пакеты практически всех крупных ликероводочных и спиртовых заводов принадлежат государству. Существует система лицензирования мелких ликероводочных заводов, лицензирование импорта и продажи и пр. И поскольку уже принятые законы не выполняются и нелегальный водочный бизнес все равно процветает, возникает вопрос: кто и как может заставить выполнять новое постановление? Как справедливо выразился представитель одной из фирм, «даже если правительство приберет к своим рукам весь алкогольный бизнес, нелегальный алкоголь все равно останется, в крайнем случае люди будут варить самогон, — это ведь тоже подпольное производство». ■

Минфин предупреждает...

Рынок сигарет на пороге структурных изменений

Ирина Розенберг,
Юрий Феклистов (фото)

РАДИКАЛИЗМ

R.J.Reynolds (RJR), владеющая елецкой фабрикой восстановленного табака, армавирской, а также питерской фабрикой «Р.ДЖ.Р.-Петро», с 1992 года инвестировала в российскую промышленность более 300 млн. долл. И намерена в ближайшее время довести общий объем инвестиций до 400 млн.

Евгений Примаков, говоря о первоочередных задачах по выводу страны из кризиса, сказал, что необходимо установить государственную монополию на алкоголь и табак. Руководители предприятий, импортеры и рознично-оптовые торговцы всерьез забеспокоились. Особенно в табачной отрасли. Дело в том, что если в национальном алкогольном производстве иностранцы участия не принимают, то восемь из двадцати четырех российских табачных фабрик принадлежат крупным западным компаниям. По оценкам Business Analytica Europe Ltd., 55% производимой в стране табачной продукции контролируется иностранцами. Западные корпорации вложили в отрасль немало средств: заменили на фабриках обветшалое оборудование, повысили качество местной продукции, некоторые создали новые марки, разработали систему дистрибуции.

Перед выбором

Пока правительство разрабатывает механизмы введения монополии на крепкий алкоголь, подчеркивая, что речь идет вовсе не о национализации, табачники пребывают в неведении, что же будет с ними.

Правда, некоторое время назад Антон Суриков, пресс-секретарь первого вице-премьера Юрия Маслюкова, дал разъяснения информационным агентствам о планах правительства в отношении табака. По его словам, правительство РФ не собирается конфисковывать собственность производителей табачной продукции, в том числе и иностранных. Скорее всего, до такой радикальной меры дело и впрямь не дойдет. Это означало бы не только потерю потенци-

альных инвесторов, но и смену курса, а правительство пока декларирует продолжение реформ.

По заверению Антона Сурикова, речь идет о мерах государственного регулирования, которые должны пресечь контрабанду и нелегальное производство. В прошлом году, отметил он, по нелегальным каналам на российский рынок поступило примерно 60 млрд. сигарет, отчего бюджет потерял примерно 1,2 млрд. долларов. АО «Табакпром», впрочем, считает, что контрабанда не превышает 15 млрд. штук в год и еще 5 млрд. составляет подпольное производство.

Любопытно, что, принимая решение о регулировании табачной отрасли, правительство не сочло нужным проконсультироваться с работающими на нашем рынке западными корпорациями, крупнейшими на сегодняшний день инвесторами в национальную промышленность. Правда, рабочая группа выслушала представителей АО «Табакпром», объединяющего отечественные табачные фабрики. По словам руководителя АО «Табакпром» Василия Теревцова, они высказались за введение государственного лицензирования производства (сегодня лицензируется только торговля) табачных изделий.

Между тем представители западных корпораций тоже готовы к сотрудничеству с правительством. «Мы направили письмо в адрес правительства с просьбой нас выслушать», — сказал, в частности, Алик Туйгунов из Philip Morris. «Упорядочение импортных потоков, пресечение контрабанды будет приветствоваться всеми крупными компаниями, — добавил директор по корпоративным отношениям российского отделения R.J. Reynolds (RJR) Вадим Боцан-Харченко. — И мы могли бы здесь что-то посоветовать». По словам менеджера по внешним связям компании British-American Tobacco Владимира Аксенова, международные табачные компании готовы предложить совместные программы по регулированию табачного рынка, опирающиеся на международный опыт.

Для пресечения контрабанды и пополнения доходов бюджета совсем не обязательно идти на радикальные меры. Западные компании предлагают, например, выдавать акцизные марки для импортных сигарет только табачным компаниям, имеющим в России свои представительства. Тогда они смогут выдавать марки дистрибьютерам под каждую импортную партию и сообщать в ГТК о ее размерах, сумме контрактов и пр. Сегодня акцизные марки может получить любая фирма, имеющая лицензию на внешнеэкономическую деятельность (достаточно подать заявку в ГТК). Затем марки отправляют на зарубежные табачные фабрики. И отследить, сколько фирм, помимо официальных дистрибьютеров, закупает сигареты для российского рынка, каковы размеры партий и цены закупок, невозможно, поскольку контракты часто носят многоступенчатый характер (например, российская фирма получает в ГТК марки, отправляет их некоей зарубежной фирме, расположенной в оффшорной зоне, а та в свою очередь уже на заводы).

Как заметил представитель одной из западных табачных компаний, «мы знаем, что у разработчиков различных экономических программ разные взгляды в отношении табачной отрасли, и некоторые горячие головы готовы к радикальным мерам». Например, пресс-секретарь Юрия Маслюкова признал, что прорабатывается вопрос о возможности создания централизованной оптовой сети продаж (надо полагать, государственной) табачных изделий. К чему это может привести, догадаться нетрудно. За последние несколько лет наладилась эффективная система сбыта табачных изделий. Крупные компании обзавелись ограниченным кругом дистрибьютеров, распространяющих импортную и отечественную продукцию. Это все легальные компании, которые не укрываются от уплаты налогов и которые поэтому легко контролировать. Дистрибьютеры занимались маркетинговыми исследованиями рынка по регионам, имели своих оптовиков. Если сложившаяся система рухнет, не исключены не только перебои с сигаретами, но и потери бюджета.

Чтобы регулировать импорт, правительство, как считают в деловых кругах, может пойти и на создание института специмпортеров сырья для табачной промышленности. А это еще хуже, чем централизованная оптовая торговля. Отечественная табачная промышленность на 95% работает на импортном сырье (не только табак, но и фильтры, сигаретная бумага). Все крупные компании закупают табак по своим каналам и именно тот, который нужен для производства конкретных марок. Централизация импорта сырья неизбежно приведет к ухудшению качества продукции, поскольку государственные импортеры будут стараться закупать сырье подешевле. Но, главное, возможны перебои со снабжением, а отсюда и перебои с сигаретами. Ведь у государства попросту нет денег на закупку табака. Не будет же государственный импортер сначала брать деньги у производителей, а затем привозить им сырье. По словам представителя одной из западных компаний, «мы на это ни за что не согласимся, нам проще остановить производство».

В РОССИИ ЕЖЕГОДНО ПРОИЗВОДИТСЯ ПРИМЕРНО 170 МЛРД. СИГАРЕТ, ИЗ КОТОРЫХ ОКОЛО 14% СОСТАВЛЯЮТ МЕЖДУНАРОДНЫЕ МАРКИ

Самые большие инвестиции вложены в «Р.ДЖ.Р.-Петро», которая при полной загрузке способна производить до 50 млрд. штук сигарет в год (в прошлом году было произведено 37 млрд. штук). Это самая крупная фабрика из принадлежащих RJR во всем мире.

На долю импорта сегодня, по данным Business Analytica Europe Ltd., приходится более 40% рынка (годовой рынок оценивается в 260—270 млрд. штук курительных изделий). Если же государство захочет ввести еще и централизованный импорт сигарет, то курильщиков можно только пожалеть. Придется курить то, что нравится специмпортерам, и тогда, когда они найдут на это средства. Тут впору вспомнить о табачных бунтах 1990 года, когда правительству в срочном порядке пришлось изыскивать валюту, чтобы централизованно закупить большую партию сигарет в США.

За неимением гербовой пишем на простой

Между тем из-за паралича банковской системы перебои на табачном рынке, так же, как и на других товарных рынках, уже начались. Были остановлены некоторые фабрики, в том числе принадлежащие западным компаниям. Например, десять дней в начале сентября простаивала питерская фабрика «Р.ДЖ.Р.-Петро», собственность компании R.J.Reynolds. По словам Андрея Рогова из отдела внешних связей российского отделения RJR, экономический кризис заставил выждать, чтобы установить оптимальное соотношение между нынешним уровнем продаж и объемом производимой продукции. Теперь, утверждает он, фабрика работает в прежнем режиме.

Однако по сей день, по словам Василия Теревцова, многие фабрики работают не на полную мощность. «Производство за последние месяцы сократилось в среднем на 20 процентов, — сказал он. — Хорошо, что запасы сигарет на складах пока есть на месяц-полтора».

Специфические трудности возникают и из-за особенностей региональной политики. Например, чтобы избежать дефицита, из Москвы запрещено вывозить товары первой необходимости. И хотя сигареты не попадают в этот список, табачные дистрибьютеры жалуются, что у них бывают проблемы. «Стоящие на границе Москвы гаишники либо перестраховываются, заворачивая грузовики с сигаретами, либо занимаются откровенным вымогательством», — сказал он. А ведь именно из Москвы расходится немалая часть импортной и отечественной продукции. В тех же регионах, где власти пытаются регулировать цены, с сигаретами случаются перебои. Никто не хочет торговать себе в убыток, а потому предпочитает припрятывать товар и ждать дальнейшего повышения цен.

В августе-сентябре из-за финансово-экономических проблем многие компании не проводили импортных закупок. Сегодня распродают старые запасы. Дальнейшая же судьба импорта зависит от того, на какой отметке стабилизируется курс доллара и как скоро начнет функционировать банковская система.

Между тем уже ясно, что структурных изменений на внутреннем табачном рынке не избежать. Сигареты подорожали в несколько раз, так что их потребление может сократиться. Скорее всего за счет тех, кто курит для форсу. А таких среди курильщиков, по оценкам экспертов, от 2 до 7% (вообще в стране курит примерно 40% населения старше 18 лет). Кроме того, курильщики наверняка перейдут на более дешевые сорта, что повлечет за собой перераспределение в соотношении импортного и отечественного товара, а также изменение структуры спроса на те или иные марки.

Часть своих почитателей потеряют сигареты класса «люкс» (типа Parliament, Davidoff, Piert Cardin по цене в среднем от 1 до 1,9 долл. за пачку), на долю которых до кризиса приходилось 3,7 % сигаретного рынка. Потери у этого сегмента скорее всего будут незначительны, в основном за счет тех, кто курил дорогие сигареты не каждый день, а по праздникам или чтобы пустить пыль в глаза.

Гораздо сильнее структурные изменения затронут два других ценовых сегмента: так называемый premium (Marlboro, Camel, Winston, Rothmans, цена в среднем 0,87—1,1 долл. за пачку) и mid (типа L&M, West, цена 0,5—0,7 долл. за пачку), на долю которых приходилось примерно по 23 % рынка. Курильщики, предпочитавшие до кризиса сигареты premium, обратят свои взоры на сигареты класса sub-premium (Chesterfield, Pall Mall, Lucky Strike, цена 0,63—0,8 долл.), доля которых на рынке до кризиса составляла примерно 11%. Из перечисленных марок в самом выгодном положении сигареты Chesterfield, которые, по словам Алика Туйгунова, не импортируются, а в полном объеме производятся на российских фабриках.

Продукция, выпускаемая в России, не зависит напрямую от курса доллара. Из примерно 170 млрд. сигарет в год, которые производятся в России, около 14% составляют международные марки. Компания Philip Morris, кроме марки Chesterfield, делает здесь еще и Bond Street, Apollo Soyuz, Apollo Soyuz особые. RJR производит сигареты Magna и Monte Carlo. Компания Rothmans — сигареты Dallas. Все это (за исключением Chesterfield) — дешевые марки, на которые, по всей вероятности, будут переходить курильщики класса mid.

Представители табачных компаний опасаются, что увеличится доля дешевых турецких, китайских и главным образом болгарских сигарет (на них приходилось лишь 2% рынка). Болгарские сигареты — прямые конкуренты отечественных и по цене, и по типу. Не исключен наплыв сигарет из стран СНГ, например, из Украины, продукция которой, кстати, не облагается НДС.

Однако, считают эксперты, в целом структура рынка будет меняться в пользу отечественной продукции. Особенно выиграют наиболее раскрученные марки. Например, к классу mid относятся и две национальные марки — «Петр I» (разработана и производится RJR на питерской фабрике) и «Ява золотая» (BAT), цена которых соответственно 0,5 и 0,6 долл. за пачку. «Петр I» по вкусу похож на довольно популярные у нас сигареты L&M (до кризиса занимали до 90% сегмента mid), поступающие к нам только по импорту. А «Ява золотая» может выиграть за счет известности марки.

В любом случае, как отмечают специалисты, самая большая проблема для нашей промышленности — это сырье. Если не заработает банковская система и будут возникать проблемы с валютой, фабрикам, на чем бы они ни специализировались — на дешевом товаре или сигаретах более высокого класса, придется туго. Пока отрасль живет старыми запасами. «Ощутимый дефицит может возникнуть с начала будущего года», — отметил Василий Теревцов. ■

Philip Morris вложила в краснодарскую табачную фабрику более 60 млн. долл., а теперь возводит новое производство в Ленинградской области, куда, по словам директора по связям с общественностью Алика Туйгунова, планируется инвестировать 337 млн. долл. Кроме того, Philip Morris имеет небольшую фабрику (на базе бывшего оборонного предприятия) в Санкт-Петербурге. Продолжить свои инвестиции намерена также British-American Tobacco, владеющая саратовской и московской фабриками «Ява» (в них уже вложено более 170 млн. долл.).

Уроки «контролируемой эмиссии»

Инфляционные и стабилизационные правительства могут сменять друг друга несколько раз в течение десятилетий

Владимир Мау

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ХРОНИКИ

Ничего из того, что происходит сейчас в России в связи с финансовым кризисом и вокруг него, не является принципиально новым для мирового развития. Десятки стран переживали обвальную девальвацию и бегство капитала, недоверие инвесторов и отказ государства платить по долгам. Как говорится, все было и все будет. Эти события сопровождала острая борьба разных политических сил со своими рецептами относительно выхода из кризиса, практически все существующие рецепты уже были опробованы в той или иной стране.

Рецепты так или иначе всегда сводились к двум вариантам: или печатать деньги, или жить по имеющимся (впрочем, весьма скудным) средствам. И здесь ничего нового не изобретено. Что происходит, если жить по средствам, более или менее понятно. Мрачные перспективы политики ограничения государственных аппетитов за последнее время многократно описаны критиками так называемой аргентинской модели: здесь и рост безработицы, и банкротство неэффективных предприятий, и резкое снижение благосостояния чиновничества. Правда, за этим следует выход на траекторию быстрого экономического роста, но ведь до этого, как говорится, надо еще дожить.

Гораздо менее известными нашей публике остаются последствия эмиссионной модели. Обычно упор здесь делают на то, что выпуск необеспеченных денег приводит к разгону цен. В принципе это, конечно, верно, однако реальный механизм инфляционного финансирования народного хозяйства действует несколько иначе, более сложно. На первых порах (в первые недели или месяцы) может произойти некоторое улучшение социально-экономической ситуации. Но что происходит дальше? Это-то и является особенно важным и интересным.

Правительство, исповедующее инфляционистские идеи, обычно приходит к власти после попыток жесткой макроэкономической стабилизации, которые нередко ассоциируются с идеями и практиками МВФ. Новые власти заявляют о необходимости выработки собственного, национального пути решения социально-экономических проблем, о своем патриотизме и о пагубности «указаний из Вашингтона». Далее развитие событий происходит по стандартному сценарию.

На первой фазе правительство пытается ускорить промышленный рост путем некоторого усиления денежной эмиссии, а также за счет перекачки финансовых ресурсов из экспортных секторов в сектора «национальной гордости» (обычно отечественное машиностроение). Одновременно через законодательное повышение уровня оплаты труда стимулируется спрос. Экономика в ответ на эти меры действительно начинает расти, так же как и благосостояние народа. Создается впечатление, что правительство добилось крупных успехов, а страна находится на пороге экономического чуда. Популярность власти заметно повышается.

Продолжительность этого этапа зависит от наличия у государства валютных резервов и масштабов эмиссии. Значительные валютные резервы дают больше возможностей для экспериментирования и соответственно удлиняют период надежд на экономическое чудо. Кажется, что найден секрет легкого решения всех проблем.

На второй фазе в экономике возникают дисбалансы. Выясняется, что подъем производства и благосостояния сопровождается ухудшением ряда макроэкономических показателей: ростом дефицита торгового и платежного балансов, сокращением валютных резервов, ростом внешнего долга. Однако эти негативные сдвиги до поры до времени видны только профессиональным экономистам (а в условиях длительного отрыва страны от реальной рыночной экономики — далеко не всем экономистам). Нарастают трудности с бюджетом, но кто станет обращать внимание на такие «мелочи», когда налицо ускорение темпов роста производства.

На третьей фазе происходит быстрое нарастание товарного дефицита в контролируемом государством секторе и ускоряется инфляция свободных цен. Попытки заморозить цены ведут к усугублению товарного дефицита, а неизбежная девальвация курса национальной валюты оборачивается взрывом инфляции. В наших условиях, увы, вероятность такого рода действий особенно велика — тяга российской власти к административному контролю над ценами, всяческим запретам на валюту в полной мере вписывается в «национальные традиции».

Вслед за этим ухудшается собираемость налогов, разваливается бюджет. Что бы ни предпринимало правительство, уровень жизни начинает снижаться, сжимается производство. Начинаются народные выступления, причем особенно острой ситуация оказывается в столице и других крупных городах. В современной российской ситуации это было бы особенно болезненно, поскольку нельзя исключить переплетение высокой инфляции с товарным дефицитом.

Наконец на четвертой фазе происходит падение правительства, и новая (нередко военная или чрезвычайная) власть принимает радикальные меры по стабилизации социально-экономической ситуации.

Именно так развивались события в Бразилии и Аргентине, Чили и Перу, Болгарии и Румынии. Причем далеко не всегда дело ограничивается одним туром эмиссионных экспериментов. Инфляционные и стабилизационные режимы могут сменять друг друга несколько раз в течение десятилетий.

Конечно, зарубежный опыт ни для какого подлинно национального и патриотического правительства не является показательным. Одно дело «они», и совсем другое — мы. Специалистам по «экономике развития» хорошо известно, что страны обычно хорошо усваивают свой тяжелый опыт и почти никогда — опыт других стран, даже самых близких соседей. Остается только надеяться, что мы станем исключением из этого правила.

Владимир Мау — руководитель Рабочего центра экономических реформ

Microsoft отчитался

«Представьте, что вы очнулись, засыпанные песком, и теперь ваша задача понять, где вы очутились: то ли грузовик врезался в гору песка, то ли вы в пустыне»,— так охарактеризовала генеральный директор миссии Microsoft в России Ольга Дергунова положение дел, сложившееся к сентябрю в российской компьютерной отрасли. Самому же Microsoft'у, судя по всему, песок не помеха — 22 сентября были официально оглашены результаты финансового года, который в Microsoft заканчивается 30 июня. Оборот компании в странах СНГ (кроме Украины) достиг 37 млн. долларов, увеличившись на 42 процента, — причем, по словам госпожи Дергуновой, этот рост был достигнут всего за полгода, так как «стагнация стала ощущаться еще с января». В целом же за компанию не стоит беспокоиться еще и потому, что оборот «родителя» — «большого» Microsoft'а в истекшем году достиг целых 14,5 миллиарда долларов. (Не вполне, впрочем, ясно, как рыночная стоимость компании может достигать при этом чуть не четверти триллиона долларов.) Кроме того, софтверный гигант празднует победу над компанией Netscape — производителем браузера-конкурента. По данным Microsoft, доля браузеров Netscape на рынке за год упала с 60 чуть не до 20 процентов. (По наблюдениям независимых экспертов, скорее до 30—33%.) Что касается лично Гейтса, то он, видимо, стал еще богаче — но об этом необязательно даже официально сообщать. Привыкли уже. ■

Сладкий вкус скандала

Клинтону обидно, что его грязное белье вот уже год вытряхивают на людях, избиратели возмущаются моральным обликом президента, а взбешенная Хиллари, того и гляди, издаст книгу под названием «Я тоже спала с президентом». Зато хорошо сетевым бизнесменам — на скандале делаются большие деньги. Например, самая известная в Интернете поисковая машина Altavista предложила посетителям новую услугу — поиск видеофрагментов в многочасовых показаниях Клинтона (video.altavista.com). Набираете первое пришедшее вам в голову словосочетание — допустим, «breasts» — и получаете на выбор несколько соответствующих видеоотрывков. Напомним, что 11 сентября большинство членов Конгресса (363 «за») проголосовало за публикацию отчета Старра именно в Интернете — забавно, что двумя годами ранее практически те же люди (414 «за») «провели» Акт о телекоммуникациях, одна из частей которого (CDA) налагала очень серьезные ограничения на публикацию в Сети «сомнительных» материалов. Если бы положения CDA не были отменены в нынешнем году, публикация отчета Старра была бы уголовным преступлением (штраф до 250 тыс. долларов, тюремное заключение на срок до 5 лет). Борцы за нравственность в американском Конгрессе зачастую так же нелогичны, как и их российские коллеги — количество порно/эротических сайтов, поживившихся на этой влажной теме, не поддается никакому учету. (Русский перевод отчета Старра можно найти по адресу 194.67.20.167/clinton.) ■

Кто следующий?

Известный московский медиахудожник Алексей Соловьев, автор нескольких запомнившихся читателю обложек «Итогов» («яйцо Фаберже», пейджер «... кончаю, страшно перечесть», стул для безработного «Мест нет»), одним из первых среагировал на кризис, разместив на своей Веб-странице «Кризисные картинки» **(www.design.ru/solo/kriz).** Теперь он не одинок, собратья проживают по адресу **hobby.ifmo.ru/crisis** — и тоже весьма недурно. ■

Какой кризис?

К началу сентября две крупнейшие российские баннерные сети ИнтерРеклама **(www.bizlink.ru)** и РекламаРу **(www.reklama.ru)** достигли уровня миллиона показов за день. И с тех пор только наращивают обороты. В оффлайновом мире дела обстоят с точностью до наоборот — бизнес еще теплится, а вот реклама уже почти закончилась. ■

Болезнь роста

Новообращенные адепты Сети или счастливы своей благоприобретенной «крутостью», или просто считают Интернет совершенно естественной вещью. По адресу **hp.pccenter. ru/iceaxe/iceaxe/nrf** можете полюбоваться на исключение из правила — журнал NRF, посвященный нелегкой проблеме болезненного пристрастия к Интернету. ■

Программируемый чайник

По прогнозам известного агентства IDC **(www.idcresearch.com/F/ Ei/gens19.htm)**, к 2002 году число подключенных к Интернету устройств достигнет 515 миллионов — и персональные компьютеры будут среди них в меньшинстве. Уже сейчас компания NCR **(www.knowledgelab.com)** предложила изумленным покупателям микроволновую печь, сращенную с подключенным к Сети компьютером. Этот «кентавр» не только подогреет остатки ужина на завтрак. По голосовой команде он скачает из Интернета нужные рецепты, оплатит счет за электричество, отправит почту. А если кончился любимый кетчуп, прочитает штрих-код на пустой бутылке и пошлет заказ на новую в ближайший он-лайновый супермаркет. Компьютеры компьютерами, а семья по-прежнему собирается у очага — тут Интернету и быть! ■

50 байт лица

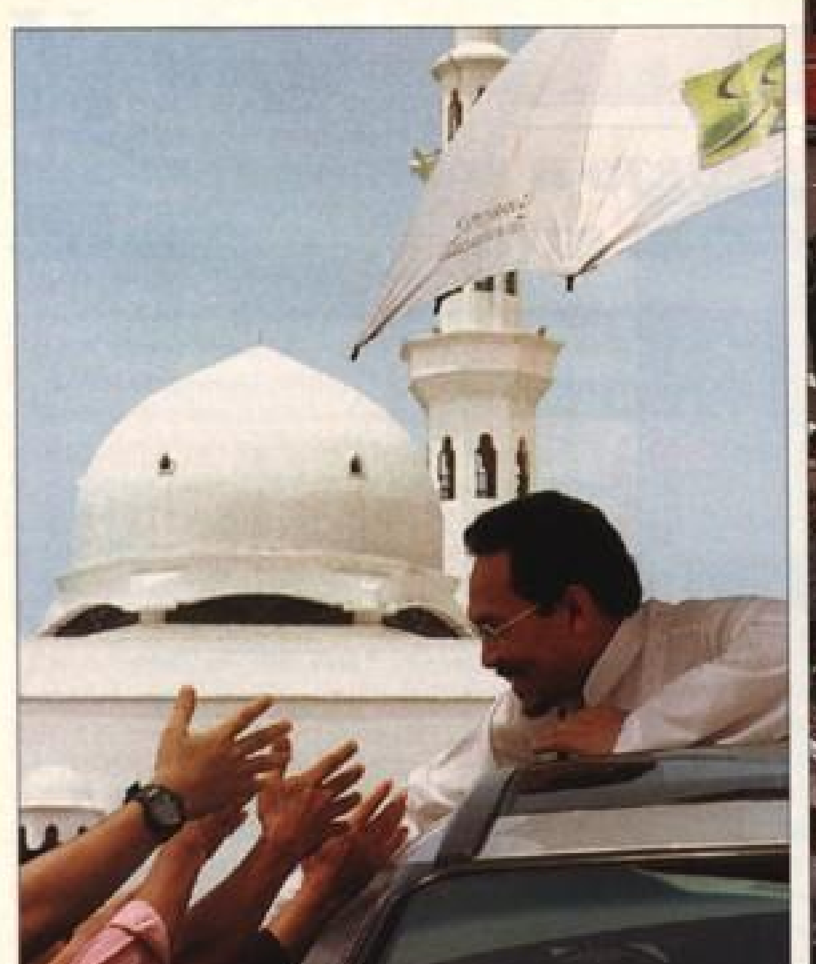
Исследователи из университета графства Кент разработали революционную технологию, позволяющую «упаковать» изображение человеческого лица всего в 50 байт. На практике это означает, что такая информация может быть записана даже на кредитную карту с «чипом». Через несколько лет владельцам карточек, возможно, не придется даже запоминать PIN-код — вставляете карточку в банкомат, тот сканирует ваше лицо, сравнивает с лицом, записанным на карте, и убеждается в том, что вы действительно тот, за кого себя выдаете. Очень удобно — полиция подъедет спустя всего минуту. ■

ОПРОВЕРЖЕНИЕ

В «Итогах» N37 (стр.39) была допущена ошибка: утверждалось, что компания Sovam Teleport прекращает инвестиции в «Россия-он-Лайн». На самом деле американская компания Global TeleSystems Group прекращает инвестиции в Sovam Teleport.

адрес составителя yegor@inter.net.ru
адрес редакции itogi@7days.ru

По информации «Итогов», Scout Report, TBTF, ВИ, Merlin

Кризис малазийской сборки

Обвиняя своего ближайшего соратника Анвара Ибрагима в сексуальной разнузданности, премьер Мохамад Махатхир борется с рецептами МВФ

Сергей Строкань
АЛЬТЕРНАТИВА

До последнего времени относительно благополучная Малайзия надеялась избежать судьбы соседней Индонезии, тяжелее других переживающей последствия азиатского кризиса. Отсутствие значительного внешнего долга, более развитая промышленная и финансовая инфраструктура, сильная налоговая политика и высокая норма сбережений позволяли экспертам говорить о том, что экономический фундамент в Малайзии гораздо прочнее, чем в Индонезии, Таиланде и на Филиппинах.

Неудивительно, что Малайзия в меньшей степени подверглась ураганному воздействию кризиса, чем другие «тигры» Юго-Восточной Азии. Хотя местная национальная валюта — ринггит — с июля прошлого года стала неуклонно обесцениваться, ее падение не было столь стремительным, как у индонезийской рупии. Бессменно занимающий кресло премьера уже 17 лет Мохамад Махатхир дал понять, что наперекор всем невзгодам не теряет надежды к 2020 году превратить Малайзию в промышленно развитую державу.

Однако избежать судьбы неблагополучных «тигров» Малайзии все же не удалось. Вирус социальных беспорядков, перелетев из Индонезии через узкую полоску океана, поразил страну Махатхира, снискавшего себе славу давнего и упорного критика МВФ и «международных спекулянтов-мошенников», в действиях которых он видит корень всех азиатских бед.

Отрубленная правая рука

Антиправительственные демонстрации, вспыхнувшие в стране на прошлой неделе, заставили малазийские власти признать: развитие событий по индонезийскому сценарию вполне возможно. (Напомним, что в ходе массовых волнений, охвативших Индонезию в мае, в Джакарте было убито около 1200 человек. В результате президенту Сухарто, находившемуся у власти более 30 лет, пришлось уйти в отставку.)

Когда 30-тысячная толпа вышла на улицы малазийской столицы Куала-Лумпур, угрожая сжечь резиденцию Махатхира и требуя его отставки, полиции пришлось применять слезоточивый газ и водометы. «Мы не хотим допустить здесь повторения событий в Джакарте — погромов, убийств, изнасилований. А такая опасность есть. Наши люди сделаны из того же теста, что и индонезийцы. Они одной крови, у них похожие мысли и эмоции»,— объяснял действия стражей порядка глава федеральной полиции Абдул Ибрагим Нур.

Участниками массовых демонстраций стали сторонники изгнанного с вершины власти и отданного под суд второго человека в стране — вице-премьера Анвара Ибрагима. Формально причиной громкого низвержения Ибрагима — правой руки Махатхира — стал раздутый вокруг вице-премьера сексуальный скандал, описание которого в местных газетах напоминает страницы сочинений маркиза де Сада и затмевает доклад прокурора Кеннета Старра. Скандал разразился после того, как Ибрагим попытался противопоставить концепции Махатхира собственный план либеральных реформ, основанный на рецептах МВФ. Махатхир решил, что Ибрагим пытается лишить его власти.

Так премьер не побоялся отрубить себе правую руку.

ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО МЕСЯЦЕВ НАЗАД **НИКТО НЕ МОГ ПРЕДПОЛОЖИТЬ, ЧТО СОБЫТИЯ В МАЛАЙЗИИ ПРИОБРЕТУТ СТОЛЬ ДРАМАТИЧНЫЙ ОБОРОТ.** ВДОХНОВИТЕЛЕМ АНТИПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ СТАЛ БЫВШИЙ ВИЦЕ-ПРЕМЬЕР АНВАР ИБРАГИМ (СЛЕВА)

Черт из табакерки

Еще несколько месяцев назад отношения между Махатхиром и вице-премьером были безоблачными. Черная кошка пробежала между первым и вторым лицом в государстве в декабре, когда Ибрагим выдвинул свой план укрепления национальной валюты и оздоровления экономики.

Незадолго до этого на ежегодной встрече Всемирного банка и МВФ в Гонконге Махатхир предложил запретить в Малайзии торговлю валютой, объем которой в 20 раз превышал объем торговли товарами и услугами. Махатхир назвал ее «ненужной, непродуктивной и абсолютно аморальной».

Для того чтобы воспрепятствовать падению фондового рынка, премьер объявил о введении ограничений на спекулятивные продажи 100 «голубых фишек» (наиболее ликвидные акции) и о создании специального фонда в размере 60 млрд. ринггитов для поддержания курса акций малазийских компаний, что было расценено специалистами как явная дискриминация по отношению к иностранным инвесторам.

Рынок отреагировал на эти заявления дальнейшим падением курса ринггита. И вот тут-то, как черт из табакерки, возник Анвар Ибрагим, который фактически дезавуировал своего шефа, заявив, что в Малайзии не будет «абсолютно никаких изменений правил и регулирования торговли иностранной валютой, и страна будет и дальше придерживаться либерального курса в области финансовых услуг».

Вызов был брошен, и с этого момента Махатхир и Ибрагим оказались по разные стороны баррикад. Раскручивание скандала теперь было делом времени. И аппарата премьера.

Вот основные вехи. В апреле этого года появляются первые анонимные письма с обвинениями против вице-премьера. В июне выходит в свет книга Махатхира «50 причин того, почему Анвар не может быть премьер-министром», в которой автор обвиняет Ибрагима в желании его «подсидеть». В июле арестовывают друга вице-премьера и его партнера по теннису С. Наллакаруппана (именно он фигурирует в книге как организатор сексуальных оргий с участием Анвара Ибрагима).

Кульминация наступила в сентябре. Отправив Ибрагима в отставку, Махатхир забрал себе портфель министра финансов (в руках Махатхира, кстати, находится еще один ключевой портфель — министра внутренних дел). Главой Центрального банка Махатхир назначил своего человека — Али Абдуллу Хассана Сулеймана, до этого занимавшего пост главы департамента экономического планирования в аппарате премьер-министра. Советником же Центрального банка стал Нур Мохамад Яккоп, со скандалом оставивший этот пост после того, как Центробанк потерял несколько миллиардов ринггитов из-за неумелых операций на валютном рынке.

Холодная война-2

Избавившись от Ибрагима, Махатхир решил преподать урок всему миру: предложить малазийский рецепт борьбы с финансовым кризисом. В начале сентября он ввел фиксированный обменный курс ринггита по отношению к доллару (3,80 ринггита за 1 доллар). До этого на валютном рынке доллар продавался за 4,1–4,3 ринггита. Ужесточение государственного контроля над финансами стало частью программы чрезвычайных мер по выходу из кризиса, шедших вразрез с рецептами МВФ. И хотя в этих мерах не было ничего принципиально нового (в Азии жесткий государственный контроль над финансовым рынком существует, в частности, на Тайване, в Индии и Китае), Махатхир пожелал выступить в роли «мессии» и на примере своей страны указать другим странам выход из лабиринтов свободного рынка. В статье, опубликованной в журнале «Тайм», Махатхир заявил: «Наш призыв к мировому сообществу навести порядок на рынках пока не был услышан. Малайзия должна провести собственные реформы». При этом, по выражению самого Махатхира, его страна готова к тому, что ее назовут «еретиком», «парией», обвинят в отходе от идеологии свободного рынка.

Однако не прошло и месяца, как оказалось, что Махатхир вовсе не одинок в своем стремлении ужесточить государственный контроль за экономикой. Возможность введения фиксированного курса рубля к доллару и отказ от хождения иностранной валюты стали обсуждать в России. Сингапур начал разрабатывать меры по ограничению операций на валютной бирже. Наконец, Гонконг, служивший символом свободного рынка, объявил о мерах, призванных крепче привязать местный доллар к своему американскому тезке.

«По всему миру в условиях падения валют и расшатывания экономик все больше и больше политиков задаются вопросом: сколько свободы необходимо рынкам, чтобы обеспечить богатство и благополучие нации? Конечно, никто не предрекает немедленного крушения свободных рынков, но следование его догмам постепенно уступает место прагматизму», — отмечает журнал Asiaweek

Подобные настроения добавляют уверенности Махатхиру, которому пока не удалось доказать своим соотечественникам преимущества его собственных рецептов над рецептами МВФ. Между тем, по мнению ряда экспертов, мир вступает в новую холодную войну — на сей раз вокруг «горячих денег». И бороться в ней будут не идеологии коммунизма и капитализма, а идеи государственного контроля и свободного рынка. ■

Блудный сын

Махатхир создавал «нового малайца». Его воплощением стал опальный министр

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР МАЛАЙЗИИ МОХАМАД МАХАТХИР (СЛЕВА) НЕ ЖЕЛАЕТ СЕБЕ УЧАСТИ СУХАРТО. ОН ПОЛОН СИЛ И ЖЕЛАНИЯ БОРОТЬСЯ — КАК ЗА МАЛАЙСКУЮ ЭКОНОМИКУ И ЗДОРОВЬЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ВАЛЮТЫ РИНГГИТА, ТАК И ЗА СВОЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ СУДЬБУ. ПЕРВОЙ ЖЕРТВОЙ В ЭТОЙ БОРЬБЕ ПАЛ ПРОЗАПАДНО НАСТРОЕННЫЙ МИНИСТР ФИНАНСОВ **АНВАР ИБРАГИМ** (НА ФОТО СПРАВА). БЫВШЕМУ МИНИСТРУ «ШЬЮТ» СЕКСУАЛЬНУЮ РАСПУЩЕННОСТЬ — ЭТО ТЕПЕРЬ МОДНО

Доринда Эллиот

Newsweek

HARASSMENT

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР МАЛАЙЗИИ МАхатхир Мохамад в благополучные времена (до кризиса) не любил, когда его критиковали, однако вот уже на протяжении нескольких месяцев ему приходится смиренно выслушивать хулу в свой адрес. С горечью наблюдал он, как иностранные инвесторы, какие бы громы и молнии ни метал он в них, ведут наступление на малайскую биржу и малайскую валюту. И даже его заместитель и министр финансов Анвар Ибрагим, к которому он относился как к сыну, выступил на стороне инвесторов. Вместе с ними Ибрагим подверг осуждению предпринимаемые премьером Махатхиром усилия сохранить систему, которую он строил на протяжении последних 17 лет. В довершение всего «старик» убедился, что сторонники Ибрагима считают его деспотом индонезийского толка, повинным в «коррупции, закулисных махинациях и кумовстве». Этого уж он стерпеть не смог. Одно дело, когда критикуют проводимую им политику, и совсем другое — когда, как выразился хорошо осведомленный источник в Куала-Лумпуре, «пытаются переписать историю и «отменить» все его, Махатхира, достижения». «Старик» предупредил, чтобы мир готовился к потрясению, и он нисколько не преувеличивает.

Так Махатхир вступил в борьбу. Крутые меры стремительно следовали одна за другой: он резко ограничил продажу малайской валюты (ринггита) на иностранных рынках и насколько возможно затруднил нерезидентам сделки по малайским ценным бумагам. «Прижав» иностранцев, правительство Махатхира пошло дальше — снизило процентные ставки, что должно облегчить малайским компаниям выплату долгов, позволит им получить новые займы и тем самым выведет экономику из спада. Но все эти крутые меры кажутся мелочью по сравнению с тем, что премьер пошел на привлечение к ответственности Анвара — сторонника реформ, своего ставленника и возможного преемника, — предъявив ему тяжкие обвинения в «сексуальной распущенности» и в действиях, угрожающих национальной безопасности. «Вы хотели перемен? — словно говорит он мировому финансовому сообществу. — Так вот вам перемены!» В одном из интервью он заявил: «Система свободного рынка провалилась, причем непоправимо. Единственный способ развивать экономику — это отгородиться от спекулянтов».

Полетели первые комья грязи. Спустя двое суток после этого заявления малайцы обнаружили, что страницы «Нью Стрейтс таймс» заполнены непристойными подробностями: по официальным сообщениям полиции, Анвар уличен в гомосексуализме и в связях с «женщинами разных рас». Некий мужчина показал на допросе, что министр финансов 15 раз имел с ним гомосексуальные сношения, другой сообщил, что подозревает свою невестку в сожительстве с Анваром. Личный шофер засвидетельствовал, что регулярно доставлял ему женщин и что однажды увозил его со свидания, причем министр финансов, оберегая свое инкогнито, был в парике. Еще одна свидетельница заявила, что посредник заплатил ей 90 долларов за «интимный контакт» с Анваром. Сам министр, отец шестерых детей и правоверный мусульманин, спокойно отверг все обвинения, заявив, что считает их частью «политического заговора». Его жена Ван Азиза Ван Исмаил (рядом с министром на фото) безмятежно улыбалась из-под традиционного покрывала, а впоследствии постоянно поддерживала мужа.

Политики обычно прагматичны, и все же трудно было представить себе, чтобы 15-летнее сотрудничество Махатхира и Анвара оборвалось столь резко и бесповоротно. С самого начала в этом союзе было много личного. Анвар, сын провинциального политика, своей простотой и приверженностью к исламскому благочестию снискал себе любовь деревенских жителей. Он до сих пор с одинаковой непринужденностью носит и национальный малайский саронг, и костюм от Армани. Он все еще является носителем «истинно малайского духа», и это в немалой степени способствовало его возвышению при Махатхире, получившем власть на волне яростного антиколониализма. Анвар рассчитывает, что этот дух поддержит его и теперь. «Правительство Махатхира будет чинить этому всяческие препоны, — заявил он в интервью «Ньюсуику», — но не надо думать, что малайский народ так наивен».

До недавнего времени премьер-министр, отправляясь за границу, вверял бразды правления Анвару. По слухам, они виделись каждое утро — отчасти эти встречи проводились и затем, чтобы уберечь Махатхира от чьего-либо дурного совета. Они жили в соседних домах и совершали совместные верховые прогулки. Премьер, судя по всему, не выказывал недовольства тем, что его «сын» не всегда соглашался с его идеями.

Махатхир продолжал сражаться с «западным неоколониализмом», который повсюду ему мерещился, тогда как Анвар видел себя гражданином мира и хотел вписать свою страну в систему глобальных структур и ценностей. Он продолжал отстаивать свою правоту и после падения, заявив, что «Махатхир должен оценить то, что я продолжаю поддерживать его и не считаю себя свободным от обязательств. Я придерживаюсь более либеральных, более демократических взглядов, я верю в гражданское общество, в свободу прессы и не понимаю, почему премьер считает, что я представляю для него угрозу».

Экономическое положение продолжало ухудшаться, и Анвар сопротивлялся все усиливающемуся стремлению премьера сменить тактику. Но разногласия касались далеко не только экономики. На протяжении 20 лет выведенная Махатхиром формула для превращения страны в одну большую фирму «Малайзия инкорпорейтед» творила чудеса. Правительство Махатхира поддерживало создание «этнически чистых» малайских корпораций, которые могли бы на равных тягаться с мощными малайско-китайскими компаниями.

АППАРАТЫ ПО ПРОДАЖЕ КОКА-КОЛЫ МОЖНО ВСТРЕТИТЬ ДАЖЕ В СТОЛИЧНЫХ МЕЧЕТЯХ. ОДНАКО ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТОРЫ В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ ЧУВСТВУЮТ СЕБЯ В МАЛАЙЗИИ ТАК ЖЕ НЕУЮТНО, КАК И В РОССИИ

Ожидалось, что новые малазийские предприниматели, разбогатевшие на грандиозных правительственных заказах по созданию инфраструктуры, в свою очередь помогут неимущим братьям по крови.

Поначалу все шло великолепно. Благодаря мощному притоку иностранного капитала рост производства за минувшее десятилетие составлял в среднем 8%. Да, процветал фаворитизм, но богатели в результате все. И национальные, и иностранные инвесторы дружно закрывали глаза на то, что из-за множества неэффективно работающих предприятий экономика превращается в настоящее решето. Малазийские банки, окрыленные ростом фондового рынка, безоглядно давали миллиардные кредиты явно «больным» компаниям.

Но бегство иностранных инвесторов, начавшееся в Таиланде осенью прошлого года, коснулось и Малайзии, и пузырь лопнул. Похоже, что Махатхир считает, что теперь, избавившись от иностранных инвесторов, он сумеет вернуться к старой испытанной формуле. «Самое главное — поставить барьер между ними и нами, — говорит он. — То, что мы предприняли, — это попытка свести на нет их способность влиять на курс нашей национальной валюты и наших акций.

Недоброжелатели премьера утверждают, что он прежде всего хочет защитить своих политических сторонников, чьи компании задыхаются от нехватки капиталов. Осенью прошлого года Анвар возражал против спасения за счет государства одной из крупнейших в Малайзии компаний «Ренонг, Ltd.», которая, по слухам, контролируется близкими к премьеру людьми. По указанию Анвара центральный банк отказался выполнить инструкцию Махатхира и понизить учетные ставки. Когда во втором квартале экономический спад достиг 6,8%, премьер без околичностей обвинил во всем министра финансов. «Идет борьба за контроль над капиталами, — считает режиссер Хишамнаудин Раис, который в 70-е годы вместе с Анваром был активистом студенческого движения. — Махатхир уверен, что мировые державы намерены скупить по дешевке всю нашу страну и что Анвар представляет интересы иностранного капитала».

В мае сторонники Анвара были воодушевлены падением президента Индонезии Сухарто, падением, к которому привел невиданный размах коррупции и непотизма. Месяц спустя на съезде правящей политической партии — Объединенной малайской национальной организации (ОМНО) — они же пошли в лобовую атаку на премьера, требуя ужесточить борьбу с коррупцией. Махатхир нанес ответный удар и предал огласке список лиц, поживившихся на программах приватизации, в котором значились имена многих родственников и сторонников Анвара. Все лето циркулировали слухи о том, что премьер намерен отправить его в отставку.

Анвар готовился одновременно и к увольнению, и к следствию. Как стало известно «Ньюсуику», три месяца назад он расторг договор с арендаторами своего дома, предвидя, что в правительственной резиденции жить ему осталось недолго. Премьер некоторое время назад вызвал его к себе и предъявил ультиматум: либо добровольная отставка, либо унизительное публичное разбирательство его «морального облика».

Если Анвар будет окончательно убран с дороги, поможет ли война премьер-министра с иностранными инвесторами оздоровлению малазийской экономики? Прогнозы международных аналитиков и финансистов — тоже, впрочем, иностранцев — весьма пессимистичны. Пол Кругман, оракул из Массачусетского технологического института, заявил, что жесткая финансовая политика, которой требует МВФ, не всегда оказывается уместна, а потому странам, подобным Малайзии, стоит запереть двери и наращивать объемы производства, выигрывая время для проведения реформ. Но после того как Махатхир внял этому совету, тот же Кругман поспешил направить ему открытое письмо, предупреждая, что контроль над финансовым рынком возможен лишь как временная, «пожарная» мера, принимаемая в период подготовки более фундаментальных реформ в области банков и бизнеса. Эта мера «предоставляет администрации огромные полномочия и вызывает у народа обоснованное беспокойство по поводу злоупотребления власти и непотизма», — утверждает Саймон Флинт из сингапурского Агентства независимого экономического анализа.

Махатхиру уже однажды приводили эти аргументы. И он к ним не прислушался. Еще воюя с британским колониализмом, он мечтал создать «нового малайца» — напористого, трудолюбивого, конкурентоспособного, гордящегося тем, что не пасует перед трудностями. Премьеру и его друзьям по бизнесу всегда хотелось выстроить самое высокое в мире здание, соорудить самую грандиозную в мире дамбу, создать азиатскую Силиконовую Долину — словом, сделать нечто такое, что могло бы укрепить национальную гордость. Двадцать лет великих замыслов и усилий по поддержке «коренных» малайцев (в пику «этническим» китайцам, которые традиционно зажиточнее коренного населения. — **«Итоги»**) дали свои плоды. Ныне Махатхир дожил до появления нового малайца, и, по иронии судьбы, таковым оказался Анвар. Бывший министр — надежный, компетентный, без тени провинциализма — воплотил в себе идеал премьера еще годичной давности. Ныне старый националист собирается уничтожить собственное творение, олицетворение своей мечты — своего неблагодарного сына, всегда стоявшего рядом с ним, плечом к плечу. ■

Конец Боннской республики

Новый канцлер Германии Герхард Шрёдер дал понять, что намерен ускорить переезд своего правительства в Берлин

Андрей Гурков

ПЕРЕМЕНЫ

ВСЮ НОЧЬ ПОСЛЕ ВЫБОРОВ В ЦЕНТРЕ Берлина ликовала молодежь. Ее безудержное веселье напоминало эйфорию, охватившую город в день объединения Германии. Но на сей раз — такова уж ирония истории! — берлинцы с не меньшим воодушевлением праздновали уход с политической сцены того самого человека, который восемь лет назад обеспечил нации долгожданное единство. «Коля убрали! Коля убрали!» — скандировали молодые люди, выплясывая вокруг предвыборных плакатов теперь уже бывшего федерального канцлера.

Фиаско объединителя

Неблагодарное это дело в политике — ждать признания избирателей. Шестнадцать лет пребывания у власти притупили политическое чутье Гельмута Коля. Объединитель Германии понадеялся на свои былые заслуги, переоценив собственную значимость и недооценив желание соотечественников наконец-то увидеть во главе страны новое лицо. Одну из главных причин произошедшей в ФРГ смены власти можно свести к банальной, лишенной всяческой политологической глубокомысленности формуле: Коль всем надоел.

Опросы общественного мнения свидетельствуют: если бы Коль своевременно уступил должность канцлера лидеру фракции ХДС/ХСС в бундестаге и своему объявленному политическому преемнику Вольфгангу Шойбле, правящая христианско-либеральная коалиция имела бы все шансы остаться у руля. Однако 68-летний «вечный канцлер» повторил извечную ошибку больших политиков и больших спортсменов: он упустил момент для триумфального ухода со сцены. В результате Гельмут Коль не просто проиграл нынешние выборы — он провалился, причем с треском. Партия ХДС, которую он возглавлял на протяжении последних 25 лет, потерпела самое сокрушительное поражение за всю свою историю, а Коль даже не сумел завоевать мандат в собственном избирательном округе в родном Людвигсхафене (там победила никому не известная активистка социал-демократической партии) и в бундестаг прошел только по партийному списку.

Наверное, было бы преувеличением утверждать, что наутро после выборов немцы проснулись в другой стране. Однако результаты голосования 27 сентября положили конец не только «эре Коля». Уход многолетнего канцлера означает еще и конец Боннской республики, или, попросту говоря, той Западной Германии с ее институтами, структурами и традициями, к которой в 1990 году присоединилось практически инородное тело — Германия Восточная. Несколько лет две неравные части одной страны существовали словно параллельно друг другу, однако постепенно их притирка и сращивание стали порождать нечто новое, что стали называть Берлинской республикой.

Останься Коль, с его старомодными манерами, с его трогательной любовью к своей малой родине — винодельческому региону Пфальц, с его привычкой каждый год ездить в отпуск в Австрию и там старательно пытаться похудеть, останься Коль у власти — и в глазах многих западных немцев он мог бы служить мостиком между той Германией, которую они потеряли, и той, которую приобрели. Теперь мосты сожжены: Берлинской республикой будут править совершенно другие люди. И если прежний канцлер не особенно спешил перебираться в официальную столицу, то Герхард Шрёдер уже дал понять, что намерен ускорить переезд своего правительства в Берлин, перенеся это мероприятие с осени следующего года на весну. Новый лидер страны хочет начинать с чистого листа.

УХОД ГЕЛЬМУТА КОЛЯ С ПОСТА ФЕДЕРАЛЬНОГО КАНЦЛЕРА СТАЛ ЕДВА ЛИ НЕ БÓЛЬШИМ СОБЫТИЕМ, ЧЕМ ПОБЕДА СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ НА НЕДАВНИХ ВЫБОРАХ В БУНДЕСТАГ. КОЛЬ ОСТАНЕТСЯ В ИСТОРИИ КАК ОБЪЕДИНИТЕЛЬ ГЕРМАНИИ: НА ФОТО СЛЕВА ОН ПРИВЕТСТВУЕТ ЖИТЕЛЕЙ ЭКС-ГДР ВО ВРЕМЯ ПЕРВЫХ СВОБОДНЫХ ВЫБОРОВ В 1990 ГОДУ. **ШЕСТНАДЦАТЬ ЛЕТ ЛИДЕРЫ СДПГ** — ОСКАР ЛАФОНТЕН, ЙОХАННЕС РАУ И ГЕРХАРД ШРЁДЕР — **ЖДАЛИ СВОЕГО ЧАСА**

«Новый центр» выбирает Шрёдера

Победу Герхарда Шрёдера на нынешних выборах в бундестаг с полным правом можно назвать триумфом. До него четыре руководителя немецких социал-демократов бросали вызов Гельмуту Колю — и ни один из них не смог сдвинуть эту глыбу. Успех Шрёдера во многом объясняется тем, что он сегодня, несомненно, самая харизматическая фигура в рядах Социал-демократической партии Германии (СДПГ). Именно на это и была сделана ставка во время его избирательной кампании.

На фоне грузного, не очень телегеничного и в последние годы заметно постаревшего канцлера 54-летний любимец журналистов Шрёдер — подтянутый, в костюме от Армани или Хьюго Босса, играющий в теннис с певцом рок-группы «Скорпионз» Клаусом Майне, активно пользующийся

54-ЛЕТНИЙ **ГЕРХАРД ШРЁДЕР**, ЧАСТО ПОЯВЛЯВШИЙСЯ НА ПРЕДВЫБОРНЫХ МИТИНГАХ СО СВОЕЙ ЧЕТВЕРТОЙ ЖЕНОЙ ДОРИС ШРЁДЕР-КЁПФ (ОНА НА ДВА ДЕСЯТКА ЛЕТ МОЛОЖЕ НЕГО), **УБЕДИЛ ИЗБИРАТЕЛЕЙ, ЧТО ОН ОПТИМАЛЬНЫЙ КАНДИДАТ ДЛЯ СРЕДНЕГО КЛАССА.** НА ФОТО СПРАВА — ЛИДЕР ПАРТИИ «ЗЕЛЕНЫХ» И, ВОЗМОЖНО, НОВЫЙ МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ЙОШКА ФИШЕР.

ВНИЗУ: НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ ВЫБИРАЕТ ПИВО. **ПЕРВЫЙ ТОСТ — ЗА КАНЦЛЕРА ШРЁДЕРА**

мобильным телефоном и Интернетом — выглядел прямо-таки олицетворением того современного духа, которого в последние годы так не хватало руководству Германии. Легко верилось, что такой динамичный политик действительно сумеет по-новому подойти к решению стоящих перед страной проблем, что он непременно будет способствовать модернизации промышленности, развитию новых технологий и созданию высококвалифицированных рабочих мест, что он наверняка внесет свежую струю в общественную жизнь.

Шрёдер задался целью предстать перед избирателями как оптимальный кандидат для среднего класса. Для обозначения этой самой многочисленной группы избирателей штаб Шрёдера придумал специальный термин — «новый центр», и кандидат в канцлеры постоянно повторял в своих речах и выступлениях, что намерен последовательно отстаивать именно его интересы. Судя по результатам выборов, «новый центр» Шрёдера поддержал.

И этот «новый центр» не отпугнули традиционные ценности немецкой социал-демократии, выдвинувшей Герхарда Шрёдера своим кандидатом. Вот тут-то и кроется одна из самых больших загадок нынешних выборов: а кто их, собственно, выиграл? Обаятельный и телегеничный модернизатор, который сменил набившего оскомину канцлера-объединителя, — или всё же социал-демократическая партия с ее программными установками?

Свой среди чужих, чужой среди своих

С чисто статистической точки зрения на нынешних выборах из шести партий, прошедших в бундестаг, одержали победу, то есть сумели увеличить свое представительство в парламенте, только две: СДПГ и ПДС — Партия демократического социализма, наследница хонеккеровской СЕПГ, объединившая в своих рядах коммунистов, экс-коммунистов, левых мечтателей и просто жителей восточных земель, ностальгирующих по гэдээровским временам. Таким образом, сдвиг влево в политических настроениях немцев очевиден.

Он особенно ярко проявился именно в Восточной Германии, где протестный электорат отвернулся от правых радикалов и поддержал ПДС: на территории бывшей ГДР за нее проголосовал каждый пятый избиратель, что позволило этой партии впервые преодолеть на выборах в бундестаг 5-процентный барьер. Если учесть, что в тот же день на земельных выборах в Мекленбурге — Передней Померании и на коммунальных выборах в земле Бранденбург убедительные победы одержали опять-таки социал-демократы и экс-коммунисты, то полевение Берлинской республики уже не вызывает никаких сомнений.

Возникла любопытная ситуация: «новый центр» отдал голоса харизматическому лидеру в надежде, что тот сменит престарелого Коля и займется реформированием страны, и оказался в одной компании с полевевшим электоратом, поддержавшим СДПГ из идейных соображений. Ситуация усугубляется тем, что победившая на выборах СДПГ вступила в переговоры о формировании правительственной коалиции с партией «зеленых», которую многие в Германии считают не просто левой, а даже левацкой. Судя по опросам общественного мнения, до выборов 49 процентов граждан ФРГ не хотели красно-зеленого правительства (36 процентов выступали за его создание), однако, по всей вероятности, именно такое правительство они сейчас и получат.

В ПРЕДВЫБОРНОМ ШТАБЕ ХДС ПОСЛЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ГОЛОСОВАНИЯ ЦАРИЛО УНЫНИЕ. **ВСЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОРАЖЕНИЕ ГЕЛЬМУТ КОЛЬ ВЗЯЛ НА СЕБЯ**

Герхард Шрёдер, не успев отпраздновать победу, уже оказался в сложном положении. Любимцем партии его никак не назовешь — для этого он слишком правый, слишком откровенно дружит с капитанами большого бизнеса типа шефа «Фольксвагена» Фердинанда Пиха, слишком охоч до власти — таких не любят немецкие социал-демократы с их профсоюзно-пролетарскими ценностями. Шрёдер был бы рад реформировать свою партию, как это делает британский лейборист Тони Блэр, но для этого у будущего немецкого канцлера нет соответствующих рычагов и механизмов, ведь он, в отличие от своего лондонского коллеги, председателем партии не является. Председатель СДПГ — идеолог левого крыла партии Оскар Лафонтен. Все первые дни после победы Шрёдер постоянно появлялся на публике вместе с Лафонтеном, который тем самым явно демонстрировал, что партия намерена контролировать и направлять деятельность будущего канцлера. Если Лафонтен, согласно предвыборным договоренностям, займет пост министра финансов, он сможет делать это еще более эффективно.

Так что будущие конфликты между триумфальным победителем выборов и лидером обеспечившей эту победу партии неизбежны. Например, Шрёдер намерен бороться с безработицей в сотрудничестве с предпринимателями — привлекая инвестиции для создания рабочих мест в новых отраслях. В то время как лидер СДПГ придерживается более традиционной для левых тактики: сохранение масштабных социальных программ, которые сделали рабочую силу в Германии одной из самых дорогих в мире. И хотя оба постоянно подчеркивают, что между ними нет никаких разногласий, некоторые аналитики даже не исключают, что через год-другой партия взбунтуется против своенравного Герхарда Шрёдера и поручит своей фракции в бундестаге избрать новым канцлером Оскара Лафонтена. Пока это представляется маловероятным. Что же касается влияния левых на нового канцлера ФРГ, то об этом можно будет судить по составу первого в истории Германии красно-зеленого федерального правительства, формирование которого должно завершиться недели через две. ■

Кёльн

Список Джонсона

Американский «зануда от политики» сообщит вам все, что вы хотели знать о России. Два раза в день

Маша Гессен

ЭНТУЗИАСТ

ПОЖАЛЕЙТЕ ИНОСТРАННОГО КОРРЕС-пондента. Вот сидит он, бедненький, вдали от родины, чаще всего один, пишет статьи и отсылает их, как в черную дыру: ни ему читательских симпатий, ни похвал профессионалов, ни даже ругани. В отличие от коллег, пишущих дома, он лишен возможности сравнивать плоды своего труда с работой конкурентов. Даже его собственная газета доходит до бюро в лучшем случае с недельным опозданием — что уж тут говорить о чужих. В последние годы, конечно, появилась возможность отслеживать публикации по Интернету, но не может же наш герой проводить ночи напролет, просматривая сайты всех мировых изданий: когда-то и самому писать надо.

Впрочем, два с половиной года назад для иностранных корреспондентов, работающих в России, ситуация кардинальным образом изменилась. Сначала журналисты, как и всевозможные ученые-советологи, получили по электронной почте письмо от никому не известного человека по имени Дэвид Джонсон с предложением подписаться — бесплатно — на электронный дайджест статей о России. Затем дайджесты стали приходить по четыре-пять штук в день, каждый с десятком статей из западной прессы, переводами российских статей и радио- и телепередач. Все это было снабжено обильными комментариями самого Джонсона, что, в свою очередь, вызывало отклики подписчиков, которые Джонсон рассылал как часть своего дайджеста. Дискуссии завязывались на самые разные темы: участники обсуждали то роль олигархов в президентских выборах, то лучшие места в Москве для спортивного бега.

Так появилось виртуальное сообщество людей, пишущих о России, и они с ходу принялись друг друга то хвалить, то ругать. Теперь стоит какой-нибудь газете написать про «молодых реформаторов», как кто-нибудь из коллег откликается: «Как можно использовать такие избитые термины и писать статьи, целиком сшитые из общих мест?» Собственно, этого Дэвид Джонсон и добивался.

Дэвид Джонсон — типичный представитель сугубо вашингтонской породы людей. Прозванные policy wonks, то есть «зануды от политики», это сотрудники небольших, существующих в основном на деньги благотворителей научно-исследовательских институтов, изучающих какую-то достаточно узкую область политики. Что-то вроде Института проблем экономики переходного периода. Дэвид Джонсон, выпускник аспирантуры Гарвардского университета по специальности «советология», уже около 20 лет работает в Центре оборонной информации — либеральном институте, основанном отставным генералом, разочаровавшимся во всем военном. У policy wonks в Вашингтоне свои тусовки, организованные по принципу лево-право. На «левых» собраниях, на которые ходит Дэвид Джонсон, весной 1996-го велись разговоры о грядущих выборах в России. «Многие были озабочены тем, что, если к власти опять придут коммунисты, в опасности окажутся договоры о разоружении, — рассказывает Джонсон. — Эти страхи понятны, но когда речь идет о будущем такой большой и важной страны, подобного анализа недостаточно». Джонсон, как он говорит, хотел дать коллегам возможность узнать о России то, чего не вычитаешь в «Вашингтон пост» или «Нью-Йорк таймс».

Кроме того, Джонсону нужна была площадка для выражения собственного мнения. До этого, тоже весной 1996 года, он пытался выступать на только что основанном WWW-сайте газеты «Нью-Йорк таймс», но вскоре понял, что «этой площадки недостаточно». На собственном же листе рассылки Джонсон мог разгуляться: «Я отчаянно отстаивал собственную точку зрения, — говорит Джонсон. — Поначалу я поставил себе целью критиковать «Нью-Йорк таймс» и Дэвида Ремника (автора двух книг о России, бывшего московского корреспондента газеты «Вашингтон пост». — **«Итоги»**), потому что именно они, как мне представляется, виноваты в создании упрощенной, карикатурной картины России, где «реформаторы» с одной стороны и «красные фашисты» — с другой. Людей, готовых поддержать атаку Джонсона, либо, наоборот, защитить корреспондентов ведущих американских газет от ядовитого wonk-а, оказалось более чем достаточно, и дело пошло. Johnson's Russia List почти сразу стал обязательным чтением для журналистов и ученых. Месяцев через шесть, однако, Джонсон понял, что «для того, чтобы участвовали разные люди с разными взглядами, надо встать над схваткой. Правда, все еще очень раздражает отношение большинства американских журналистов к Ельцину — мол, пусть он алкоголик и старый большевик, зато он *наш* старый большевик».

ФОТО АВТОРА

БОЛЬШИНСТВО ДРУЗЕЙ-ПОДПИСЧИКОВ **ДЭВИДА ДЖОНСОНА** НИКОГДА ЕГО НЕ ВИДЕЛИ, НО ХОРОШО ОСВЕДОМЛЕНЫ О ЕГО ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ, ЛЕТНИХ ПЛАНАХ И СЕМЕЙНОМ ПОЛОЖЕНИИ

Технология Джонсона довольно проста: он просматривает сайты ведущих американских и британских газет, как только они обновляются, а переводы русскоязычных материалов «скачивает» с сайта агентства РИА-Новости и американской Службы информации по иностранным трансляциям, которая ежедневно публикует переводы около 200 теле- и радиопередач из СНГ. Многие журналисты сами присылают свои статьи. Например, московский канадец Фред Уир присылает свои материалы из индийской газеты «Хиндустан таймс». У Джонсона теперь около трех тысяч подписчиков, по скромной оценке самого составителя, «практически все в мире, кто интересуется Россией и владеет английским языком». Так что Johnson's Russia List стал идеальным местом для саморекламы, и многие засылают туда отрывки из своих новых книг или, наоборот, обкатывают новые теории перед публикацией.

За последние несколько месяцев «у Джонсона» прошли горячие дебаты на темы: преувеличивает ли пресса власть олигархов, существует ли в России «виртуальная экономика» (это было незадолго до кризиса) и как правильно перевести на английский столь часто встречающееся в статьях западных корреспондентов слово «колбаса» (английский термин sausage слишком широк, так как включает в себя, в частности, сардельки и купаты, хотя и не включает докторскую колбасу, которую правильнее было бы перевести итальянским словом bologna, в свою очередь слишком узким, как и пришедшее из польского kielbasa, в действительности означающее примерно то же самое, что итальянское salami, почти столь же популярное среди переводчиков, как и вышеупомянутое sausage).

Разумеется, не обходится без интриг — в конце концов большинство подписчиков так или иначе конкурируют друг с другом. Один из самых давних и верных участников, профессор Стэнфордского университета Майкл Макфол, с самого начала присоединился к борьбе Джонсона с традиционными американскими взглядами на Россию. Года два назад он заявил на виртуальных страницах Johnson's Russia List, что акула американской советологии Стивен Коэн — поклонник Бухарина и Горбачева, не раз приезжавший в перестроечный СССР и печатавшийся в российских изданиях, — чаще всего оказывается не прав. Макфолу, по словам Джонсона, дали понять, что, если он будет продолжать подобные выступления, постоянной работы в Стэнфорде ему не видать. Макфол на время замолчал и работу в Стэнфорде получил (впрочем, это вовсе не обязательно вещи между собой связанные). Недавно Макфол затеял другую интригу, потребовав отлучения от Johnson's Russia List эпатажной московской англоязычной газеты «Эксайл» (Exile). В результате бурной дискуссии победила дружба: статьи из «Эксайл» продолжают появляться в дайджесте, а Макфол извинился перед Джонсоном за попытку организовать антиэксайловскую кампанию за его спиной.

Несмотря на вполне критическое отношение Джонсона к творчеству многих его подписчиков и авторов, дружба для него, пожалуй, все-таки главное. После двух с половиной лет, проведенных преимущественно в Интернете, его дружеский круг составляют подписчики. Общаться с ними Дэвид Джонсон пытается в пределах почему-то заключенного в квадратные скобки оглавления, предшествующего каждой подборке, куда он время от времени добавляет что-нибудь «от себя». Например: Johnson's Russia List на следующей неделе не выйдет. Я буду в отпуске, недалеко от Шарлоттсвилла, штат Вирджиния». Правда, в середине отпуска Джонсон не выдержал и разослал один выпуск («Вам повезло!» — сообщил он в квадратных в скобках). Спустя еще месяц он опять отправился в короткий отпуск и, предупреждая подписчиков, поинтересовался: «А как вы собираетесь отдохнуть?» Постоянные читатели уже привыкли, что Джонсон сообщает, где проводит отпуск, — при том, что подписчикам, большинство из которых живут в тысячах миль от Джонсона, эта информация вряд ли пригодится. Или сообщает, что они с женой решили расстаться. Потом добавляет, что это решение никак не связано с Johnson's Russia List. Подписчики, ясное дело, не верят: какая женщина потерпит, чтобы муж проводил день и ночь за компьютером, да еще выуживая новости о далекой и непонятной стране?

После ухода жены Джонсон сократил количество выпусков до двух-трех в день, но все равно тратит, по его словам, на составление пять-шесть часов в день. Так что на другие дружеские связи у него не остается времени. Он с удовлетворением сообщает, что помирился с Майклом Спектером, на которого вылил ушат грязи в бытность Спектера московским корреспондентом «Нью-Йорк таймс», и сетует, что Дэвид Ремник, видимо, затаил обиду надолго. Радуется, что во время поездки в Москву в мае — первой с 1985 года, когда он приезжал по приглашению арбатовского Института США и Канады, — останавливался у Фреда Уира. А в баню ходил с Мэтью Фишером, обозревателем канадской газеты «Торонто сан». Мне согласие на интервью Джонсон тоже дал только из любви к общению. «Я вообще-то пытаюсь не афишировать Johnson's Russia List», — заявляет Джонсон. «А почему же вы согласились дать интервью?» — «Думал, интересно будет познакомиться».

Рекламы Дэвид Джонсон избегает по понятной причине: «Над всей этой работой, как дамоклов меч, висит закон об авторском праве». Действительно, хотя существует довольно много разных электронных вестников, перепечатывающих всевозможные материалы, как подобная деятельность соотносится с законами об авторском праве, никто еще толком не знает. На всякий случай Джонсон взял себе за правило не перепечатывать ничего с платных сайтов (например, из газеты «Уолл-стрит джорнал») и не брать денег за подписку (хотя раз в несколько месяцев он рассылает воззвание о добровольных пожертвованиях по 25—50 долларов). Остро вопрос об авторском праве вставал только однажды, в связи с перепечаткой из правого еженедельника «Американ спектэйтор», — но это, по мнению Джонсона, скорее было сведением старых счетов: «Этот журнал считает Центр оборонной информации предательской организацией».

Так или иначе, на этот раз, к счастью, обошлось без суда — Джонсон снял архив Johnson's Russia List с сайта своего работодателя. «Электронная почта эфемерна, — рассуждает Дэвид Джонсон, — в то время как WWW-сайт, доступный всему миру, представляется чем-то постоянным». Во избежание неприятностей Джонсон предпочитает не говорить, сколько подписчиков откликаются на его просьбы о пожертвованиях: «достаточное количество, как мне кажется». Еще он предпочитает не говорить, сколько ему лет, но это уже не имеет отношения к авторскому праву: «Я уже практически холостяк, так что это деликатная тема». Потом все-таки раскололся: 55. ■

Пихтинские голендры

В Присаянской тайге живут бывшие европейцы. Никто не знает точно, почему и давно ли они держатся вместе, но за четыре века можно ручаться

Анатолий Голубовский,

Александр Сорин (фото)

ЭТНОГРАФИЯ

Добраться до голендр по сибирским меркам несложно: от Иркутска 200 километров на поезде до райцентра — поселка Залари и еще сто с лишним километров на машине до трех деревень — Пихтинска, Средне-Пихтинска и Дагника. Здесь и живут голендры в количестве примерно трехсот человек. Они носят звучные имена — например, Альфреда Зигмундовна Гильдебрант. Между прочим, старшая сестра сенатора — председателя Законодательного собрания Иркутской области, члена Совета Федерации Ивана Зигмундовича Зелента. До недавнего времени браки заключались только внутри общины. У голендров несколько кланов, и потому если женщина носит фамилию Кунц, то в девичестве она может быть только Людвиг, Гениборг, Гильдебрант или Зелент. Фамилии похожи на немецкие, а имена у многих польские — Юзефа, Катаржина. Для Иркутской области это неудивительно — тут остались и выселенные в начале войны немцы Поволжья, и потомки ссыльных участников польского восстания 1863—1864 годов. Но голендры не немцы и не поляки. Они — другие.

Последние триста лет обстоятельства вроде бы вынуждали эту общину жить «как все», не отличаться от хозяев тех мест, куда их бросала Большая европейская история. Они примеряли на себя разные национальные одежды — немецкие, польские, украинские, русские. Но остались другими.

Другие

На первый взгляд пихтинцы (так называют жителей всех трех деревень) мало чем отличаются от других обитателей здешних

мест. Может, дома и дворы выглядят почище — но людям с немецкими фамилиями и положено жить аккуратно. Те, кому чуть за пятьдесят, вспоминают, что в школах, куда они ездили из своих деревень, именно за немецкие фамилии местные их «расстреливали» на каждой перемене. Но по-немецки пихтинцы не знают ни слова. Старшие говорят на украинско-белорусско-русском диалекте, который они называют «хохляцким», молодые — по-русски. Двое или трое записаны в паспортах немцами, остальные — украинцами или русскими.

При ближайшем рассмотрении выясняется, что многое у этих людей не по-русски, не по-немецки, не по-украински. Например, жилье. В стандартной сибирской усадьбе жилой дом, скотный двор с амбарами, сараями и прочими хозяйственными постройками расположены по периметру усадьбы. Пихтинский дом — сам себе двор и усадьба, такой многофункциональный комплекс под длинной кровлей, крытой досками в два или три ряда. Жилая часть («изба») аккуратно выбелена, углы сруба образуют эффектную конструкцию (как здесь говорят, рублены в «лапу», или в «ласточкин хвост»). К избе примыкают сделанные из тонких бревен или досок загоны для скота («стайка») и ток, где обрабатывают зерно, хранят и сушат сено. В ток можно въехать на телеге прямо со двора, а из сеней — попасть и в избу, и в «стайку», и на чердак над ней, где хранится хозяйственная утварь. Все три части дома связаны внутренними проходами, и каждая имеет отдельные выходы во двор. В стужу и ненастье, когда на огороде делать нечего, на улицу можно вообще носа не высовывать.

Рублены пихтинские дома «без единого гвоздя». Замки, задвижки, ручки, форточки-«вертушки» — все из дерева. Деревянные же гвозди скрепляют фигурные консоли балок перекрытий. Обои в традиционных пихтинских избах не клеят. Наверное, поэтому здесь не заводятся тараканы и нет характерного затхлого запаха подгнивающей бумаги. Ровные беленые стены с голубоватым отливом (синьку издавна покупали у цыган) создают ощущение стерильной чистоты.

Строили пихтинцы свои уникальные дома-усадьбы в 1912—1914 годах. Именно тогда в этих краях появились переселенцы с польско-немецкими именами. Теперь во многих дворах стоят новые стандартные срубы или коттеджи, но старожилы предпочитают жить в своих усадьбах.

Летом 1994 года во время рутинной инвентаризации областных памятников архитектуры сотрудники Заларинского краеведческого музея и иркутского Центра сохранения историко-культурного наследия случайно наткнулись на пихтинские постройки. Архитекторы нашли аналоги пихтинских домов-усадеб в Полесье, на юге Украины, в Польше, Белоруссии и даже Восточной Германии. Выяснилось, что в некоторых польских и немецких музеях под открытым небом есть подобные дома-экспонаты, но люди в таких усадьбах уже давно не живут.

Чего только нет в пихтинских домах! Прялки и ткацкие станки («варстаты»), сохранившиеся еще со времен переселения, — на них ткут половики и покрывала, а старики вяжут на продажу варежки, теплые носки. Удобные плетеные бочонки и корзины — в них собирают и грибы, и картофель. Напоминающие голландскую традиционную одежду пестрые юбки и кружевные чепцы, которые женщины надевают в день бракосочетания, а потом только на большие праздники.

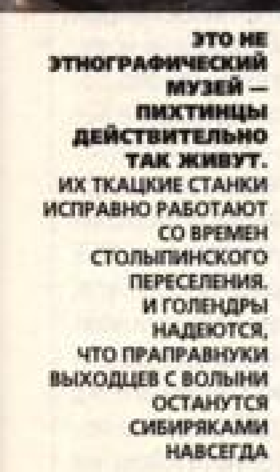
Свадьбу гуляют здесь три дня — день в доме жениха, следующий — у невесты, а на третий гости возвращаются опохмеляться к жениху. На стол ставят «рогачи» — березовые ветки, украшенные разноцветными бумажками. Сваты приглашают гостей из всех трех деревень, следят, чтобы во время торжественного прохода по улицам никто не опережал жениха и невесту, и порядок наводят декоративными бичами с рукоятками из козлиных ног. Особый свадебный обряд — «прибивание чепца». Звучит страшновато, но выглядит вполне мирно: лавку вместе с сидящими на ней молодоженами подбрасывают: считается, что в результате этой процедуры на невестиной голове закрепляется чепец замужней женщины.

Но самое, пожалуй, интересное — это «ксенжки».Так по-польски здесь называют религиозные книги — Библию, молитвенники, сборники проповедей известного польского лютеранского священника Самуила Домбровского. Они лежат в каждом доме на почетном месте. Глава иркутской законодательной власти Иван Зелент держит «ксенжку», перешедшую к нему после смерти матери, на своем рабочем столе. Польский текст в «ксенжках» набран готическим шрифтом, а отпечатаны они в прошлом веке в Восточной Пруссии. Нынешние пихтинцы называют себя лютеранами. Столетия, прожитые ими среди польских католиков, украинских и русских православных, все перемешали в их обрядах и представлениях. Лютеранские псалмы и проповеди они читают по «ксенжкам», а Рождество и Пасху отмечают по православному календарю. У протестантов нет культа святых, а голендры празднуют Петра, Мартына, Ивана и Михаила. Пихтинцы — самые настоящие экуменисты. При этом в семьях было жесткое религиозное воспитание. Иван Зигмундович Зелент вспоминает, что детям нельзя было брать в руки нож и что в воскресенье до обеда ему не разрешали играть. Вступать в пионерскую организацию тоже было нельзя. Еще до школы родители по польскому букварю научили его и десятерых его братьев и сестер свободно читать «ксенжку» по-польски. А в доме Рудольфа Андреевича Гильдебранта (ему сейчас 75) родители приучали детей говорить между собой по-польски. Хотя отец с матерью говорили друг с другом «по-хохляцки». Наверное, польский считался признаком хорошего воспитания. «Если отец слышал,

ЭТО НЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ — ПИХТИНЦЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ТАК ЖИВУТ. ИХ ТКАЦКИЕ СТАНКИ ИСПРАВНО РАБОТАЮТ СО ВРЕМЕН СТОЛЫПИНСКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ. И ГОЛЕНДРЫ НАДЕЮТСЯ, ЧТО ПРАПРАВНУКИ ВЫХОДЦЕВ С ВОЛЫНИ ОСТАНУТСЯ СИБИРЯКАМИ НАВСЕГДА

что мы с друзьями по-хохляцки говорим, сердился и кричал: «Хохлюги!»

По воскресеньям верующие собираются в доме одной из пихтинских жительниц. Отдельного молельного дома у них нет — до первой мировой войны не успели построить, потом, при советской власти, «молились по углам», а теперь вроде и незачем — все помещаются в одной избе.

Года четыре назад пихтинцы пригласили к себе настоятеля иркутского римско-католического прихода Успения Богородицы ксендза Игнатия Павлюся. Теперь отец Игнатий бывает здесь каждый месяц: «Это мой любимый приход. Они очень естественны и чисты в отношениях с Богом. Эту естественность нельзя нарушать католическим или любым другим обрядом». Так что отец Игнатий в их «экуменизм» не вмешивается. Поначалу он и другие католические прелаты пытались запретить местным жителям крестить и хоронить без священника. Но пихтинцы рассудили, что, пока дождешься иркутского гостя, ребенок, к примеру, может умереть некрещеным, и тогда его придется хоронить за кладбищенской оградой. Так что на свадьбы, похороны и крестины отца Игнатия не приглашают, а все делают сами, как привыкли. При этом относятся к нему дружелюбно. «Отец Игнатий — это для нас подходяще», — говорят пихтинцы.

Служба католического ксендза и его лютеранской паствы проходит так: сначала кто-то из стариков читает «Отче наш» по-польски, потом отец Игнатий служит литургию по-русски. А после заключительных лютеранских псалмов, исполняемых по-польски, все садятся за стол, говорят о Боге, немного выпивают, закусывают и поют по-русски что-нибудь вроде «Эх, мороз, мороз...».

Голендры и Большая история

На вопрос этнографов, кем считают себя эти люди с немецкими фамилиями, молящиеся по-польски, говорящие на украинско-белорусском наречии и хранящие свои неизвестно откуда взявшиеся традиции, они обычно отвечали так: «Мы — не...». Далее следовало — не немцы, украинцы, поляки (русскими себя они, как и другие сибирские старожилы и переселенцы, вообще не признают). Три года назад 95-летний Густав Михайлович Кунц, прекрасно помнивший, как ехали с Волыни в Сибирь, а за ним и 75-летний Рудольф Андреевич Гильдебрант вдруг вспомнили слова родителей и произнесли сакраментальное: «Мы — из голендр».

Немецкие историки называют голендрами (или «бужскими голендрами») колонистов, которым в начале XVII века польский граф Рафаэль Лещинский позволил поселиться на своих бужских землях. По одной версии их предки жили в низовьях Рейна, по другой — в Пруссии, по третьей — в Голландии. Отец Игнатий считает, что во второй половине XVI века голендры жили в одной из протестантских стран и организовали там некую секту. Их преследовали и в конце концов изгнали. Некоторое время они блуждали по Европе, пока не обрели приют в веротерпимом во времена Ягеллонов польско-литовском государстве — Речи Посполитой. Постепенно голендры ассимилировались: восприняли некоторые местные обычаи и язык (польский и украинско-белорусский), но сохранили свои фамилии и приверженность протестантизму. Иркутский этнограф Наталья Галеткина нашла в источниках середины XVII века имена бужских колонистов и среди них — знакомых пихтинских Гильдебрантов и Гениборгов.

ГУСТАВ МИХАЙЛОВИЧ КУНЦ В СВОИ 95 НЕ ЗАБЫЛ, КАК ПЕТЬ ЛЮТЕРАНСКИЕ ГИМНЫ ПО «КСЕНЖКЕ». ПОМНИТ ОН И ТО, КАК ПРАВИЛЬНО — В «ЛАПУ», ИЛИ В «ЛАСТОЧКИН ХВОСТ» — РУБИТЬ УГЛЫ ПИХТИНСКИХ ДОМОВ

Переселенцев стали называть по-польски holendry, а по-немецки Bugholaender, что в переводе означает «бужские голландцы». Однако вряд ли можно считать это доказательством голландского происхождения голендр. Среди колонистов, заселявших польские земли, действительно были и голландцы, но, как утверждают историки, слова «голландец» и «колонист» часто воспринимались как синонимы. В XVIII веке выходцы из первых польских поселений основали новые колонии, которые уже назывались по имени народности — Свержовские Голендры, Забужские Голендры.

После третьего раздела Польши в 1795 году голендры оказались на территории Российской империи. Здесь, а точнее — в Гущанской волости Владимир-Волынского уезда Волынской губернии и в Домачевской волости Брест-Литовского уезда Гродненской губернии, они и жили все вместе до начала XX века.

С 1911 по 1915 год 36 семей переселились на новые земли — в Сибирь. Из-за фамилий поселенцев скопом записали в документах немцами. Впрочем, поначалу считаться немцем, аккуратным и дисциплинированным, было незазорно: «Жили мы себе как немцы и жили. Это только во время войны мы узнали, что такое немцы».

Так история начала раскалывать на части некогда многочисленную и сплоченную общину. Те, кто не поехал в Сибирь (а их было большинство), вскоре оказались гражданами Польши, к которой, по условиям Рижского мирного договора 1921 года перешли Западные Белоруссия и Украина.

В 1940 году, после четвертого, последнего, раздела Польши, голендр «поделили» между собой большие братья — СССР и Германия. Голендры жили вдоль Буга, разделявшего советские и немецкие войска. Им, как носителям немецких фамилий, было предложено воссоединиться с фатерландом. Больше 2000 человек перешли на немецкую сторону. Потом их переселили в специальный административный район недалеко от Познани, а весной 1944 года, во время наступления Советской армии, они ушли с другими немцами и осели под Берлином и на западе Германии, где и живут до сих пор.

Семьи, которые решили остаться на советской территории, были в 1941 году депортированы в восточные лагеря, поскольку состояли из «лиц немецкой национальности», и таким образом, как и их родственники в начале века, тоже оказались в Сибири. Но уже не по своей воле. Сколько их было и какая часть из них сумела выжить — неизвестно.

Немецких родственников пихтинских голендр этнограф Наталья Галеткина нашла под Берлином и в Дуисбурге. Когда она рассказывала немецким голендрам Брониславе и Марьяне Людвиг о свадебном «прибивании чепца», женщины даже вспомнили слова, которые положено было произносить на Волыни во время этого обряда: «Вжие, вжие еще раз, вжие сто лят».

Пихтинские голендры испытали на себе и раскулачивание, и репрессии 30-х. (Андрея Мартыновича Зелента, деда Ивана Зелента, в 38-м расстреляли как участника австро-латышского заговора.) Но самое страшное испытание, выпавшее на их долю, — это трудармия. В нее через военкоматы мобилизовали советских немцев (голендры, естественно, считались немцами), румын, финнов, венгров — всех тех, кому, по мнению властей, нельзя было доверить оружие. В трудовую армию, в отличие от обычной, забирали и мужчин, и женщин, у которых были дети старше трех лет, и подростков, начиная с 15 лет. Война там продолжалась не четыре года, а значительно дольше. В ноябре 1945 года немцев-трудармейцев отнесли к категории «спецпоселенцев». Официально их сняли с учета в спецкомендатурах только в 1955 году. Многие пихтинцы отбыли в трудармии лагерный срок: 8—9 лет. Работали они на лесозаготовках и на строительстве лагерей в Красноярском крае, в Пермской области, в Усольлаге. По воспоминаниям тех, кто остался в живых (таких немного), самые страшные унижения они как «недонемцы» (не знавшие языка) терпели не от лагерного начальства, а от военнопленных и немцев Поволжья. «Они нас «русскими немцами» считали и нас ненавидели, — вспоминает Рудольф Гильдебрант (8 лет в трудармии). — Придешь в столовую — он своему черпает со дна погуще, а нам водички сверху». Отец Ивана Зигмунтовича Зелента вернулся из трудармии в 1945 году. Он был так изможден, что жена узнала его только по плотницкому рассеченному пальцу.

Пока взрослые трубили срок в трудармии, вокруг пихтинских деревень бродили люди из НКВД и райкома партии, получившие задание разобраться, немцы все-таки здесь живут или нет. Петр Людвиг не так давно повстречался в поселке Залари с одной из таких сотрудниц, которая утверждала, что, если бы услышала хоть слово по-немецки, отправились бы голендры в полном составе в дальние лагеря. Но Бог миловал — детишки и старики говорили только «по-хохляцки».

ТРАДИЦИОННЫЙ ПИХТИНСКИЙ ДОМ СОДЕРЖИТ В СЕБЕ ВЕСЬ ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ЦИКЛ, КРОМЕ РАЗВЕ ОГОРОДА. ПРИ ЭТОМ ПОСТРОЙКА СКОНСТРУИРОВАНА ТАК, ЧТО ЗАПАХИ ИЗ ХЛЕВА В ИЗБУ НЕ ПРОНИКАЮТ

Человек корчующий

Среди множества версий происхождения названия «голендры» есть одна, которая представляется особенно привлекательной. Она связана не с историей перемещения голендр по Европе, а с родом их занятий. В одной из старых церковных хроник бужских колонистов называют Haulaender. Словом Hauland немцы называли расчищенные от лесов земли (от hauen — рубить). Устаревшее слово Haulander вполне могло трансформироваться в Hollaender.

Действительно, в XVII—XVIII веках голендры корчевали леса на Западном Буге, а в начале XX века — тайгу в Сибири (по столыпинским правилам, помимо основной ссуды на благоустройство, переселенцы получали дополнительные деньги за каждый раскорчеванный участок земли), в 40-е — выкорчевывали пни в трудармии. Они привыкли корчевать. Если человек говорит «мы из голендр» — знайте, перед вами «Homo корчующий».

Эту тяжелую, но необходимую работу нельзя делать в одиночку. Может быть, поэтому голендры держатся вместе, ценят общину и родственные связи, хранят веру и традиции.

Судя по всему, пихтинские голендры не хотят никуда возвращаться и ни с кем воссоединяться. Им и в Сибири хорошо. Они здесь привыкли. Лишь бы их больше никто не трогал. ■

Вполне возможно, что хорошая литература станет предметом роскоши

Книга и кризис

Николай Александров

СМУТНЫЕ ВРЕМЕНА

Книжная роскошь, пир издательского дела — иначе и не назовешь докризисную эпоху, что замечательно подтвердила прошедшая уже в дни кризиса Московская международная книжная ярмарка. Ее размах (1600 издательств, книги на любой вкус, семинары, встречи, обсуждения) был поистине ошеломляющим.

Очень может быть, что спустя некоторое время этот книжный праздник будет восприниматься как поминки, как подведение черты под счастливой эпохой книжного богатства. Праздник кончился, настало время выживания.

Издательское дело — производство, и круг проблем здесь для всех издательств примерно одинаков. Во-первых, деньги, которые были перечислены на издание книг еще до кризиса, заморожены на банковских счетах или просто обесценились, так что выпустить на них книгу невозможно. Сейчас продолжают выходить книги, уже запущенные в производство.

Вышедшие ранее издания реализовывались по старой цене, следовательно, к издательствам возвращаются принципиально иные деньги (до кризиса в крупных издательствах «Вагриус», «Терра» цикл оборота средств — от готового тиража до полной его реализации — был равен примерно 6 месяцам, несколько меньше в «ЭКСМО», «ОЛМА-пресс», выпускающих преимущественно массовую литературу).

Почти сразу после начала кризиса примерно в два раза поднялась цена на бумагу (цена газетной бумаги повысилась с 3 до 5 тысяч рублей за тонну), и вряд ли в ближайшее время она станет ниже. Более того, судя по всему, отечественные «бумажники» вообще готовы переориентироваться на экспорт (им выгоднее продавать за рубеж если и не бумагу, то целлюлозу). Возросла и стоимость полиграфических услуг, хотя с полиграфистами издателям договориться легче, тем более что первые зависят от последних. Многие типографии (например в Твери) простаивают. Нет заказов.

Михаил Киселев, директор издательства «Высшая школа»: Ситуация, как у всех. Но поскольку мы издаем учебную литературу — а она будет нужна всегда, — мы не сокращаем ни наших планов, ни наших штатов. Не сомневаемся, что выживем.

Понятно, что печатать книги за границей будет очень дорого, значит, в первую очередь пострадают те издательства, чье производство (изготовление слайдов, бумага, полиграфия) связано с Западом. Переводной литературы станет значительно меньше — не все смогут оплачивать в долларах авторские права.

Практически во всех издательствах вне зависимости от профиля замораживаются новые проекты и в лучшем случае ведется работа с книгами, по которым уже заключены договоры с авторами. Во многих издательствах уменьшают зарплаты, отказываются от внештатных сотрудников и даже сокращают штатных. Так, в одной из преуспевавших на книжном рынке фирм — «Вагриусе» — зарплата уменьшилась в 2—3 раза, в издательском плане из 50 намеченных к выпуску до конца года книг осталось 15, штук 10 из них — боевики, женский и криминальный роман. Остались и книги из серии «Мой XX век», «Энциклопедия литературных произведений», остался Виктор Пелевин, в «черной серии» выйдут «Веселые похороны» Людмилы Улицкой и, может быть, «Довлатов и окрестности» Александра Гениса. Полностью закрыты проекты переводных изданий.

Заморожены новые проекты в издательских гигантах «Олимп» и «Дрофа», ориентирующихся (особенно последнее) на учебную и справочную литературу, которая пользуется стабильным спросом. Новые договоры пока не заключаются. Неизвестно, когда в одном из самых известных петербургских издательств «Лимбус пресс» выйдут (и выйдут ли) «Прощальный вздох мавра» Салмана Рушди, «Борис и Глеб» Юрия Буйды.

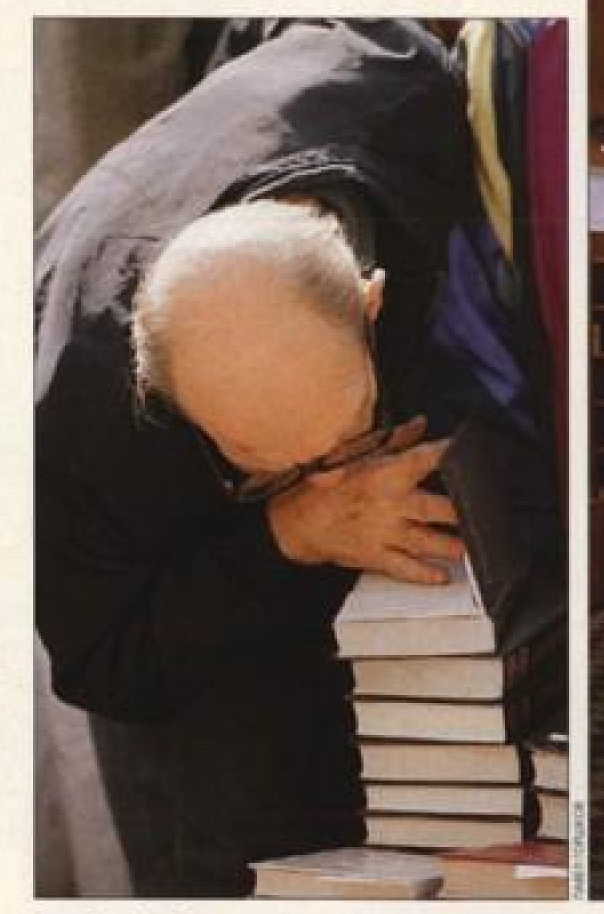
Однако некоторые надежды все же есть. По признанию генерального директора издательства «Грант» Олега Мельникова, в начале сентября он думал приостановить свою деятельность. Но оказалось, что жить можно. Впрочем, основная продукция издательства — медицинская литература и «нормативные документы» (бланки, ведомости и т.п.), на которые спрос есть всегда. От художественной литературы он и не ждал прибыли, а потому позволяет себе такую экзотику, как, например, двухтомник Джона Донна: может быть, он выйдет в январе. Не собираются урезать свои планы издательства гуманитарной книги «Аграф» и «НЛО» (у них есть спонсорская поддержка), пока не теряют оптимизма крупные производители бульварного чтива «ЭКСМО» и «ОЛМА-пресс». А вот маленькие и весьма специфичные издательства находятся на грани разорения (вроде «Фантом Пресс», которое радовало читателей ироническими детективами Сан Антонио и Льва Гурского и не имело других доходов).

Что же дальше? Очевидно, что книги подорожают (уже подорожали в 1,5—2 раза), что былого разнообразия издательств уже не будет. По наиболее мрачным прогнозам, от 50 до 70 % из них обречены на гибель, в первую очередь небольшие, выпускавшие книги, рассчитанные на ограниченный круг читателей (культурологическую, философскую литературу). Срок возврата затраченных средств доходил здесь до года, что возможно лишь в условиях низкой инфляции (3—4 % в год).

Издательства будут стремиться упростить процесс производства, сократить сроки реализации, а значит, будут выпускать книги для массового читателя. Что же касается литературы серьезной, интеллектуальной, специальной (кстати, и детской, часто печатавшейся за границей), то издавать ее, видимо, без солидной спонсорской поддержки будет просто невозможно. Хорошая книга станет предметом роскоши. ■

Николай Александров, обозреватель «Эхо Москвы», — специально для «Итогов»

Читать нечего?

За 90-е годы изменились структура книгоиздания и круг чтения различных групп

Борис Дубин

СТАТИСТИКА

О РАСЦВЕТЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КНИГОИЗдания в 90-х годах говорить не приходится. По названиям количество книг, выходящих в России за год, на четверть ниже того, что было в 60-х — 80-х годах. А средний тираж книг последнего времени едва превышал половину от показателей 60—70-х годов и составлял две пятых от показателей 1980-го. Мощность книгоиздательской системы заметно упала. Книги, предлагаемые сейчас читателю, стали менее разнообразными. По количеству названий в расчете на миллион жителей Россия сейчас находится на уровне 1913 года. Тогда (в неграмотной стране) выпускалось 240 названий, теперь — 245. (В современной Италии этот показатель вдвое выше российского, во Франции — втрое, в Испании — вчетверо, в Великобритании — более чем в пять раз.)

Тиражи и ассортимент

Значительно — почти вчетверо — снизились в 90-е годы тиражи. Выпуск научной литературы сократился по названиям на треть, по тиражу — на две трети. Самое тяжелое положение у естественно-научной и технической книги, изданий по искусству и искусствознанию — у них в 90-е годы больше всего сократились и репертуар, и тираж.

Самые высокие средние тиражи были в последнее время у столичных издательств «Просвещение», «Дрофа» (оба специализируются на учебной литературе) и «Панорама» (любовный роман) — от 80 до 90 тысяч экземпляров. Это приблизительно в 7 раз больше среднего тиража российской книги. Разовые тиражи отечественных боевиков и детективов находятся, как правило, на еще более низком уровне — от 15 до 20 тысяч, а это уже совсем близко к сегодняшнему среднему тиражу. Напомню, что в 1970—1980 годах при среднем книжном тираже около 25 тысяч (для научной книги около 2 тысяч) книги популярных тогда романистов — Быкова и Белова, Абрамова и Астафьева — выпускались в количестве 300 или даже 500 тысяч экземпляров. «Макулатурная» серия сделала нормой книгу тиражом свыше миллиона (Дюма, Дрюон), а «Роман-газета» имела тиражи от 1,5 до 3 миллионов. Так что если сегодня разовый тираж популярного романа превышает тираж научной книги в 15—20 раз, то тогда разница составляла несколько порядков (около 1000 раз).

Другая тенденция — сокращение переизданий. Налаженная система переизданий характерна для сложившегося рынка, которого у нас пока нет. Система маркетинга еще совсем не развита, и зачастую издатель не знает, что и в каком количестве имеет смысл переиздавать.

В последние годы было переиздано около 4% всех вышедших книг по названиям, а «повторные» тиражи составили около 10% от общей суммы тиражей. Для художественной литературы эти показатели колебались на уровне 1,5%. (Во Франции на переиздания беллетристики приходится до половины наименований.) И даже среди книг для детей и юношества, где переиздание — норма, их доля составила у нас лишь 2%. Выше средней она была лишь для литературы справочной и учебной.

Еще одна общая тенденция — резкое увеличение доли переводных книг. Особенно это заметно на художественной литературе. Если в 1960 году в Российской Федерации по разделу зарубежной беллетристики была выпущена 651 книга (в 1970-м — всего 306), то в последнее время выпуск переводной художественной литературы составил уже несколько тысяч названий в год. Из каждых пяти беллетристических книг три были переводными.

За 90-е годы сократилось число изданий различной тематики и читательского адреса. Однако, например, для книг по медицине этот показатель практически не изменился, а для некоторых разделов даже повысился: для книг по общественным наукам — на 9% (тиражи их сократились при этом почти на три четверти), для детской и юношеской книги — на 23% (ее средний тираж сократился на 85%), для литературы по филологии — более чем на четверть (при сокращении тиражей на 70%), для литературно-художественных изданий — на 46% (их средний тираж сократился на четыре пятых).

То же и с российскими журналами и газетами. При гигантском падении тиражей (за 90-е годы разовый тираж журналов и газет снизился в среднем вдвое, а литературно-художественных журналов — в 100 и более раз) количество изданий выросло почти в два раза для журналов и почти в семь раз для газет (а за последний год — на треть). Иначе говоря, разнообразие росло, а аудитория, напротив, дробилась. Запросы отдельных групп становились более специализированными, точечными. В ответ на них начал профилироваться, дифференцироваться и рынок.

Читатели и нечитатели

Еще вчера можно было с одинаковой вероятностью встретить две взаимоисключающие точки зрения на состояние российского книжного дела. Первая: «Прилавки завалены развлекательной словесностью, подлинной литературы практически нет». Вторая: «У нас настоящий бум хорошей книги — все больше изданий по гуманитарным наукам, публикаций «трудной» поэзии и прозы, хоть все они и малотиражные». Приверженцы первой оценки жаловались, что нечего читать, сторонники второй — что невозможно прочесть все выходящие книги. Неточно было и то, и другое.

Обе эти точки зрения вовсе не исключают друг друга, а, напротив, могут означать одно и то же. Тем более что высказываются они чаще всего одним слоем — образованными жителями столицы и крупных городов, имеющими (или имевшими) привычку к более или менее регулярной покупке и чтению книг. Именно в этом слое доля тех, кто теперь **не читает** книг, росла за последние годы самыми быстрыми темпами. С 1994-го по 1997-й доля «нечитателей» по стране в целом увеличилась в 1,5 раза, а среди россиян с высшим образованием — в 2,75 раза. Так что обе упомянутые оценки скорее всего служат вчерашним читателям мотивировкой их отказа от чтения.

С одной стороны, что, дескать, читать, если издается одна макулатура? (Можно подумать, что «Урал» и «Неман» с переводными детективами читал в 70—80-е годы не этот социальный слой.) С другой — обилие новых книг тоже раздражает и гнетет. Ни покупать, ни читать их старшим поколениям, видимо, не хочется: не менять же в самом деле такими трудами собранную домашнюю библиотеку, не читать же все заново, тем более что многих интересных и важных авторов у нас и образованные-то читатели не знают. А вчерашних советчиков и подсказчиков теперь нет. Сам слой окололитературных людей с их привычкой к чтению толстых журналов, сенсационным новостям, конформистским нормам («Как, вы еще не читали?») за последние 5—6 лет распался.

Эрозия системы

Главная особенность 90-х — рост количества названий книг разного адреса, изданий по многим отдельным темам и отраслям знаний, увеличивающееся разнообразие предлагаемых читателям журналов и газет «необщего» типа.

Самым серьезным образом изменились не только структура книгоиздания и круг чтения различных групп, включая высокообразованных. Пошатнулась вся просветительско-романтическая «идеология литературы». Потеряли силу те государственные и огосударствленные структуры, которые воспроизводили эту идеологию от поколения к поколению: общеобразовательная школа, массовая библиотека, толстый совписовский журнал «с программой». Равно как подверглась эрозии и вся централизованно-бюрократическая система, внутри которой они существовали, вместе со всем ее идейным обеспечением. Про сокращение тиражей «толстых» журналов и ослабление позиций детской литературы (а они для этой «идеологии» особенно показательны) уже говорилось. Число государственных массовых библиотек за 90-е годы сократилось на 15%, а число читателей (речь идет даже не о посещениях, а просто о факте записи) — почти на 30.

Про все эти институции не скажешь, что они исчезли, но авторитетность и престиж, несомненно, утратили, а других организующих и поддерживающих начал в культуре сейчас нет. Не видно их и в ближайшей перспективе. Литературные премии — явления пока еще больше цеховые. А других — «внеинтеллигентских» — представлений о литературе и культуре, кроме идеи заполнения «белых пятен», с одной стороны, или все той же диковатой чернухи и провинциальной эклектики — с другой, как будто не просматривается. ■

Александр Иванов, директор издательства «Ad Marginem»:
План сокращается, но несущественно. Похоже, ситуация возвращается в 1994—1995 годы, когда книжный рынок только возникал. Денег стало, разумеется, меньше. Но «отлежимся». Будем копить издательский портфель.

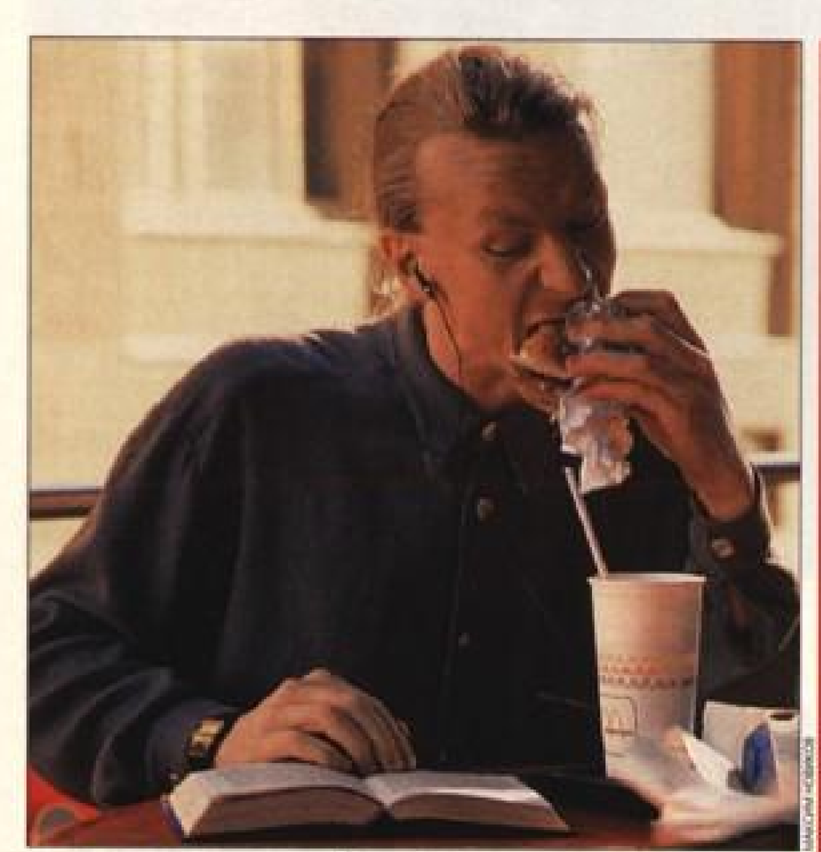
Валентина Алексеева, зам. директора издательства «Республика»:
Сотрудников пока не сокращаем. Но до конца года мы, скорее всего, не сможем выпустить что-то новое. Мы не закрываемся, но до нового года замораживаем издательские планы. Посмотрим, что будет дальше. Если отменят налоговые льготы, это будет катастрофой. Не только для нас. Для всех.

ГОСИЗДАТЕЛЬСТВА

В ситуации кризиса положение государственных издательств мало чем отличается от положения частных. С началом реформ правила игры стали одинаковыми для всех. За счет чего госиздательство могло выжить? Во-первых, как это ни смешно, за счет издания книг по-прежнему необходимых (например, словарей). Один из наиболее ярких примеров — Политиздат, ставший «Республикой» и переключившийся на выпуск произведений ранее запрещенных мыслителей. Вообще госиздательства («Искусство», «Российская энциклопедия», «Художественная литература», «Наука») в условиях рынка имели перед частными солидную фору: им не надо было платить за аренду помещений, у них был запас наработанной продукции, квалифицированные кадры и проч. И нужно было очень постараться (как «Худлит», например), чтобы совершенно загубить дело и полностью проиграть конкурентам. Во-вторых, помогали выжить госзаказы. Наконец, издательства активно сдавали в аренду помещения. В этом, пожалуй, единственное и главное их отличие от издательств частных. Однако кризис, судя по всему, сделает несущественным и это преимущество, поскольку арендаторов будет найти не так уж просто.

Н. А.

Путеводители по нашей эпохе

«Женский» и «мужской» роман — порождение новейшего времени и развитого общества

Борис Дубин

ПРЕДПОЧТЕНИЯ

По данным опросов ВЦИОМ, отечественные читатели в последние годы охотнее всего обращаются к остросюжетным романам (32 %) и романам о любви (27 %). Легко подсчитать, что речь идет о вполне определенных и устойчивых вкусах десятков миллионов человек; уже из-за одного этого стоит в них разобраться.

«Розовый роман» — чтение почти исключительно женское: женщины (притом чаще всего живущие в средних и небольших городах, имеющие среднее образование) составляют его читательскую аудиторию на девять десятых. Напротив, среди поклонников «черного» жанра (детектива, боевика) преобладают, хоть и не столь явно, мужчины, и гораздо чаще — с высшим образованием. В обоих случаях основная масса читателей — люди активного зрелого возраста, им от 25 до 39 лет (тинейджеры — причем образованная, столичная молодежь — лидируют среди поклонников фантастики, к которой с возрастом охладевают).

Литературу перечисленных жанров в течение последних полутора веков принято называть популярной или массовой. При этом имеют в виду, что она впрямую ориентируется на вкусы самых многочисленных читателей без специальной подготовки (именно их запросы в первую голову и представляет рынок) и выпускается очень большими тиражами, близкими к тиражам газет или «тонких» журналов, чтобы разом — опять-таки по образцу газет — дойти до предельно широкой публики. В ходовой газете читатель редко смотрит на фамилию автора статьи или заметки и еще реже ее запоминает, зато никогда не спутает полос и рубрик привычного издания, не пропустит хлесткого озаглавленного материала и броского фото при нем. Так и читатель «массовой» словесности прежде всего ищет на лотке или прилавке «свою» серию или библиотечку (иначе говоря — четко обозначенный жанр, или, как выражается американский литературовед Джон Кавелти, «формульную историю»), а уже в этих рамках отбирает новинку. И автор книги здесь — либо такой же условный знак жанра, как издательская марка на корешке, либо — но это уж совсем редко, в случае супербестселлера — поп-звезда в ряду других избранников успеха.

Понятно, что такая литература и все характерные для нее отношения между авторами, издателями, продавцами, потребителями возникают уже в промышленную, рыночную эпоху с характерной для нее, кстати, широкой грамотностью. На первом этапе подобная книга и возможна, и нужна, и важна лишь в цивилизации больших, а потом и гигантских городов, при условии общедоступного образования, на фоне популярной прессы; массовая словесность как раз и рождается в газете, в тонком журнале — как «роман с продолжением».

Темы, герои, проблемы, как «розового романа», так и детектива и боевика — продукт новейшего времени и современного, развитого, открытого общества. В целом она несет самые общие, анонимные нормы, ориентиры, значения социального порядка в обществе, потерявшем традиционную устойчивость или просто рутинную привычность. Помогает обходиться без прежних несокрушимых правил, незыблемых авторитетов — вождей, старших, тех, «кто знает, как надо». Причем своей «невсамделишной», игровой формой эта словесность приучает не столько к однозначным рецептам «сверху», сколько развивает твои собственные воображение и расчет (особенно явно это в фантастике, почему и обычный ее фанат — человек пробующий, экспериментирующий: молодежь, ИТР). Учит умению вполне рационально обращаться с вымышленной реальностью, читать ее условные значки. Понимать другого, причем незнакомого, любого (а как иначе жить в городе?). Предвидеть последствия, распределять силы, не теряться. Короче говоря, учит обществу как культуре (сказали бы в Германии) или как цивилизации (предпочли бы сказать во Франции) — окультуривает, цивилизует отдельного человека.

«Отложенный» спрос

В советскую эпоху интерес к авантюрной и сентиментальной прозе пробуждался с каждой новой попыткой вступить в круг современных, развитых (а значит — западных) обществ. Была здесь своя «волна» в середине и второй половине 20-х годов (фантастические повести Алексея Толстого, «розовые романы» Оливии Уэдсли), ее задавили цензурно-воспитательным прессом 30–50-х, а потом дефицитно-распределительным книгоизданием 70–80-х годов. Ведь и в 60-е — тогдашние исследователи массового чтения помнят! — пробудился интерес не только к поэзии Серебряного века и городской молодежной повести, к книгам о войне и деревенской прозе, к Платонову и Булгакову, Ремарку и Хемингуэю. Сдвиги в общем климате, уровне образованности и урбанизированности, первые веяния с Запада точно так же активизировали любителей фантастики, детектива, сентиментальной «городской сказки» (скажем, Стругацкие и Вайнеры, Юлиан Семенов или Виктория Токарева тогда стали популярны и даже остались в орбите читательского внимания на два последующих тощих десятилетия; чуть позже, к 70-м, снова был затребован и историко-авантюрный роман, появился Пикуль). Вот этот «отложенный», неудовлетворенный, накопившийся у целого поколения спрос на детективы, фантастику, книги о любви, отчасти — историю и определил книгоиздательскую политику, массовое читательское поведение последних десяти лет. Как только к концу 80-х посыпались официально-идеологические барьеры, а в 90-е сдвинулись с места — пусть половинчатые, непоследовательные — экономические реформы, возникли первые признаки рынка.

Юрий Михайлов, директор научно-издательского центра «Ладомир»: Последствия кризиса пока на нас не сказываются. Главная проблема в том, что резко падает покупательная способность. А мы ведь издаем научные книги. Поэтому для нас ситуация связана не только с нашими финансовыми проблемами, но и с обеднением покупателя. Резких движений мы пока не делаем. Ждем. Планов тем не менее не отменяем.

Андрей Петров, главный редактор издательства «Молодая гвардия»: Стало, разумеется, хуже. Ни планов, ни сотрудников сокращать не собираемся. Нам легче, чем многим другим, потому что у нас своя типография. Мы берем заказы других издательств. Это нас выручает. Но не только это. У нас мощный издательский портфель.

ТЕНДЕНЦИИ

Долгий путь к бестселлеру

Одно из самых ярких впечатлений начала реформ — появление на улицах бесчисленных книжных лотков. Желающие быстро обогатиться (а в случае успеха можно было удесятерить вложенные деньги) бросились в книгоиздание. С тех пор частные издатели стали профессионализироваться — «любители» ушли со сцены, оставшиеся разделили сферы влияния. Стал вырабатываться новый тип массовой книги — в твердой обложке с ярким, броским рисунком на обложке и припрессованной блестящей пленкой. И, наконец, совсем недавно издание книг вступило на «цивилизованный» западный путь, характеризующийся прежде всего разнообразным репертуаром: от комиксов до узкоспециальных научных трактатов и авангардной поэзии.

В последние годы сформировалось элитарное книгоиздание. В советский период, когда культура насильно подгонялась под «срединный» стандарт, ее «края» — утонченно элитарный и, напротив, предельно массовый — были «срезаны» (выпустить «Анжелику» было не проще, чем Пруста). В сравнении с тем, что было лет 7–10 назад, репертуар гуманитарной литературы на русском языке существенно обогатился.

Новые издательства гуманитарной книги выбрали для себя приоритетные направления: «Ad Marginem» специализируется на философской литературе, «Алетейя» издает книги по античности и истории философии, «Академический проект» — серию «Современная западная русистика», «Гардарика» — «Лики культуры», «Новое литературное обозрение» — книги по литературоведению, культурологии, «Логос» — философскую литературу, «Лимбус пресс», «Симпозиум» — элитарную художественную литературу. Правда, тиражи у них небольшие — максимум 5 тысяч. В общую книготорговую сеть книги почти не попадают и легко доступны только в Москве и Петербурге. Выпуск их если и не убыточен (многие выходят за счет грантов), то уж, во всяком случае, и не доходен, поэтому и занимаются этим в основном энтузиасты.

Иная ситуация с «массовым» книгоизданием, приносящим немалый доход. Чаще всего эти книги объединены в серии, причем каждое крупное издательство имеет по серии (иногда и по две). Скажем, для любительниц любовного романа — «Лики любви» («ОЛМА-Пресс»), «Мини-шарм», «Очарование» (обе — «АСТ»), «Афродита» («Вагриус»), «Панорама романов о любви» («Панорама»), «Соблазны» («ЭКСМО-Пресс»), для поклонников крутых детективов — «Русская бойня» («АСТ»), «Черная кошка» («ЭКСМО-Пресс»), «Мужское дело» («Вагриус») и др. Возникли подлинные гиганты, на долю которых приходится львиная доля книгоиздания («ЭКСМО», «АСТ»).

Появились некоторые элементы маркетинга. Это прежде всего реклама. В открытом виде она существует пока, главным образом, на страницах литературных и книготорговых изданий, но стала проникать и на телевидение, радио, на стены вагонов метро. Гораздо шире практикуется реклама скрытая — в форме заказных газетных рецензий, интервью с авторами, «книжных» телепередач.

Поскольку существовавшая в советскую эпоху система книгораспространения почти полностью сломана, издательства создают свои дилерские и книготорговые сети. Предпринимаются также попытки пересадить на отечественную почву систему «книжных клубов», вступая в которые покупатель получает возможность получать по почте книги определенного жанра. Однако пока малоуспешные.

Есть уже успешные случаи «раскрутки» авторов популярного (обычно остросюжетного) жанра, как это было с Доценко, Марининой, Бушковым. Однако это лишь отдельные случаи. Механизмов продвижения писателей пока нет, и в целом система литераторов-звезд еще не сложилась.

Не удалось пока создать и систему отечественного бестселлера. Хорошо продаваемые книги есть и у нас, и их немало. О некоторых покупатели узнают из средств массовой информации. Однако бестселлер (в том его понимании, какое существует на Западе, где, собственно, и возник этот термин) — это не просто хорошо продаваемая книга. Это книга, о коммерческом успехе которой (конкретно, в цифрах) было сообщено в газетах, по радио и телевидению, что, в свою очередь, существенно улучшило ее продажу, нередко обеспечило приобретение прав на экранизацию и т. д. Таким образом, западный бестселлер подразумевает сложную систему маркетинга и рекламы, в которой действуют отработанные механизмы продвижения книги к читателю, четкая и достоверная система сбора информации об объемах реализации книг. Существуют регулярные рейтинги бестселлеров в популярных газетах и журналах. Фоном бестселлера является не только развитая рыночная экономическая система, но и рыночное сознание (в рамках которого доминирует представление, что деньги служат мерилом всего или почти всего) и демократический подход (предполагается, что голосованием, в данном случае — долларом или франком — определяется самый достойный кандидат). В России подобная система приживается плохо. Российские же читатели при покупке книг не ориентируются на рейтинг, да и сам рейтинг в западном его понимании отсутствует.

Многие современные издатели видят свою задачу отнюдь не в том, чтобы изучать потребности читателей и выпускать книги в соответствии с их запросами. Напротив, они полагают, что лучше читателей знают, что тем нужно, как бы сразу делают такую книгу, которая **обязательно должна** стать бестселлером.

Показательно, что термин, призванный обозначать результат распространения книги, становится ее маркой еще до выхода в свет, чуть ли не обозначением жанра (например, серия «Русский бестселлер» издательства «ЭКСМО-Пресс», «Бестселлер» «Центрполиграфа»).

В российском книгоиздании последних лет наблюдаются несколько взаимосвязанных тенденций: поворот от зарубежного к отечественному, от будущего к прошлому и от рационального к иррациональному. Так, в остросюжетной прозе место Кристи, Чейза и Спиллейна заняли Пронин, Корецкий и Маринина. Масштабы издания фантастики (почти исключительно зарубежной) существенно уменьшились, зато пышным цветом расцвел отечественный исторический роман и стали в большом числе выходить популярные в 70-х годах авторы (например, многотомное собрание сочинений Астафьева). Увеличился выпуск оккультной, мистической, магической и теософской литературы. Появилось множество издательств («КРОН-Пресс», «ГУМУС», «АГНИ», «Скрин», «Рериховское общество»), специализирующихся на разных изданиях: от научных трудов по восточной философии и средневековой мистике до Кастанеды, Блаватской и сонников.

Издатели же не только выражают эти тенденции в общественном сознании, но и сами нередко способствуют их развитию. Например, часть их мыслит свою позицию как патриотическую. Отсюда и эпитет «русский» в названиях многих серий (например, «Русская бойня» издательства «АСТ», «Русский проект» «ОЛМА-Пресс», упомянутый выше «Русский бестселлер»).

Абрам Рейтблат

Шаблонность + исключительность

И детектив, и любовный роман как жанры держатся в принципе на одной тематической опоре, только по-разному свою главную тему разворачивая, разные ее аспекты подчеркивая. Я говорю об идее самореализации героев, об их стремлении своими силами достичь желаемого — и о проблеме цены, человеческой платы за достигнутое. На одном из полюсов этой ценой оказывается крах, на другом — по традиции — свадьба. Так, в центре романа-детектива — недостойные, криминальные средства, избранные героем для достижения вполне благих целей. А в центре «розового романа» — неудовлетворенность героини своей успешной карьерой, если профессиональный успех не авторизован чувствами со стороны другого (ровно в этом смысле героиня должна раскрыть глаза и удачливому герою: ей предстоит показать ограниченность, шаткость его прежних достижений и преимуществ, если их не подтвердила она). Как видим, и в том, и в другом случае главной проблемой для каждого из участников является именно другой, который в этом своем качестве — важного для партнера, но на него не похожего — и должен быть им удостоверен и признан (герой — героиней и зеркально наоборот).

При этом сам социальный порядок — а благополучие в человеческих отношениях символизирует здесь именно его — под вопрос в классической мелодраме или детективе не ставится. Ошибаться может только единичный герой. Что бы там ни было, но мир упорядочен, а все остальное зависит от тебя — массовая словесность любых разновидностей стоит на этом. Она цивилизует страсти — делает их общим достоянием, приручает и даже обращает на пользу.

Общепонятность исходных постулатов и шаблонность самого романного мира, шагов и мотивов действующих лиц — нимало не в укор жанру. Иначе и сам жанр, и оживляющие его «люди» и «действия» не были бы узнаваемы. Вместе с тем трафаретность в массовом искусстве, в литературе обязательно соединяется с исключительностью: чрезвычайностью ситуации, неординарностью поступка, приключением, наконец, просто «ураганом чувств и эмоций», как гласит аннотация к одному переводному любовно-историческому роману, — иначе эти книги так не привлекали бы. Захватывает как раз соединение привычного и необычайного, захватывающего и отталкивающего, читательского сопереживания и дистанции. Именно так и работает механизм втягивания массовой публики в романный сюжет, где нормальное подвергается испытанию, а знакомое делается отстраненным и потому подвластным нашему контролю. Без первого (привычности) оно не было бы о-познано, без второго (дистанции) — не стало бы о-сознано. Один французский мыслитель сказал, что книга карманного формата могла появиться только в эпоху, когда «посвященных» больше нет. Больше того. Возможность усваивать нормы поведения или чувства не по озарению свыше и не по наследству от предков, не посредством привычки и не в силу принуждения, а особым условным образом, через мысленное нарушение этой нормы и воображаемое воздаяние за него (в том числе, в искусстве, в литературе) — другая черта той же эпохи, которую и зовут современной.

Наша специфика

Но если роман о любви у нас в ходу исключительно привозной, англо-американский, жанрово-устойчивый и по традиции близкий к «классическому», то остросюжетный роман теперь почти целиком наших, отечественных кондиций. Строго говоря, никакого детектива, где главный герой — частный сыщик-любитель, совершенно, казалось бы, неподходящий для этого чудак и чужак (аристократ, иностранец, благопристойная дама в летах), в России сейчас нет. Есть современный вариант милицейского романа, где в «главной роли» профессионал, человек системы (Гуров у Леонова, Каменская у Марининой, Шевчук у Бушкова). Есть обновленный роман о контрразведчике — тоже профессионале, особом агенте на спецзадании, который крушит врагов всеми своими физическими (как в «Антикиллере» Корецкого) и сверхфизическими (как Бешеный в саге Доценко) силами и за которым, так или иначе, тоже система. И есть социальный роман о частном человеке, живущем в нынешнем криминализованном обществе и становящемся его жертвой (героини Дашковой) или орудием (бушковский «интеллигент-демократ»).

При этом сама Система — и держава, и ее правоохранительные органы — самым серьезным образом разложилась. Зачастую именно она (особенно «брежневская») в романных преступлениях и виновата. Но другой, как говорится, нет, и службу худо-бедно она все-таки несет: есть несколько человек, включая начальника, на которых и Гуров, и Каменская всегда могут опереться. Во имя каких идей, ценностей, символов Система существует, из романов тоже не очень понятно (соответствующих разъяснительно-исповедальных сцен в теперешних бестселлерах нет). Явно одно: преступника преследуют. Расправляются друг с другом обе стороны практически одинаково, то есть совершенно профессионально и абсолютно безжалостно. От правосудия остался, пожалуй, только суд, в смысле — расправа (характерно, что популярнейший в Европе и особенно Америке литературный и киножанр судебного слушания под нашими небесами никак не прививается). Преступник будет пойман и понесет наказание, чаще всего — смертельное.

Классическая формула «мужского» бестселлера резко контрастирует с островными и замковыми парадизами из «розовых» женских романов. Показательно, что героем бушковского «Стервятника», чьими глазами в книге видятся и от чьего имени оцениваются все остальные, выступает сам преступник, который — вместе со всем романным миром — и погибает в конце. Причем погибает, уничтожив или потеряв всех своих подруг и спутниц, но загнанный в безвыходный угол опять-таки героиней — рыжекудрой красавицей Дарьей Шевчук по кличке Бешеная. ■

Татьяна Боднарук, зам. директора издательства «Искусство»: Чтобы не увольнять ценных специалистов, отправляем их в неоплачиваемый отпуск. Планы, естественно, приходится сокращать. Сейчас несколько книг в производстве, но не можем оплатить — не проходят банковские счета. Все же думаем, что выживем. Хотя, конечно, все это очень грустно. Только мы начали как-то чувствовать себя более или менее уверенно, как опять приходится начинать все сначала.

Полная расчлененка

Кинофестиваль в Торонто (№ 3 в мировой табели о рангах) убедительно доказал, что актуальное кино опрокинулось в чернуху. Иногда ироничную

Юрий Гладильщиков

СИНЕФИЛИЯ

Пока не подкрался кризис, подкосивший, помимо прочего, неокрепшую российскую киноиндустрию, мы искренне надеялись, что в нашем кино наконец-то подъем. Новое лицо кинематографа нравилось не всем. Коллега и друг опубликовал в «Известиях» целую кипу статей, обвинив вслед за Никитой Сергеевичем Михалковым наших режиссеров в аморализме и прочих гадостях. «Все мировое кино — оно в отличие от нашего моральное и доброе!» — с пафосом воскликнул коллега. «Позволь, что ты понимаешь под «мировым кино»? — спросил я его. — Большой Голливуд? Да, он действительно добр и назидателен. Если не считать того, что в основном изготавливает боевики. Но возьми фестиваль в Торонто, где показывают лучшее из разряда art-house hits (штучных кинопроизведений). В Торонто примерно триста картин. Напомнить, сколько из них добрых? От силы двадцать. Потому что кино не интересуется правильными характерами и судьбами. Ему по разным причинам интереснее маргиналы, аутсайдеры, преступники. Стабильное общество интригуют лишь те, кто вне закона. Не так?»

1998-й побил рекорды. Еще никогда за считанные дни я не видел столь много дико кровавых, невероятно жестоких, но зачастую смешных картин. Современное «синефильское кино» замешено на крови и/или кровавом юморе.

«ПЕРДИТА ДУРАНГО»: ПАРУ ПРИРОЖДЕННЫХ УБИЙЦ ИГРАЮТ МОДНЫЕ РОЗИ ПЕРЕС И ХАВЬЕР БАРДЕМ (ТОТ, КОТОРЫЙ С ПИСТОЛЕТОМ). (ВНИЗУ) ТИПИЧНЫЙ ГЕРОЙ ИЗ ТИПИЧНОГО ЯПОНСКОГО ФИЛЬМА (ПЛАКАТ ЛЕНТЫ «МУЖЧИНА С АКУЛЬЕЙ КОЖЕЙ И ДЕВУШКА С ПЕРСИКОВЫМИ БЕДРАМИ»)

ПРОБЛЕМУ ЖЕСТОКОСТИ НЕДАВНО ЗАтронули и в теле-«Пресс-клубе». Кто-то заявил, что публика интересуется только кошмарами, а позитивная новость — не новость. Как можно работать в журналистике с такой позицией?.. — возмутилась ведущая.

Но ведь массовая публика впрямь такова! Уже надоело цитировать теоретика драмы Эрика Бентли, который цинично сказал, что если бы пьесы Шекспира не были столь кровавыми, то люди меньше задумывались бы об их космических глубинах. «Хотите привлечь внимание публики — вводите в пьесу насилие; хотите удержать ее внимание — подбавьте насилия», — посоветовал он. Возразят, уточнял м-р Бентли, что по подобному рецепту сделаны многие низкопробные сочинения, но вы ошибаетесь, если считаете, что шедевры сконструированы иначе.

О разных причинах того, почему насилие кассово и именно сейчас вновь привлекает фестивальных отборщиков, порассуждаем позже. Пока же заметим, что концентрацию жестокости на экранах Торонто увеличили японцы. Мода на японское кино сменила в фестивальном мире моду на китайское и иранское. Японское — значит, отличное. Японцев особенно любят смотреть те, кто помоложе, кто обожает в кино кровь, секс, жестокость — короче, «по-мо» (игру в постмодернизм). В прошлом году, приехав в Торонто, я спросил в дирекции: «Ну, как фестиваль?» — и м-р Ноа Коэн, отвечающий за наиболее экстремистскую из торонтских программ «Полночное безумие», тут же ответил, что фестиваль будет очень хорошим, потому что много японских картин — посмотрел с намеком и заржал. В этом году именно Коэн составил гигантскую программу «Новый удар

из Японии». «Новый удар» (new beat) в применении к японскому кино 90-х — такой же устоявшийся термин, как «новая волна» — для обозначения французского кино 60-х. Термин на редкость удачен. И впрямь — бесконечный бит! Только и видишь, как черепные коробки разлетаются на кусочки, а кровь (новый киноштамп конца 90-х) брызжет на очки, физиономию и белую рубашку стоящего рядом.

Японский бит

Почему «нью бит» столь жесток и кровав, вроде бы понятно. Во-первых, физическая жестокость — эстетическая составляющая японской культуры, и, в частности, страна привыкла к «мангам» — крутым комиксам. Во-вторых, живет и действует культовый режиссер Такеси Китано — один из крестных отцов Квентина Тарантино и гуру японских режиссеров 90-х. Срабатывает и то, что эти новые режиссеры молоды (большинству около тридцати) и в отличие от классиков Куросавы или Имамуры снимают типично городское кино. Разумеется, каждый из них жаждет шокировать публику, чтобы сразу оказаться на виду. Коли так, то кто главный герой фильмов? Правильно, якудза (японская мафия).

Несмотря на названия, подчас напоминающие о гонконгской попсе (типа «Мужчина с акульей кожей и девушка с персиковыми бедрами»), «нью бит» предлагает не развлекательное, а вполне авторское кино. Все фильмы в меру абсурдистские и зачастую переполнены черным юмором. Все зациклены на безумии современной городской жизни (в перенаселенной Японии, вероятно, особенно ощутимом). Почти все сопровождаются яростным инструментальным роком. Почти все — по качеству — выше среднего, но... не более того. Учитель Такеси Китано с его «Сонатиной» и «Фейерверком» остается единственным и неповторимым. Так бывает: направление в целом интереснее отдельных картин.

На общем жестоком ироничном фоне выделяются фильмы сверхжестокие, более концептуальные и авангардные. Не про мафию, а дикие, пессимистические, клаустрофобские, порожденные уже исключительно городскими стрессами. Основа таких фильмов — мутация. В современных мегаполисах человек мутирует в существо, не вполне биологическое. Еще в 1989 году режиссер Синия Цукамото сотворил ночной кошмар под названием «Тецуо: железный человек». Герой фильма — жертва мегаполиса и сверхтехнологий — превращался в кучу железного хлама. Из его шеи, плеч, груди, как из кучи мусора, прорывая кожу, начинали вылезать куски арматуры, проволока, стальные стружки. Вместо детородного органа вырастало что-то типа дрели, которой он и пропарывал пришедшую для любви девушку.

МЕЛАНИ ГРИФФИТ И ДЖЕЙМС ВУДС В ФИЛЬМЕ «ЕЩЕ ОДИН ДЕНЬ В РАЮ»

Черно-белый «Тецуо» отчасти напоминал фильмы наших «параллельщиков», многие кадры были точно так же — для пущего эффекта — исцарапаны от руки. После «Тецуо» Цукамото, развивая тему урбанистических мутаций, уже не снимал столь взрывных фильмов. Тем не менее публика в Торонто, куда он привез свежайшую картину «Балет пуль» (Bullet Ballet), встретила его овацией. Как второго культового японского режиссера 90-х наряду с Китано.

Название, сгодившееся бы для очередного боевика Джона Ву, обманывать не должно. Цукамото дует в свою дуду. Ручная дрожащая камера, ускоренная пленка, закадровый рок, сверхрезкий монтаж, долго не понимаешь, кто есть кто... но все всех суровейше мочат. По мысли Цукамото, на улицах Токио конца тысячелетия (Токио — это вечная ночь, непрерывные стальные ограды, глухие высокие стены, за которыми не видно неба) идет битва между двумя поколениями мутантов: поколением тридцатилетних, внутренне превратившихся в «железных Тецуо», и 18—20-летними, не способными на «железность», но потерявшими в ходе технологического прогресса чувство боли — и чужой, и своей. Причин для битвы, кстати, нет — один лишь стресс. Одно разлившееся в воздухе безумие.

Перед сеансом Цукамото заявил, что «Балет пуль», без сомнения, жесточайший фильм всех времен (публика радостно завизжала). Но кинореволюционер себе польстил. Пару лет назад актриса и режиссер Кей Фудживара (она играла в «Тецуо») заметно превзошла учителя Цукамото лентой «Орган». Герои полтора часа барахтались в гное, крови, блевотине. По покрытым мерзостной коростой телам мутантов ползали черви. Умирающие непрерывно издавали вопли ужаса. Такие же громкие вопли «disgusting!» (отвратительно) издавали торонтские зрители, вылетавшие из зала с расширенными зрачками. В ленте теплился какой-то сюжет (что-то про банду охотников за человеческими органами), но разобраться в нем было невозможно, поэтому вскоре фильм начинал восприниматься так, как, вероятно, и было задумано создательницей — как абстракция, отражающая жуткий разлад нации с миром.

Международный кинофестиваль в Торонто — единственный из внеконкурсных смотров, который удостоен почетной категории «А». Более того, считается фестивалем № 1 в Северной Америке и № 3 в мире — после Каннского и Берлинского (выше Венецианского). Из трехсот фильмов, продемонстрированных в Торонто-98, наших было всего два: «В той стране» Лидии Бобровой и «День полнолуния» Карена Шахназарова. Учитывая, что киногод в России, в общем, небедный (добавим «Страну глухих», «Хрусталева», «Про уродов и людей», «Окраину», «Дрянь хорошую, дрянь плохую», «Железную пяту олигархии» и — даже! — т. д.), могли бы отнестись к нам и повнимательнее.

Но и «Орган» теперь превзойден. Один из самых молодых «нью-битников» Кацуёси Кумакири выпустил фильм «Кисику» (или «Банкет нелюдей»). На Японских островах он запрещен, в Берлине перед полуночным сеансом зрителей предупреждали, что может стошнить, в Торонто не предупреждали ни о чем, и оттого зал опять позорно бежал. Первый час история левацкой террористической группировки начала 70-х развивается вяло. Выручают лишь секс (атаманша занимается любовью со всеми подряд) да харакири, которое бывший лидер делает в тюрьме медленно и печально. Но затем такое начинается! Пик фильма — когда атаманша из ружья сносит полбашки одному из соратников. Нам долго показывают крупным планом, как из развороченной головы, скворча и лопаясь, вытекают мозги. Затем атаманша погружает в остатки головы свои ладони и начинает ковыряться в мозгах, издавая сладострастные стоны.

В каком-то смысле это и есть один из пиков мирового кинематографа. Вероятно, весь «нью бит», завистливо шипя, размышляет сейчас над проблемой, как бы переплюнуть юнца Кумакири. Но переплюнуть трудно.

На один только урбанистический стресс и культурную традицию вытекающие мозги не спишешь. Вероятно, дело и впрямь в неких социально-национальных проблемах. Помнится, один из японских фильмов о садомазохизме, вышедших в середине 90-х, растолковывал, что тамошние мужчины склонны к S & M из-за поражения во второй мировой войне. Оттуда же — житейские тревога и угнетенность. Так? Нет? Или правы те, кто утверждает, что японская жестокость — и не жестокость вовсе? Что Бергман (жестокость мыслей и слов по отношению к Богу и другим людям) гораздо суровей? А просто в Японии (критик Михаил Трофименков) «экзистенциальная жестокость неотделима от физического насилия. Они лишь выражают друг друга с естественностью и детальностью, немыслимой для европейцев. Тело и душа едины — едины и их страдания». Но, в конце концов, я не японист, чтобы отвечать на подобные вопросы.

Ответ из Голливуда

Ладно, японцы! Американцы — и те стали допускать больше крутизны без оглядки на лобовую воспитательность. Правда, голливудская жестокость в основном смешная. Смешно убивают, смешно помирают. Перманентный Сорокин.

В «Очень скверных делах» (Very Bad Things) Питера Берга — черной комедии со звездами первого ряда — пятеро правильных яппи, приехав в Лас-Вегас на мальчишник, распиливают и хоронят по кускам трупы проститутки (которую один из них в порыве страсти нечаянно насадил в ванной затылком на штырь) и охранника из отеля (которого приканчивали коллективно). Хороня расчлененные тела, яппи не забывают помолиться и попросить бога дать им шанс остаться «позитивными членами общества». Единственная уступка политкорректности в том, что яппи — все белые, погибшая проститутка — китаянка, а убитый охранник — афро-американец. Зато идею о том, что достаточно всего лишь стресса, чтобы честный цивилизованный гражданин мигом отринул мораль и принялся крошить на куски окружающих, к политкорректным не отнесешь.

Еще круче фильм со специфическим (для русского слуха) названием «Пердита Дуранго». «Прирожденные убийцы» меркнут, ведь они вопреки расхожим испугам были фильмом поучающим. Сценарист Тарантино, по обыкновению, описал неоварваров, которые воспитаны масскультом и ведут себя так, словно они персонажи боевиков, а режиссер Оливер Стоун по склонности к морализаторству героев, конечно, осудил. То ли дело «Дуранго», где пара прирожденных убийц, безусловно, симпатична — при всем своем садизме и сатанизме. В «Дуранго» много черного стеба, но ощущаемая в фильме злоба против скучного общества вполне серьезна. Правда, фильм не американский, а испанский (режиссер Алекс де ла Иглесия), но лишь формально, поскольку действие происходит на юге США, актриса Рози Перес — голливудка, и обыгрывается нынешняя голливудская мода на латиноамериканское. Страстность героев, в том числе страстность, с которой они убивают, расценивается как воля латиносов к жизни.

ЛЮБИМЫЙ КИНОМАНАМИ РОН ПЕРЛМАН В КАРТИНЕ «Я РАНО ПРОСНУЛСЯ В ДЕНЬ, КОГДА УМЕР». (СЛЕВА) **ПЕРЕПУГАННЫЕ ЯППИ-УБИЙЦЫ ИЗ «ОЧЕНЬ СКВЕРНЫХ ДЕЛ»**

В Торонто в отличие от других внеконкурсных смотров есть свои призы. На них могут претендовать все отобранные картины — как незасвеченные, так и награжденные другими фестивалями. **Приз аккредитованной прессы** (ваш покорный слуга голосовал тоже) достался фильму американца Тодда Солондза «Счастье» (Happiness — ваш покорный голосовал за иное). Нравы в Нью-Джерси, скрытые драмы и трагедии, педофилия и пр.

Но радикальнее всех вновь оказался Ларри Кларк — известный фотограф и режиссер, прославившийся фильмом «Детки» о сексуальной жизни тинейджеров-наркоманов. В фильме Кларка «Еще один день в раю» (Another Day in Paradise) ничего юмористического. В отличие от псевдодокументальных «Деток» фильм более традиционен, в нем даже заняты звезды — Джеймс Вудс и Мелани Гриффит. Всю жизнь фотографируя аутсайдеров, изгоев, преступников, Кларк верен им и в кино. «Еще один день» — история маленькой банды воров и убийц. Никакой романтизации. Никаких прикрас (убивают не без сожаления, но и без раскаяния). Никаких оправданий. Но — понимание. По Кларку, жизнь циничных злодеев безусловно трагична. Вероятно, американская критика сочтет фильм аморальным. Уже потому, что главные герои остаются в живых. Мораль, однако, таится «между строк»: из сюжета ясно, что герои живы лишь до поры.

Мало кто знает, что именно Кларк повлиял на Мартина Скорсезе (когда тот снимал «Таксиста») и Гаса Ван Сэнта (когда тот работал над «Аптечным ковбоем»). Так что «Еще один день» можно счесть финалом трилогии.

Понятно, что разные режиссеры обращаются к изображению жестокости и боевым жанрам с самыми разными целями:

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕЛОДРАМА «ЛЮБОВНИКИ ИЗ ЗАПОЛЯРЬЯ»: VERY-VERY МЕДЕМ

от «исправить нравы общества» до «сублимировать в творчестве собственную потаенную страсть к насилию», от «поиграть в крутые игры» до «потрафить первобытным инстинктам масс». Но у нынешнего взрыва жестокости, возможно, совсем иная причина. Как считают фестивальные отборщики из Торонто, это реакция на политкорректность. Выросла новая аудитория, которой с младых ногтей внушали хорошие идеи мирного сосуществования между людьми, но видевшая, что в жизни не все так мирно. А иногда и все не так. Она захотела иного кинематографа. Кроме того, любые табу, даже самые правильные, вызывают желание противоречить. Вы меня политкорректностью? А я вас в ответ цинизмом! Вы меня — чувствами добрыми? А я вас в ответ злыми! И почему, собственно, я не имею права выразить свои отрицательные эмоции, коли такие эмоции есть?

Про другое кино

Разумеется, в Торонто были и менее насильственные фильмы, любопытные для киноманов. Опишем их пока телеграфно. А там, глядишь, несмотря на кризисы, кто-то купит.

Самое занятное в американском фильме «Я рано проснулся в день, когда умер» — то, что он снят по сценарию ЭДВАРДА Д. ВУДА-МЛАДШЕГО (то есть Эда Вуда) — «самого плохого режиссера всех времен», творения которого вошли в интеллектуальный обиход после фильма о нем, снятого Тимом Бёртоном. В сценарии о похождениях маньяка нет ни единого слова — только звуки. Режиссер Арлис Илиопулос попытался сделать фильм модным. Стилизовал его под немое кино, переполнил иронией по отношению к сценарию-первоисточнику (действительно дурацкому), пригласил на эпизоды не случайных (для знатоков) артистов — вплоть до Кристины Риччи, Рона Перлмана и того лысого длинного, который в «Твин Пикс» приходил к агенту Куперу в видениях. Но коли уж решили ставить, то было бы остроумнее ставить всерьез.

Знаменитый француз ОЛИВЬЕ АССАЯС после изящного и смешного фильма «Ирма Веп», в котором объявил о смерти кинематографа, все-таки снял очередную картину «Поздний август, ранний сентябрь», похожую на все хорошее молодое французское кино сразу. Действуют тридцатилетние интеллектуалы, мужчины и женщины. Они сходятся и расходятся, ищут любви, пытаются творить, ведут обязательные и не очень разговоры. Камера, разумеется, ручная; изображение дрожит (то есть надо понимать, что все документально и почти взаправду). Подобное, вероятно, не наскучит никогда.

Иранский классик МОХСЕН МАХМАЛЬБАФ, фильмы которого — «Габбех» и «Миг невинности» — «Итоги» подробно рецензировали, сделал фильм «Тишина», причем в Таджикистане. Поклонники скорее разочарованы: уж слишком много штампов иранского кино. Опять бедные, опять дети — в данном случае слепой мальчик, который работает настройщиком инструментов в плохонькой мастерской и каждодневно может потерять работу-кормилицу. Опять мысли о том, что бедные богаче богатых, потому что тоньше чувствуют мир и знают, что надо отдаваться текущему мгновению.

Мастер кича и шока американец ДЖОН УОТЕРС остался верен кичу в фильме «Пекер». История о скромном юноше, который непрерывно щелкал кнопкой старенького фотоаппарата и вдруг был признан гением, лажает американскую мечту и завершается сверхкичевым братанием всех и вся: глупеньких провинциалов и нью-йоркской богемы, топ-моделей и девушек из захолустной прачечной, старых и молодых, геев и негеев, пуритан и стриптизерш. Выясняется, что и Бог, конечно, есть. В главных ролях — новые киноманские идолы: повзрослевший мальчик из «Терминатора» Эдвард Фурлонг и столь же повзрослевшая уже упомянутая Кристина Риччи («Семейка Эддамсов», «Ледяной ураган»).

Из наиболее любопытного. Английский «Кислотный дом» (The Acid House) режиссера Пола Макгугана — новая (после «Трейнспоттинга») и вновь удачная экранизация сочинений ИРВИНА УЭЛША. Сюжеты (три новеллы) настолько лихие, что пересказу не поддаются. Герои-шотландцы (простые парни, аутсайдеры и наркоманы) то превращаются в мух, то умудряются поменяться душой с новорожденным младенцем (так что тот начинает пить виски, материться, болеть за «Глазго Рейнджерс» и онанировать) и говорят на таком языке, что фильм снабжен английскими субтитрами — иначе не понять. Саундтрек — Oasis, The Verve, Ник Кейв etc.

Испанские «Любовники из Заполярья» — очередная концептуальная мелодрама ХУЛИО МЕДЕМА, одного из самых необычных режиссеров Европы . Про «Горькую луну» когда-то говорили, что это very-very Полянский. «Любовники из Заполярья» — very-very Медем. Возможно, лучший фильм Медема наряду с «Красной белкой». Структура картины, как водится у Медема, весьма изысканная: каждую из частей истории мы видим сначала его, а потом ее глазами. Пока Тарантино, Родригес и компания вводят моду на латиноамериканское, называя его испанским, приспосабливают латиноамериканское к голливудским канонам, истинно испанское кино снимают, возможно, лишь двое: Медем и Альмодовар. Оба взаимодействуют с главным испанским жанром — мелодрамой. Альмодовар — и иронично, и всерьез. Медем — чуть отстранившись и иронично-концептуально.

Наконец, коли уж начали с японцев, японский «Доктор Акаги» (или же Kanzo Sensei) СЁХЭЯ ИМАМУРЫ. Первый — после недавней смерти Куросавы — классик японского кино умудряется опровергать аксиому, что после какого-то возраста (Имамуре за семьдесят) режиссеры уже не могут снимать как прежде. «Доктор Акаги» намного сильней прошлогоднего фильма Имамуры «Угорь», за который он получил свою вторую «Золотую пальмовую ветвь» Канна. «Угорь» был типично японским кино: недорогим и чуточку алогичным. «Доктор Акаги» — тщательно проработанный, европейский по стилю фильм. Трогательная и смешная история странного врача, который в конце войны, перед ядерной бомбардировкой, не замечая ни бомб, ни милитаризации, стремится поймать за хвост вирус гепатита.

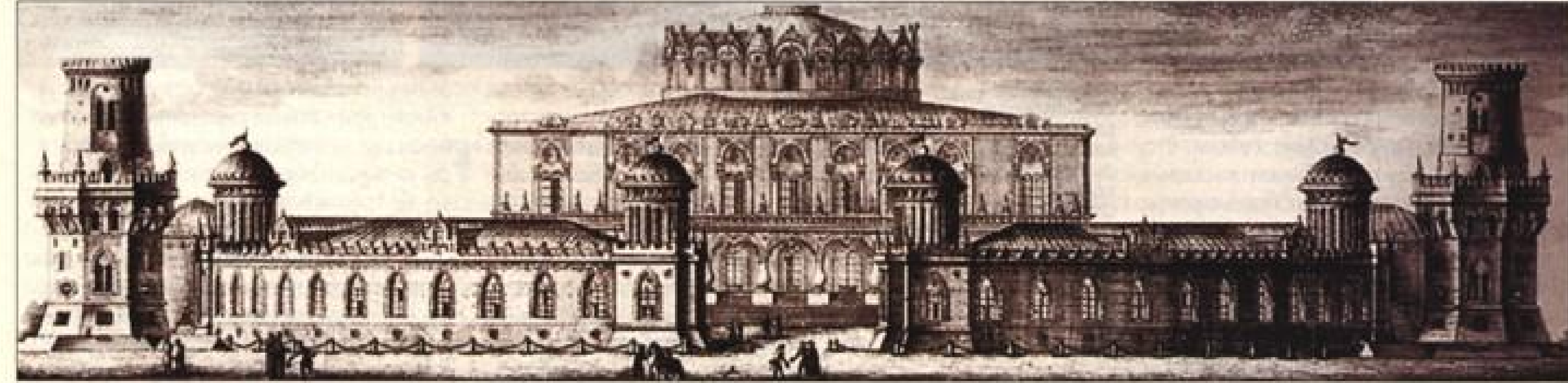
Много искреннего желания жить. Никакой тяги к жестокости. Надо смотреть. ■

Приз ФИПРЕССИ (рассматривались лишь дебюты) поделили антивоенная ливано-французская картина «Западный Бейрут» и психологическая австралийская «Похвала» (Praise) — про обе, увы, ничего сказать не могу: не видел. **Лучшим канадским фильмом** признан Nô известного театрального режиссера Роберта Лепажа. Сюжет для Канады актуальный: в 1970 году актриса из Монреаля играет в Японии в театре «Но» и возвращается в франкоязычный Квебек в разгар сепаратистских волнений и ввода войск. Наконец, **Приз зрительских симпатий** получил итальянец Роберто Бенини за трагикомедию о концлагере «Жизнь прекрасна», взявшую, напомним, и второй по значению приз последнего Канна. Не исключено, что именно Бенини достанется теперь «Оскар» за лучший иностранный фильм. (Академики стали обращать внимание на тех, кого отметили в Торонто.)

Реставрация с выселением

Петровский замок забрали у Военно-воздушной академии, чтобы размещать там почетных гостей правительства Москвы

Николай Молок

ЛОМАТЬ — НЕ СТРОИТЬ

Объектом № 1 в списке скандальных московских проектов Общество охраны памятников (ВООПИК), архитекторы, реставраторы, историки, журналисты считают Петровский путевой дворец (Петровский замок) на Ленинградском проспекте, недалеко от стадиона «Динамо».

Пожалуй, впервые московские власти сталкиваются с шедевром архитектуры, каких в Москве немного. В отличие от Гостиного двора Петровский замок принадлежит истории императорской Москвы. Построенный по заказу Екатерины Великой, он стал «перевалочным пунктом» на пути из Петербурга в Москву (отсюда и название — «путевой») для всех последующих императоров. Жил здесь и Наполеон, правда, всего четыре дня, пока горела Москва. В прошлом столетии Петровский парк был местом гуляний московской аристократии.

Теперь императорскому дворцу, скорее всего, предстоит стать правительственной резиденцией: по замыслу мэра Москвы (и согласно постановлению правительства Москвы от 19 мая 1998 года) в главном корпусе дворца будет дом приемов мэрии, а во флигелях — гостиница класса «де-люкс» (как ее упорно называют правительственные чиновники, хотя имеется в виду, видимо, пятизвездочный отель) для VIP-гостей московского правительства. Обещают, правда, что часть замка станет музеем. Впрочем, пока — из-за кризиса, который не обошел и благополучное по российским меркам столичное хозяйство, — Петровский замок стоит брошенным и запертым.

ЗА ДВЕСТИ ЛЕТ СВОЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ **ИМПЕРАТОРСКИЙ ДВОРЕЦ ВНЕШНЕ ПОЧТИ НЕ ИЗМЕНИЛСЯ.** ВОЕННО-ВОЗДУШНАЯ АКАДЕМИЯ, ВЛАДЕВШАЯ ИМ ПОСЛЕДНИЕ 70 ЛЕТ, БЕРЕЖНО СОХРАНЯЛА ЗАМОК

История такова. Год назад, готовя Москве подарки к ее 850-летию, Юрий Лужков предложил Виктору Черномырдину передать в собственность города Петровский дворец, в котором уже 70 лет находилась Военно-воздушная академия имени Жуковского. Тем более что и академическое начальство было готово выехать — в равные по площади помещения, которые им обещал предоставить московский мэр (хотя многие офицеры об этом сожалеют, говоря, что замок, изображенный на нагрудных знаках, является символом академии).

Правительство молчало. Но в феврале этого года президент сам издал указ о передаче замка в собственность Москвы. При одном условии: пункт 3 указа гласил, что замок должен быть подвергнут «консервации и научной реставрации» и использоваться в дальнейшем «как памятник истории и культуры федерального значения».

Пока в замке находилась академия, он был практически недоступен для посетителей. Даже специалисты, поместившие замок в список архитектурных шедевров, его не видели, а пользовались старыми, дореволюционными фотографиями. Точно так же в Петербурге императорские дворцы были в советское время заселены секретными учреждениями и оказались закрытыми для публики, однако в перестроечные годы многие из них передали Русскому музею и Эрмита-

ИСТОРИЯ

1775 — 1782 — строительство Петровского путевого дворца (Петровского замка) по проекту Матвея Казакова. Замок задумывался как памятник победе в русско-турецкой войне. Екатерина II останавливалась в нем дважды — в 1785 и 1787 годах
1826 — по инициативе Николая I начинается первая реставрация замка
1917 — 1923 — замок находится в ведении отдела музеев Наркомпроса
1923 — по приказу Троцкого замок передается авиаторам, с тех пор (и до лета 1998 года) здесь находилась Военно-воздушная академия имени Жуковского. Большинство предметов из замка (мебель, фарфор, картины и проч.) было передано в музеи, в частности в Третьяковку
Май 1997 — обращение Юрия Лужкова к Виктору Черномырдину с просьбой передать замок в собственность правительства Москвы
6 февраля 1998 — указ президента РФ «О передаче памятника градостроительства и архитектуры федерального (общероссийского) значения Петровского путевого дворца в государственную собственность г. Москвы»
19 мая 1998 — постановление правительства Москвы «О мерах по реконструкции и реставрации памятника архитектуры Петровский путевой дворец»
24 июня 1998 — церемония символической передачи ключей от замка Юрию Лужкову

ИНТЕРЬЕРОВ ПЕТРОВСКОГО ЗАМКА МЫ НЕ ВИДЕЛИ (ВОЕННЫЕ НЕ ПУСКАЛИ ТУДА ДАЖЕ СПЕЦИАЛИСТОВ), И, КАЖЕТСЯ, ТАК И **НЕ УВИДИМ**

жу и превратили в музейные филиалы.

Московское правительство решило поступить с замком по-московски. Столичные дворцы и особняки — старые, красивые и соответственно самые репрезентативные здания в городе — не передаются музеям, а превращаются в правительственные резиденции. Эта практика возникла еще в советское время. Во многие модерновые особняки давно вселились посольства. Одна из самых знаменитых шехтелевских построек — особняк Морозовой на Спиридоновке — долгие годы служит домом приемов МИДа. Не говоря уже о здании Сената или Большом Кремлевском дворце, в которых располагаются президентские службы. Если и Петровский замок станет резиденцией — домом приемов с гостиницей, — то в его музейную часть, если таковая вообще будет образована, вряд ли пустят всех желающих. (Между тем еще при Александре III Петровский замок, когда в нем никто не жил, функционировал именно как музей.)

Но дело не только в этом. В гостинице класса «де-люкс» (согласно международной гостиничной классификации) должны быть все удобства вплоть до бассейна. А ими Петровский замок, естественно, не располагает: Екатерина Великая, строившая дворец двести лет назад, как-то без них обходилась. Чтобы устроить во дворце просторные, многокомнатные апартаменты для VIP-гостей и разместить в нем бассейн, сауну, рестораны, теннисные корты, массажный кабинет и всякие другие столь желаемые места, нужно, понятное дело, дворец перестроить. По крайней мере внутри. То есть провести реконструкцию. А памятник архитектуры, каковым и является замок, реконструировать запрещено. Впрочем, пока на официальном языке архитектурных чиновников это называется «реставрация с приспособлением». Другое дело, что приспособить дворец не так-то легко. Как выразился главный архитектор Управления государственного контроля охраны и использования памятников истории и культуры города Москвы (УГКОИП) Алексей Куренной, гостиница такого класса в памятник «не ложится». Так что есть шанс, что Петровский замок пока останется в прежнем виде. По крайней мере, о том, как замок будет использован, другие чиновники московского правительства отвечали «Итогам» заученной фразой: «Концепция разрабатывается».

Пока концепция разрабатывается, академия, по словам офицеров, уже выехала из замка. Штаб и административные службы переехали в другой корпус. Однако посты охраны у дворца до сих пор не сняты. Правительство Москвы, которое еще летом получило символический ключ от здания, вселяться пока, видимо, не собирается.

На протяжении 70 лет, пока академия владела дворцом, она бережно сохраняла памятник архитектуры и его интерьеры. Но когда военные выезжали, в среде москвоведов пошли слухи о том, что вместе со своим имуществом генералы вывезли из замка и много другого: статую «Аллегория Рима» середины прошлого века; две небольшие чугунные скульптуры лежащих мопсов, располагавшиеся во внутреннем дворе (их, говорят, один из генералов увез на свою дачу); старинные светильники; два шкафа (а их, как опять же говорят, увезли прямиком в администрацию президента). Правда, сами военные утверждают, что ничего антикварного вывезено не было. На даче, по словам одного из офицеров, для этих мопсов «и места-то нету».

В Управлении по охране памятников нашему корреспонденту подтвердили, что хищения были, но сказали, что «утварь пропала» еще до передачи замка на баланс УГКОИП. И очевидцы утверждают, что летом, когда во дворец еще можно было попасть, в нем уже не было ни светильников, ни мопсов, ни скульптуры, ни шкафов. Сейчас проверить это нельзя: во дворец пройти невозможно. Военные и рады бы пустить, но не имеют права, так как здание юридически им не принадлежит.

P. S. На октябрь назначено заседание Общественного совета при мэре — высшего архитектурного собрания в Москве, — которое должно, наконец, решить, что делать с Петровским замком. Пока же на вопросы экспертов о том, как нужно переделывать замок под гостиницу, главный архитектор города Александр Кузьмин игриво отвечает: «Чем чуднее, тем лучше». ■

Владимир Мартынов. Opus Posth
Антон Батагов,
Алексей Любимов (ф-но),
Георгий Журавлев (дискант)
Long Arms Records

УЧРЕЖДЕННОЕ СЕРГЕЕМ КУРЕХИным агентство «Длинные руки» реально начало свою деятельность уже после его смерти. Дело петербургского концептуалиста и новоджазового музыканта продолжил московский менеджер Николай Дмитриев. Начав с музыки Курехина, «Длинные руки», по примеру солидных западноевропейских компаний типа ECM и Hat Art, быстро расширили свой творческий кругозор, в том числе и за счет той академической новой музыки, которую сам академический истеблишмент либо вообще отторгает, либо старается не замечать — как минимализм и постминимализм в целом. Как не замечает и Владимира Мартынова, который считает, что «время композиторов» умерло и бывшим композиторам остается только брать уже сочиненную музыку и доказывать — на ее же собственном языке, — какая она раньше была великая. Там, где бессильны звуки, можно говорить словами поэтов — Хлебникова, Заболоцкого, Хармса...

Провозгласить истину о том, что все композиторы — голые короли, естественно, можно доверить только невинному ребенку. Поэтому на компакт-диске Opus Posth («Посмертный опус») сопоставляются два сочинения Владимира Мартынова. Одно из них, давшее название всему компакт-диску, относится к 1993 году (то есть написано уже после виртуальной смерти Мартынова-композитора). Другое, Opus Prenatum, — мелодекламация, сочиненная восьмилетним Володей Мартыновым, то есть еще не родившимся композитором. Постминималистский «Посмертный опус» для двух фортепиано заканчивается стилизованным под «наив» вокальным эпилогом на стихи Заболоцкого. «Пренатальный опус» наряду с вариациями на тему «Летят перелетные птицы» включает и настоящую «наивную поэзию» в духе обэриутов («Мужик горку накатал, а потом свалился»). Если очень захотеть, то можно услышать, что между двумя этими опусами не только четыре десятилетия одной жизни, но и вся история — да хоть той же музыки. ■

Дмитрий Ухов

ГАСТРОЛИ

Унэцу

Ансамбль современного танца «Санкайдзюку»
Москва

ТАНЦЕВАЛЬНЫЙ СТИЛЬ «БУТО», возникший в Японии в 60-е годы XX века, стал известен в Европе и Америке лет двадцать назад. Сейчас это одно из самых модных пластических течений, которому охотно подражают изобретатели экстравагантной современной хореографии. В России же «буто» почти не знают. Японский ансамбль «Санкайдзюку», выступивший в Москве в программе «Фестиваля японской культуры-98», — первая труппа, показавшая у нас спектакль «Унэцу» («Яйцо-диковинка»), созданный на основе этого стиля. Артисты, завернутые в яйцеобразные коконы, изображают «символы жизни». Двигаясь то по воде, то по песку, они, по словам постановщика Усио Амагацу, исполняли «гимн и реквием жизни, проходящей через фазы рождения и смерти в бесконечном потоке времени». Спектакль был призван воплотить идеи японского философа Тэндзи Гюдай. Однако российской публике постановка понравилась не столько глубокомыслием, сколько зрелищностью. ■

В. Л.

«НАРОДНАЯ КУХНЯ» ОТ КОНСТАНТИНА ЗВЕЗДОЧЕТОВА: «БЫЧКИ В ТОМАТЕ» (ИМЕЕТСЯ В ВИДУ НЕ РЫБКА, А ОКУРОК) И «СУП С КОТОМ»

ВЫСТАВКИ

Институт питания, или Зоосад

Константин Звездочетов
Галерея «Москоу Файн Арт». Москва

ПИСАТЬ ВСЕРЬЕЗ О ЛЮБИМЦЕ СТОЛИЧНОЙ АРТ-ОБЩЕСТВЕННОСТИ Константине Звездочетове как-то не повелось. Его творчество (вернее, жизнетворчество) — бесконечная буффонада на стыке кича, инфантилизма и юродства, надругательство над здравым смыслом и хорошим вкусом. Однако вот уже двадцать лет, еще со времен группы «Мухомор», чьи акции равно скандализировали и высоколобый андерграунд, и идиотическую власть, это зашкаливающее искусство выполняет важную терапевтическую функцию. Звездочетовский балаган, несмотря на доступность и народность, ориентирован все-таки на здешнюю художественную среду, которую он отучает от излишней серьезности и надменной выспренности. Поскобли всякий артефакт Звездочетова — и обнаружишь вышученный метод или спародированный прием, заимствованные из арсенала «настоящего» современного искусства.

Выставка «Институт питания» — не исключение. Вроде бы она посвящена близкой каждому смертному (особенно в период экономического кризиса) проблеме вкусной и здоровой пищи. Однако тема эта выбрана, вероятно, лишь по причине омонимичности подлинного героя проекта — языка как «системы звуковых, словарных и грамматических средств» — и его вульгарного двойника — языка как «подвижного мышечного органа, являющегося органом вкуса». К последнему формально адресуется инсталляция Звездочетова, состоящая из образцов «народной» и «авторской» кухни. Но все они — съедобные и несъедобные — предназначены не для дегустации, а для созерцания. В том числе для чтения рукописных этикеток на них.

Секция «Народная кухня» — это лубочная игра с русскими идиомами, материализующимися в реальных «гастрономических» объектах: «супе с котом» (игрушка в супнице), «хрене на постном масле» (неприличный сувенир на крышке банки) или «гов. на палочке» (вполне съедобная говядина на деревянном шампуре). Подобные вербально-визуальные опыты в более изощренном виде неоднократно практиковались в отечественном искусстве. Но Звездочетов идиотизирует и огрубляет эту «семиотическую иронию», к тому же применяя ее к самой бытовой материи — еде.

Раздел «Авторская кухня» — это уже пародия не на художественный аналитизм, а на художественный поэтизм. Право Автора на собственный мир и собственный язык закреплено стеклянными банками с экзотическими наклейками, указывающими на их содержимое: «меренги», «бриуаты», «коки лики из киви», «бэпс» и т.д. Есть еще загадочный «График выделки мездры и цедры» — намек на научный дискурс.

Циничный Звездочетов поиздевался и над слабостями профессиональных посетителей вернисажей. На открытии выставки в галерее работал «Молочный отдел», пользовавшийся, говорят, бешеным успехом. Но автор этих строк к розливу опоздал и потому в этой части проекта некомпетентен. ■

Федор Ромер

ФЕСТИВАЛИ

Genius loci

Петербургско-московский поэтический фестиваль
Санкт-Петербург — Москва

Бесконечно повторяемая в наши дни банальность насчет того, что чем кислее нормальная жизнь, тем активнее жизнь художественная, имеет под собою реальную основу. Как, впрочем, и любая банальность. Во всяком случае, факт того, что за один месяц прошли два подряд больших поэтических фестиваля, о чем-то же должен говорить. Первый из них прошел в середине сентября в Малом Манеже в рамках Дней Вены в Москве и объединил австрийских и московских авторов.

Фестиваль Genius loci (что значит «Гений места») — это в каком-то смысле авторский проект двух его кураторов — Татьяны Михайловской, ведущей рубрики «Практика» в журнале «Новое литературное обозрение», и питерского поэта Сергея Завьялова. А потому претензии по поводу персонального состава фестиваля не примет никто, кроме них самих. Претензии, понятно, по ходу дела возникали и не могли не возникнуть. Зачем взяли икса, когда он такой бездарный? И зачем не позвали игрека, который такой упоительный? Что же до иностранных участников фестиваля, то они, естественно, интересовались, почему мало женщин. Ну мало женщин! Претензии такого рода имели бы хоть какой-то смысл, если бы участие в любом фестивале кем-то воспринималось как прямой путь в бессмертие или хотя бы в грядущий учебник по истории русской поэзии конца XX века.

Питерская и московская стадии фестиваля проходили соответственно в Музее Пушкина на Мойке (где, собственно, и состоялась реальная, а не метафорическая смерть Автора) и в Крымском геопоэтическом клубе. Если московская часть отличалась некоторым филармоническим академизмом, то питерская по неожиданному для московского наблюдателя накалу страстей напомнила героические 20-е годы, когда темпераментные выкрики из зала, подчас чреватые применением рук, являлись этико-эстетической нормой и свидетельствовали лишь о высокой роли поэтического слова в жизни общества. Петербург, как выяснилось, сохранил (не будем говорить, что преумножил) эти славные традиции. Распространится ли столь патетичное отношение к искусству и на столицу, во многом зависит от экономической и политической ситуации. ■

Л.С.

РЕКОМЕНДУЕМ

5 октября в ГМИИ им. Пушкина открылась выставка **«Сезанн и русский авангард»**, приехавшая к нам из Петербурга. **8 октября** в ЦВЗ «Манеж» открывается выставка **«Книги и графика»** знаменитого сюрреалиста **Макса Эрнста.** **10 октября** на сцене Театра Армии состоится премьера спектакля **«Гамлет»** в постановке знаменитого немецкого режиссера **Петера Штайна.** В заглавной роли **Евгений Миронов.**

КОНЦЕРТЫ

Прометей

Композитор Александр Скрябин
Дирижер Михаил Плетнев
Большой зал консерватории
Москва

Симфоническая поэма Александра Скрябина «Прометей» — один из самых экстравагантных музыкальных экспериментов XX века. Кроме оркестра, хора, органа и солирующего пианиста, автор ввел в нее свет, обозначив отдельной строчкой в партитуре смену его интенсивности и оттенков. Экспрессивную, очень театральную музыку «Прометея» охотно используют в кино и балете, но редко играют в концертных залах. А в световом оформлении, задуманном автором, ее практически не исполняют. Пригласив финского специалиста по свету Тимо Алханена, Российский национальный оркестр решил наконец-то осуществить замысел Скрябина. Публике не сообщили, удалось ли выполнить дизайнерские указания композитора или Алханен манипулировал прожекторами по своему усмотрению. Но игра света свелась к элементарной смене разноцветных пятен на потолке и стенах БЗК, отвлекших публику от музыки (вполне достойно исполненной оркестром под управлением Михаила Плетнева). К изрядной досаде слушателей, программу зачем-то приправили трескуче-бессмысленным опусом Вячеслава Артемова «Путь к Олимпу». Зато фортепианные пьесы Скрябина в обаятельно-нервном исполнении Алексея Любимова сгладили общее впечатление. ■

Я. С.

ПРЕМЬЕРА

Портрет мадонны

Театр около дома Станиславского
Режиссер Юрий Погребничко

Это очень маленький, милый и трогательный спектакль. Все эти определения совершенно непривычны для театра Погребничко, но на этот раз подходят ему. Даже непонятно, как это Погребничко, мрачновато-жесткий, ненавидящий актерский наигрыш, решился взять пьесу Теннесси Уильямса с ее обычным надломом и болезненной сентиментальностью. Да и пьесу нашел какую-то неизвестную, крошечную — всего в несколько страничек, к тому же в переводе Василия Аксенова, а не Виталия Вульфа, который, казалось, давно уже монополизировал русские переводы театрального Уильямса.

Спектакль играют в обычном, нисколько не измененном нищем пространстве театра «ОКОЛО», с его обшарпанными кирпичными стенами и голыми балками, в костюмах Надежды Бахваловой, так уместно соединяющих убогость с претензией на изысканность: халат медсестры с голо-кружевной спиной или грубый балахон героини с вышитым воротничком и тюлевыми рюшами. Все как всегда: бессловесные персонажи танцуют что-то ностальгически-джазовое, герои подолгу молчат — лица их смурны, голоса отрешены, и странная женщина с высоким ломким голосом, сошедшая с ума не то от одиночества, не то от любви, задумчиво и легко рассказывает чужим, как к ней каждую ночь, несмотря на закрытую дверь, приходит любовник. Тот самый, в которого она была тайно влюблена много лет назад в другом городе.

Уильямсовский надрыв, всегда заставлявший русских актеров (особенно героинь) кричать друг на друга и биться в истерических слезах, здесь загнан так глубоко, что о нем можно только догадываться. История, где главную героиню играет Лилия Загорская, коротка и печальна. Нет ни издевательских смешков гостиничной обслуги, ни ругани, ни клокочущих в горле страданий, ни вскипающих слез. Поэтому конец целомудренной и беззащитной Лукреции, которую все-таки увозят в сумасшедший дом, кажется особенно безнадежным. ■

Дина Годер

ТИХАЯ, НЕЖНАЯ **ЛУКРЕЦИЯ, КОТОРУЮ ИГРАЕТ ЛИЛИЯ ЗАГОРСКАЯ,** СОШЛА С УМА ОТ ОДИНОЧЕСТВА И ОТ ЛЮБВИ. ЕЙ ЧУДИТСЯ, ЧТО, НЕСМОТРЯ НА ЗАКРЫТУЮ ДВЕРЬ, К НЕЙ КАЖДУЮ НОЧЬ ПРИХОДИТ ЛЮБОВНИК. И ТЕПЕРЬ ЕЕ, БЕЗЗАЩИТНУЮ, ПОВЕЗУТ В СУМАСШЕДШИЙ ДОМ

НОВОСЕЛЬЕ

Борис Годунов

Режиссер Валерий Белякович
Дирижер Евгений Колобов
Муниципальный театр «Новая опера»
Москва

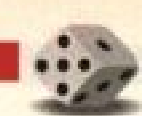
«Борис Годунов» — первая премьера «Новой оперы» в собственном здании. Оно сооружено на месте хлипкого здания Зеркального театра в саду «Эрмитаж», где в начале века давались летние увеселительные представления. Теперь постройка капитальная, но духом разухабистого варьете от нее несет за версту. Нагромождения скользких мраморных лестниц, дорогого граненого стекла и вычурных а-ля модерн решеток, дикие сочетания желтого плюша, ярко-кирпичных стен и зеленых портьер с фальшивой и настоящей позолотой исключают всякую возможность воспринимать в этом здании что-либо серьезное. Глаза устают еще до того, как открылся занавес. А планировка зала такова, что, глядя на сцену, неизбежно видишь боковым зрением оранжевые балкончики, мерцающие фестоны, кисточки и прочее купеческое «благолепие».

Чувствуя это, Эдуард Кочергин — главный художник товстоноговского БДТ, автор описанных интерьеров «Новой оперы» и сценограф «Бориса Годунова» — избавил зрителей от красок на сцене. Оформление спектакля — золотистые арки на черном фоне, обозначающие и кельи, и Соборную площадь, и корчму на литовской границе. Спектакля же как такового нет: исполнители просто ходят по пустой сцене из угла в угол — не стоять же столбами. Иногда кривляются. Такие пустяки, как мизансцены, обозначенные в тексте автора, режиссер игнорирует. «А старик сидит да пишет», — поет Отрепьев, нахально глядя на стоящего перед ним Пимена, и тому подобное.

Но концертным исполнением (которое было бы единственно уместным в таком интерьере) происходящее не назовешь. Публике предложена не первая авторская редакция, как написано в программах, а оркестровка Колобова. К тому же режиссер разнообразит музыкальную ткань репликами собственного сочинения. «А ну, пой со всеми», — рычит в паузе пристав на мужиков. «Учусь, учусь, батюшка», — лепечет царевич Федор между вокальными фразами Годунова.

Единственное, что в спектакле хорошо (как всегда у Колобова), — звучание оркестра. Жаль только, что хор и солисты не выдерживают темпов, предложенных дирижером. ■

Ярослав Седов

Scrabble

К₂ К₂ О₁

Р₂ С₂ Ы₅ *

НАБРАТЬ 133 ОЧКА

- ОЧКИ ЗА СЛОВО, ПРОХОДЯЩЕЕ ЧЕРЕЗ ЭТУ КЛЕТКУ, УТРАИВАЮТСЯ
- ОЧКИ ЗА СЛОВО, ПРОХОДЯЩЕЕ ЧЕРЕЗ ЭТУ КЛЕТКУ, УДВАИВАЮТСЯ
- ЦЕНА БУКВЫ, ПОПАВШЕЙ НА ЭТУ КЛЕТКУ, УТРАИВАЕТСЯ
- ЦЕНА БУКВЫ, ПОПАВШЕЙ НА ЭТУ КЛЕТКУ, УДВАИВАЕТСЯ

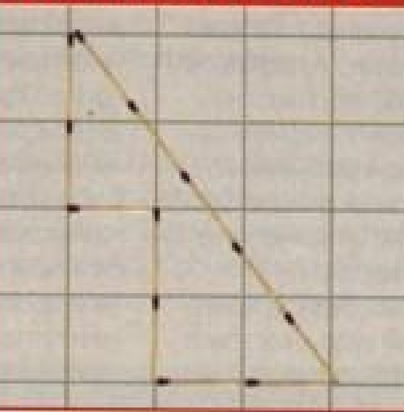
Решение задачи, помещенной в №38

g3↓ ИВОЛГА (11+6 за слово из шести букв = 17 очков)
h6↓ ПЕНСНЕ (8+6 за слово из шести букв = 14 очков)
i5↓ ГОЛОД (9*2 = 18 очков)
k3→ ГАЛСТУК (15+7 за слово из семи букв*2 = 44 очка)
m6→ ДЕРЕВО (9+6 за слово из шести букв = 15 очков)
Премия за использование всех букв 20 очков. Итого: 128 очков.

Уголок старика Синицкого

Для решения этой задачи вам потребуется двадцать спичек. Разделите спички на две кучки — в одной должно быть семь, в другой — тринадцать штук. А теперь попробуйте сложить две фигуры так, чтобы площадь фигуры из тринадцати спичек была ровно втрое больше площади фигуры из семи спичек.

Решение задачи, помещенной в №38

Преферанс

Решение задачи, помещенной в №38

Посадить играющего

Заказ: 6♠	Вист1 Ход	Вист2
♠К,Д,10,8	Т,В,7	9
♦Т,Д,В	10,7	К,9,8
♣К,Д,10	Т,В,8	9,7
♥(К,10)	Д,9	Т,В,8,7

Несмотря на кажущуюся очевидность подсадки, вистующие должны играть очень осторожно, поскольку при малейшей их оплошности играющий делает свою игру:
1) ♥Д, Т, ♠8; 2) ♣К, Т, 7; 3) ♠Т, 9, 10; 4) ♠В, ♣9, ♠К; 5) ♣Д, 8, ♦8; 6) ♣10, В, ♥7; 7) ♥9, В, ♠Д, и у играющего берет только туз бубен — итого пять взяток. Но если на третьем ходу вистующие не решатся на ход с козыря, получится своя игра: 3) ♥9, В, ♠10; 4) ♠К, Т, 9; 5) ♠7, ♣9, ♠Д. (Несмотря на то, что у вистующих остался козырь, после 6) ♣Д, 8, ♦8; 7) ♣10, В, ♥7 — они неизбежно нагрывают бубну.) Другое изящное решение для вистующих — пропустить трефу на втором ходу (анализ возникающих вариантов не представляет большой сложности, попробуйте проделать его самостоятельно).

Страница Дмитрия Генина

Итоги

Еженедельный журнал № 39 (124), 6 октября 1998 года
Издатель **ЗАО «Журнал «Итоги»**
Генеральный директор Дмитрий Бирюков

Главный редактор Сергей Пархоменко (E-mail SPARHOM@7DAYS.RU)
Заместители главного редактора Маша Липман (E-mail MLIPMAN@7DAYS.RU), Дмитрий Сабов
Арт-директор Аркадий Троянкер
Консультант (Newsweek) Рон Джаверс
Секретариат Андрей Збарский **(ответственный секретарь),** Владимир Орлов **(зам. ответственного секретаря),** Ирина Спиридонова, Ирина Фрейдлин **(выпускающие редакторы)**
Отдел дизайна Виталий Колбасюк **(зав. отделом),** Алексей Афанасьев, Галина Грозная, Федор Радлов **(ведущие дизайнеры),** Дарья Делоне, Наталия Столярова
Фотослужба Олег Иванов **(директор),** Галина Величко, Владимир Иванов, Ирина Иркина, Мария Олендская, Алиса Петрова, Олег Сендюрев
Отдел политики («В России») Сергей Авдеенко **(зав. отделом),** Александр Гольц, Галина Ковальская, Дмитрий Пинскер, Александр Рыклин, Никита Соколов **(редактор),** Дмитрий Хитаров, Александр Щербаков **(редактор)**
Отдел международной жизни («Вокруг России») Сергей Строкань **(зав. отделом),** Леонид Велехов, Екатерина Лазарева **(редактор),** Евгений Пахомов
Отдел экономики («Дела») Наталья Калиниченко **(зав. отделом),** Ирина Розенберг, Светлана Солодовник **(редактор)**
Отдел общества («Общество») Елена Каменская **(зав. отделом),** Татьяна Аскери **(редактор),** Елена Гряева, Денис Драгунский, Борис Жуков, Борис Старцев
Отдел искусства («Искусство», «Художественный дневник») Дина Годер **(зав. отделом),** Юрий Гладильщиков, Марина Голубовская **(редактор),** Николай Молок, Лев Рубинштейн, Ярослав Седов, Ольга Солнцева **(редактор)**
Координатор группы репортажей Маша Гессен
Отдел информационного обеспечения и досье Егор Быковский **(зав. отделом),** Наталья Косарева
Переводы с английского Александр Богдановский
Служба проверки Лидия Верина, Татьяна Воронина
Корректура Наталья Александрова, Белла Бург, Елена Волпянская, Ирина Комарова, Лия Кройтман, Александра Прозникова
Бухгалтерия Оксана Журавлева, Людмила Корчагина, Светлана Родионова
Референты Оксана Артюхова, Ирина Каразова, Ирина Костылева, Анна Лошкина, Елена Репина, Елена Черкасова
Водители Александр Жафяров, Александр Лосев

Автор дизайн-проекта Аркадий Троянкер

Отдельные редакционные материалы публикуются на основании лицензии, выданной **Newsweek, Inc.**
Постоянный представитель в редакции Newsweek Екатерина Корсунская
Адрес редакции: 125871, Москва, Ленинградское шоссе, дом 5а
E-mail ITOGI@7DAYS.RU, телефон (095) 753.3304
Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ
Регистрационное удостоверение № 014592 от 14.03.96
ISSN 1027-3964 Подписной индекс 75587

Учредитель ЗАО «Издательство «Семь дней»
Исполнительный директор Артур Селищев
Финансовый директор Сергей Крупенков
Управляющий делами ЗАО «Издательство «Семь дней» Мария Дмитриева
Служба рекламы ЗАО «Издательство «Семь дней»: Нана Цобехия **(директор),** Ирина Менабди **(зам. директора),** Татьяна Абакумова, Ольга Василевская, Светлана Долгих, Елена Логинова, Валерия Любимова, Наталия Матвеева, Ольга Полежаева, Ирина Потикова, Инна Зайцева **(координатор по рекламе),** телефоны (095) 753.4145, 753.4146, факс 753.4148
Служба развития производства ЗАО «Издательство «Семь дней»: Игорь Свирин **(директор),** телефон (095) 753.4143
Служба маркетинга ЗАО «Издательство «Семь дней»: Елена Кавкина **(директор),** Татьяна Голубева, телефон (095) 195.9236
Служба распространения ЗАО «Издательство «Семь дней» Александр Магалаев **(директор),** телефон/факс (095) 753.4104
Подписка вне территории Российской Федерации осуществляется: АО «Международная книга», тел. (095) 238.4967, факс (095) 238.4634; **фирмой East View Publications,** тел. в США (612) 550.0961; факс (612) 559.2931
Верстка, цветоделение и компьютерное обеспечение — компьютерный центр ЗАО «Издательство «Семь дней»: Василий Черный **(директор),** Андрей Амурский, Михаил Артюхин, Олег Детинин, Павел Балаченков, Роман Балашов, Лев Галустов, Андрей Борщевский, Сергей Аминов, Татьяна Захарова, Андрей Корзун, Татьяна Савина, Александр Мелешкин, Алексей Волнегорский, Владимир Скок, Владимир Остапцев, Александр Васильев, Алексей Исаев, Валентин Писаревский, Максим Семенов, Алексей Чарский, Валерий Чик, Артем Юрклин, Андрей Юнощев

Номер подписан в печать 1 октября 1998 года
Отпечатано в объединении **Alprint** (Финляндия). Тираж 85 000 экз.
Цена свободная

С 8 по 10 октября в бутике «Ermenegildo Zegna»
Индивидуальный пошив мужской одежды.

Итальянский портной снимет с Вас мерку, предложит на выбор модели, ткани и детали отделки в соответствии с Вашим вкусом.Ваш костюм будет готов всего через 6 - 7 недель.

Пожалуйста выберите удобное время для встречи с портным и сообщите об этом по телефону: 249-9312

Бутик «Ermenegildo Zegna»
Кутузовский проспект, 31